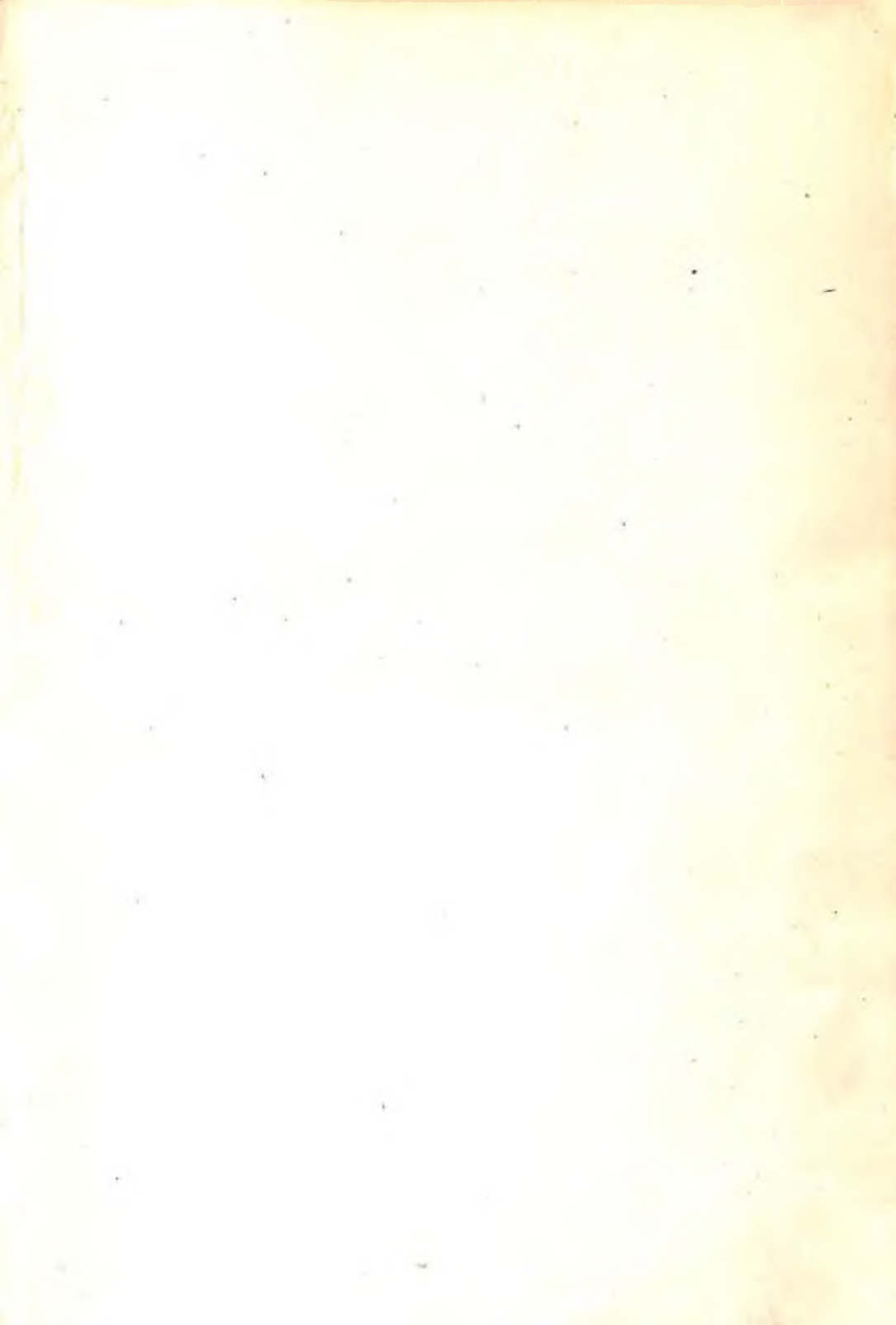

Н. М. КАРАТАЕВ

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

А. Грушевичев

2010
2018
909

26.85
К 21

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Н. М. КАРАТАЕВ

**НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
ПРЖЕВАЛЬСКИЙ
ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ПРИРОДЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ**

Профессорский кабинет
РХИ СССР
Заведующий кабинетом
Завотэ

4/3

26563
11782

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1948

Под общей редакцией Комиссии АН СССР
по изданию научно-популярной литературы
Председатель Комиссии Президент АН СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*
Зам. председателя член-корреспондент АН СССР
П. Ф. ЮДИН

Ответственный редактор
Проф. *С. В. КАЛЕСНИК*

От редактора

Русская наука и, в частности, русская география богата именами мыслителей и деятелей, которые ее прославили и показали всему миру, насколько обилен и неиссякаем источник талантов в нашем народе. Но и среди блестящей плеяды русских ученых имя великого географа и путешественника Николая Михайловича Пржевальского занимает одно из самых видных мест.

Пржевальский — первый по-настоящему открыл для науки громадные просторы Центральной Азии. Мало того: Пржевальский стал родоначальником целой школы знаменитых русских исследователей внутренних областей Азии. Труды его учеников и продолжателей, наравне с трудами самого Пржевальского, составляют гордость и славу отечественной и мировой географии.

Около 10 лет провел Пржевальский в походной палатке, в седле, в странствованиях, пройдя по горам и пустыням в общей сложности свыше 30 тысяч километров. Это — почти целое кругосветное путешествие, но вместе с тем и неизмеримо больше, чем простое кругосветное путешествие, потому что каждый день его насыщен напряженной исследовательской работой, каждая верста пути нанесена на карту и получила географическую оценку. Чтобы совершить такой подвиг, надо обладать ясной целью, поставленной перед собою не временно, а на всю жизнь, беззаветной предан-

ностью науке и поистине железной волей к достижению намеченного, несмотря на всякие препятствия и вопреки этим препятствиям. Героический образ Пржевальского неотразим по своей притягательной силе. Его личность представляет не меньший интерес, чем его путешествия и научные их результаты.

Предлагаемую вниманию читателей биографию Пржевальского, принадлежащую перу безвременно скончавшегося Николая Михайловича Каратаева, нельзя отнести к жизнеописаниям обычного типа. В этой своеобразной работе чисто биографические данные чередуются с описанием маршрутов, путевых происшествий и с географическими характеристиками целых районов. Но именно таким способом раскрывается до конца и все содержание жизни Пржевальского, для которого только путешествие было подлинной жизнью, и весь тот мир, который Пржевальский завоевал для науки.

Надо надеяться, что книга, написанная с теплотою и большим знанием дела, будет прочитана с интересом и принесет свою пользу.

С. В. Калесник

Ученый секретарь
Географического общества СССР

Глава I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ПРЖЕВАЛЬСКОГО. СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА. ОБЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ДВУХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ КРЕПОСТНОГО ПРАВА. ГИМНАЗИЯ. ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Великий русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский прожил недолгую жизнь: он не дожил до пятидесяти лет.

Николай Михайлович Пржевальский родился 31 марта (ст. стиля) 1839 г. в дворянской семье среднего достатка. Отец его был отставным военным. Мать Николая Михайловича, Елена Алексеевна Каретникова, владела по наследству от отца небольшим поместьем, она была домовитая и рачительная хозяйка, и детство нашего путешественника протекало в условиях типичной помещичьей обстановки.

Ранее детство Пржевальского совпало со временем расцвета николаевского режима, когда установленные правительством устои старой России — «православие, самодержавие и народность» — казались незыблемыми, навеки нерушимыми, когда правительство Николая I являлось оплотом старого

порядка не только внутри страны, но и для европейских соседей.

Сороковые и начало пятидесятых годов протекали в душливой обстановке жесточайших репрессий против малейших проявлений свободной мысли. Царская правящая Россия была, по словам поэта,

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна, . . .

Эта характеристика принадлежит не «вольнодумцу» какому-нибудь, а славянофилу Хомякову, горячему патриоту и принципиальному стороннику самодержавия. Так тяжела была свинцовая десница «железного тирана» Николая I и его верных слуг.

Опорей такого порядка было поместное и служилое дворянство, «тридцать тысяч полицеймейстеров», ревниво охранявшее свои права и не сомневавшееся в «святости» и незыблемости крепостничества.

Н. М. Пржевальский по отцу принадлежал к старинному, в прошлом родовитому дворянству, но уже дед Николая Михайловича был просто управляющим имением у богатого помещика Палибина, а отец, Михаил Кузьмич, выйдя по болезни в отставку с небольшим чином, жил пенсией и службой. По некоторым данным можно предполагать, что Михаил Кузьмич был человек не совсем заурядный: по отзывам соседей, он был чрезвычайно энергичен, деловит, обладал сильным и настойчивым характером. Будучи очень некрасив, он все же сумел победить сердце молодой, красивой и сравнительно богатой дочери соседа—помещика Алексея Степановича Каретникова—Елены. Находя брак дочери с отставным и бедным офицером неравным, родители Елены Алексеевны категорически отказали ему от дома. Однако

настойчивость Михаила Кузьмича и взаимная склонность молодых людей преодолели все препятствия, и брак состоялся. Вскоре у четы родился сын-первенец, Николай, будущий знаменитый путешественник. Отец Николая Михайловича умер 42 лет, когда мальчику было 7 лет, и своим воспитанием и образованием наш путешественник обязан исключительно матери.

Обстановка первых лет жизни Николая Михайловича благоприятствовала развитию важнейшей особенности его характера — любви к природе.

Елена Алексеевна получила в наследство небольшое имение и зажила в своей усадьбе «Отрадное» (бывшей Смоленской губ.) в условиях деревенской жизни.

Родители Николая Михайловича стояли вдалеке от умственного движения своего времени, культурные запросы их были самые примитивные. Книг в усадьбе не было и в помине, разве только изредка приобретались у офеней какие-нибудь «сонники», календари, да пара-другая лубочных изданий, преимущественно сказки или жития святых. Из немногочисленного штата дворовых большую роль в жизни Николая Михайловича сыграла нянька Макарьевна, она же ключница и экономка. Макарьевна умела превосходно рассказывать сказки и развила у впечатлительного ребенка живое воображение, интерес и любовь к русской природе, ко всякой живой твари, населяющей родные леса и воды.

У Пржевальского был брат Владимир, немного моложе его, и сверстник Васька, сын дворового, постоянный спутник и соучастник его во всех предприятиях и шалостях. Мать совершенно не стесняла детей в образе жизни. Режим их жизни, по словам Николая Михайловича, был «самый спартаковский». В любое время они могли идти в лес, на болото, к реке, заниматься чем угодно, не давая никому отчета. Дети мокли под дождем, лазили по деревьям, бегали по снегу. Любимым занятием Пржевальского с ранних лет была охота. Ружье он получил, правда, не раньше, как в 12-летнем воз-

расте, но задолго до этого он упражнялся в стрельбе из лука и во всяких других способах охоты. Постоянное общение с природой, близкое знакомство с образом жизни животных, птиц, с их повадками, полубессознательное вначале, но пристальное наблюдение за переменами в лесу, поле, саду, на болотах, — все это выработало в Пржевальском те его особенности, которые так характерны для него, как путешественника. Вместе с тем закалялось его здоровье, крепла воля, вырабатывалась настойчивость и упорство в достижении намеченных целей. Стойкая, неподатливая, упорная и самолюбивая натура мальчика нередко ставила его в положение провинившегося перед матерью. Елена Алексеевна никогда «не спускала» сыну его прегрешений, весьма сурово карала его простейшим способом — поркой, но это несколько не портило взаимных отношений... Мальчик быстро забывал урок — впредь до нового конфликта и нового, иногда сурового, воздаяния за шалости. Так шли первые годы жизни нашего путешественника.

Нельзя сказать, чтобы в совершенном пренебрежении оставались и иные запросы воспитания. Уже пяти лет, 1 декабря, в день Наума («пророк Наум наставляет на ум»), мальчика засадили за азбуку. Это было требованием традиции — обучение грамоте. Первыми учителями, частью из экономии, были мать и дядя, Павел Алексеевич. Однако дядя был в значительной степени учителем не в отношении науки: он был его воспитателем и руководителем в делах охоты, так как сам был страстным охотником. Обучение наукам — даже элементарной грамотности, шло, однако, весьма слабо. Ученик был очень способный, но учителя постоянно менялись, нанимаемые семинаристы оказывались плохими наставниками, и дело подвигалось туго. Все же к 10 годам он, вместе с братом Владимиром, оказался подготовленным во 2-й класс гимназии. Осенью 1849 г. их оставили в Смоленске под надзором крепостного дядьки Игната, здесь он благополучно выдержал экзамен и был зачислен в гимназию. За 2½ рубля в месяц матерью была панята

квартирка на одной из тихих, поросших травой, улиц города, и здесь началась новая полоса жизни будущего путешественника.

Гимназия того времени, да еще в провинциальном городе, была плохим рассадником просвещения. Преподавание велось самым примитивным методом: заставляли заучивать наизусть «от сих до сих», и не допускалось ни малейшего отступления от плохого иной раз учебника. Преподавательский состав был очень слабый, учителя зачастую были людьми крайне некультурными, позволяя себе грубое обращение с учениками. Телесное наказание считалось официально узаконенным приемом педагогического воздействия, и никто из учеников не избегал этой участи. Крайне грубые нравы процветали, конечно, и в ученической среде. Нарушение правил было самым обычным и постоянным явлением и в этом зачастую выражался здоровый протест против мертвящего общего режима.

Пржевальский был значительно моложе своих товарищей по классу, но тем не менее быстро занял первенствующее положение среди них, как «силач» и умница. Будучи физически сильно развитым, обладая твердым и настойчивым характером, Пржевальский был коноводом во всех школьных «предприятиях» и никогда не уклонялся от ответственности за проделанные шалости, полной мерой получал должное возмездие. Воспитанный дома без сверстников, привыкший быть в одиночестве и самостоятельным, Пржевальский и в школе не имел близких товарищей, с которыми он мог бы делиться внутренней жизнью. К тому же, следуя строгим наказам Елены Алексеевны, дядька Игнат не пускал мальчиков в гости, неизменно провожал их в гимназию, и с товарищами вне гимназии они встречались только на крепостном валу или на Смоленской стене, куда дядька водил их поиграть и «ловить воровьев».

Ученье давалось очень легко. у Пржевальского была изумительная память — очень важное качество при тогдашней

системе преподавания. Стоило ему прочесть что-либо хоть один раз — прочитанное резко и прочно отлагалось в его памяти.¹

Единственный предмет, который плохо давался мальчику, была математика, но и тут приходила на помощь та же замечательная способность: ему всегда ясно представлялась и страница книги, где был ответ на заданные вопросы, и каким шрифтом она напечатана, и какие буквы на геометрическом чертеже, и самые формулы со всеми их буквами и знаками. Никак нельзя думать, что Пржевальский лишен был математических способностей — дело не в этом, а просто феноменальная память его, живое воображение, нетерпеливый и увлекающийся темперамент не позволяли ему углубляться, сосредоточиваться на предмете.

Порядки в Смоленской гимназии были весьма «либеральны» — учебный год продолжался не больше 6 месяцев, на каникулы отводилось по крайней мере полгода. Летние вакации Николай Михайлович проводил в родном «Отрадном» и с увлечением отдавал дни и ночи охоте под руководством и надзором дяди Павла Алексеевича. Мальчики помещались с дядей во флигеле, куда приходили частенько только на ночь, отдавая весь длинный летний день охоте

---

¹ В воспоминаниях И. Л. Фатеева, сослуживца и товарища Пржевальского по Академии генерального штаба, приводится интересный случай испытания памяти Н. М. Раскрывалась знакомая ему книга на любой странице, прочитывалась одна-две строки, а затем предлагалось Пржевальскому говорить наизусть дальнейшие страницы, не отступая от текста. «Такие испытания, — говорит Фатеев, — сколько помню, производились ему в присутствии других лиц на сочинении Костомарова «Северо-русское народоправство», на «Физической географии моря» — Мори, на «Небесных светилах» — Митчеля. Ни одна из этих книг, как это достоверно известно, не была взята Николаем Михайловичем в Сибирь («испытание» производилось по возвращении Пржевальского из Уссурийского путешествия). Поэтому, когда он почти через три года приехал из Сибири, навестил нас в Варшаве, я по этим сочинениям проверял, насколько текст удержался в его памяти, и был поражен ее силой и свежестью» (Н. Ф. Дубровин, стр. 12—13).

и рыбной ловле. При таком режиме развивались неутомимость и выносливость, закалялось здоровье, изощрялась наблюдательность. Эти впечатления детских и юношеских лет остались в памяти Пржевальского на всю жизнь, как самое лучшее переживание, и каждый раз по возвращении из своих экспедиций он стремился прежде всего в свое родное гнездо, чтобы возобновить впечатления своей молодости.

В 1855 г. Пржевальский окончил гимназию. «Но, — говорит он в своей автобиографии, — скажу поистине, слишком мало вынес оттуда. Значительное число предметов и дурной метод преподавания делали решительно невозможным, даже при сильном желании, изучить что-либо положительно».¹ Можно к этому добавить, что немного знаний вынес он впоследствии и из Академии генерального штаба, и своими обширными знаниями он обязан почти исключительно самому себе: он был самоучка в полном смысле.

Пржевальский кончил гимназию 16 лет. Лето он провел, по обыкновению, в деревне, мало думая о будущем. Заботами о его карьере занята была его мать, решившая старшего своего сына Николая отдать в военную службу, а младшего Владимира в университет. Решение это соответствовало желаниям каждого из них.

1855 г. был важным моментом в истории России: в это время началась Севастопольская кампания. «Геройские подвиги защитников Севастополя, — писал впоследствии Пржевальский, — постоянно разгорячали воображение 16-летнего мальчика... Не имея ни малейшего понятия о действительной обстановке военной службы, читая постоянно увлекательные рассказы о подвигах разных героев, и я не иначе представлял себе каждого, как Баярдом, с его замечательным девизом: „Sans peur et sans reproche“ (без страха

---

¹ «Русская старина», 1888, 11, стр. 529.

и упрека) и с нетерпением ожидал той минуты, когда на деле мог видеть все, о чем знал только по книгам».¹

Действительность не замедлила основательно охладить пыл юноши при первых же столкновениях с прозой жизни.

По приезде в Москву, Пржевальский поступил вольноопределяющимся в сводно-запасный Рязанский полк и через несколько дней уже выступил в поход — сначала в Калугу, потом в г. Белев. Началась военная служба, жизнь развернула перед ним все те свои стороны, о которых он не имел ни малейшего представления. Воевать ему однако не пришлось и ни в каких геройских подвигах принимать участие тоже не оказалось надобности. Николаевская военная служба была исключительно тяжелой. Крестьянин, дворовый, отданный в солдаты, считался безвозвратно утеревшим право на нормальную человеческую жизнь, отрывался от семьи, из хозяйства на 25 лет. Тяжелая муштра, полная невозможность хотя бы малейшей защиты своих элементарнейших прав — вот что ждало «воинна» с первого дня службы. Командиры, начиная с низшего, могли распоряжаться солдатами с еще большей, пожалуй, бесконтрольностью, чем помещики своими крепостными. Телесные наказания, вплоть до знаменитых шпицрутенов, были обычным методом «обучения».

Пржевальскому, как дворянину и вольноопределяющемуся, не пришлось, конечно, испытать участи простого рядового. Но затхлость и удушливость этой среды очень скоро и тяжело стали угнетать юношу. Из всех юнкеров и вольноопределяющихся была образована особая юнкерская команда, которая ежедневно, с 10 часов утра и до часу пополудни, собиралась в манеж на строевые занятия. Вот как описывал Пржевальский в письме к матери обстановку своей службы: «... всех нас человек шестьдесят, но большая часть из них негодян, пьяницы, картежники. Видя себя между такими сотоварищами, невольно вспомнишь слова, что я буду алмаз,

---

¹ Журнал «Коннозаводство и охота», 1862, № 6—8, «Воспоминания охотника».

и упрека) и с нетерпением ожидал той минуты, когда на деле мог видеть все, о чем знал только по книгам».¹

Действительность не замедлила основательно охладить пыл юноши при первых же столкновениях с прозой жизни.

По приезде в Москву, Пржевальский поступил вольноопределяющимся в сводно-запасный Рязанский полк и через несколько дней уже выступил в поход — сначала в Калугу, потом в г. Белев. Началась военная служба, жизнь развернула перед ним все те свои стороны, о которых он не имел ни малейшего представления. Воевать ему однако не пришлось и ни в каких геройских подвигах принимать участие тоже не оказалось надобности. Николаевская военная служба была исключительно тяжелой. Крестьянин, дворовый, отданный в солдаты, считался безвозвратно утерявшим право на нормальную человеческую жизнь, отрывался от семьи, из хозяйства на 25 лет. Тяжелая муштра, полная невозможность хотя бы малейшей защиты своих элементарнейших прав — вот что ждало «вонна» с первого дня службы. Командиры, начиная с низшего, могли распоряжаться солдатами с еще большей, пожалуй, бесконтрольностью, чем помещики своими крепостными. Телесные наказания, вплоть до знаменитых шпицрутенов, были обычным методом «обучения».

Пржевальскому, как дворянину и вольноопределяющемуся, не пришлось, конечно, испытать участи простого рядового. Но затхлость и удушливость этой среды очень скоро и тяжело стали угнетать юношу. Из всех юнкеров и вольноопределяющихся была образована особая юнкерская команда, которая ежедневно, с 10 часов утра и до часу пополудни, собиралась в манеж на строевые занятия. Вот как описывал Пржевальский в письме к матери обстановку своей службы: «... всех нас человек шестьдесят, но большая часть из них негодяи, пьяницы, картежники. Видя себя между такими сотоварищами, невольно вспомнишь слова, что я буду алмаз,

---

¹ Журнал «Коннозаводство и охота», 1862, № 6—8, «Воспоминания охотника».

но в куче навоза. Впрочем, есть и хорошие, но число их весьма ограничено... Кормят меня здесь постоянно одними щами, но я покупаю гречневую крупу и варю из нее кашу, также иногда покупаю говядину на жаркое»...

Летом 1856 г. полк двинулся в Козлов Тамбовской губ. (ныне Мичуринск).

В конце 1856 г. Пржевальский был произведен в прапорщики в Полоцкий пехотный полк, расположенный в г. Белом, Смоленской губ. Материальное положение его стало лучше, но здесь он попал едва ли не в худшее общество, чем прежде. «Офицеров этого полка никто не хотел пускать на квартиру. На площадке среди города был жилой особый дом: мебели никакой, кроме кроватей, да и то не у всех. Посреди комнаты стояло ведро с водкой и стаканы. День начинали и кончали пьянством, вперемежку со скандалами, вроде сечения квартального и т. п. Местные жители обходили этот дом далеко, чтобы не попасть на глаза офицерам и избежать скандала».¹

В 1860 г. Полоцкий полк перешел в г. Кременец, и здесь Пржевальский начал искать выхода из безотрадного положения. Место расположения квартировавшего полка отличалось замечательно красивыми ландшафтами. Оно представляло собою восточную отрасль Карпат, к северу от которой тянется, теряясь за горизонтом, обширная равнина с прихотливо извиляющейся речкой, с поемными лугами и множеством болот. Самые горы покрыты богатыми лиственными лесами. Страстный охотник и любитель природы, Николай Михайлович каждую свободную минуту, а их было очень много у него, уходил в леса, луга и болота и там находил источники высокого наслаждения, давая исход накопившейся энергии. В этих прогулках он собрал хороший гербарий, наблюдал сезонные явления в природе и здесь же в этих одиноких скитаниях нашел выход из своего положения: он решил поступить в Академию генерального штаба.

¹ Н. Ф. Дубровин. Николай Михайлович Пржевальский. СПб., 1890, стр. 25—26.

Глава 2

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА. ПЕРВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ. ВОЕННАЯ СЛУЖБА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ АКАДЕМИИ. ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА В ВАРШАВЕ. РАБОТА НАД ПОВЫШЕНИЕМ СВОИХ ЗНАНИЙ. ПЕРЕВОД В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ

Умственную и нравственную неудовлетворенность обстановкой и средой Пржевальский начал чувствовать в первые же годы своей военной службы. Романтические грезы о героических подвигах очень скоро разлетелись в прах при столкновении с действительностью. Где же искать выход из положения? Николай Михайлович вначале просто уходил подальше от одичавших товарищей-офицеров, находя в охоте и общении с природой некоторое удовлетворение. Вместе с тем он усердно и много читал, преимущественно путешествия и исторические сочинения. Потребность осмыслить явления природы рано пробудила в нем интерес к естественным наукам, особенно к ботанике и зоологии, и Пржевальский во всех, вместе со своей военной частью, передвижениях начинает собирать гербарий растений тех местностей, где стоял его полк. Таким образом постепенно накапливались полезные знания у молодого офицера, расширялся умственный горизонт его, и все чаще вставал перед ним вопрос: что же делать?

В своей статье, имеющей автобиографическое значение, «Воспоминания охотника» (1862 г.) Пржевальский писал: «Я невольно задавал себе вопрос: где же нравственное совершенство человека, где бескорыстие и благородство его поступков, где те высокие идеалы, пред которыми я привык благоговеть с детства? И не мог дать себе удовлетворительного ответа на эти вопросы, и каждый месяц, можно сказать, каждый день дальнейшей жизни убеждал меня в противном, а пять лет, проведенные на службе, совершенно переменили мои взгляды на жизнь и человека... Прослужив

пять лет в армии, протаскавшись в караулы и по всевозможным гауптвахтам и на стрельбу со взводом, я, наконец, ясно сознал необходимость изменить подобный образ жизни и избрать более обширное поприще деятельности, где бы можно было тратить труд и время для разумной цели. Однако, эти пять лет не пропали для меня даром. Не говоря уже о том, что они изменили мой возраст с 17 на 22 года и что в продолжение этого периода в моих понятиях и взглядах на жизнь произошла огромная перемена — я хорошо понял и оценил то общество, в котором находился».

Пржевальский не сразу решился на попытку поступить в Академию генерального штаба, так несбыточной казалась ему эта мечта. Он еще ранее подал по начальству рапорт с просьбой о переводе на Амур; ответом был — трехдневный арест. После этого Пржевальский окончательно остановился на мысли поступить в Академию. Как человек, у которого дело никогда не расходилось с мыслью и словом, Пржевальский с железной энергией принялся за подготовку к экзаменам. Ему казалось, что поступить в Академию дерзают лишь отлично подготовленные офицеры и что выдержать экзамен необыкновенно трудно, почти невозможно обыкновенному человеку. И вот он дни и ночи сидит за учебниками, упорно овладевая теми предметами, которые так плохо в свое время изучались в гимназии. Всю весну 1861 г. однополчане почти не видели его, называли «ученым», это еще выше подняло уважение к нему товарищей. После предварительного испытания в штабе корпуса, Николай Михайлович отправился в Петербург — с очень тощим кошельком, но розовыми надеждами на лучшее будущее. Экзамен он выдержал одним из первых и был зачислен, несмотря на то, что желавших поступить было значительно больше, чем вакансий.

Работал Пржевальский с первых же дней поступления очень усердно, добросовестно ходил на все лекции, выполнял все требования учебной программы. Превосходная память опять сослужила ему хорошую службу. Специальными военными науками он мало интересовался, но история и некото-

рые другие предметы изучались им усерднейшим образом. Материальное положение его было очень тяжелое, часто он сильно бедствовал и оставался без обеда. Чтобы поправить несколько свои денежные дела, он в конце первого учебного года написал статью «Воспоминания охотника» и отдал ее в редакцию «Журнала охоты и коннозаводства», надеясь получить гонорар. Редактор однако ничего не заплатил Пржевальскому, объясняя это тем, что он «начинающий автор». Автор, потерпев крушение в своих денежных расчетах, все же был очень рад первому своему появлению в печати (1862 г., №№ 6—8).

Так же, как в гимназии, а потом на службе в полку, Пржевальский ни с кем не сближался. Причиной тому было, впрочем, и стесненное материальное положение. Но с некоторыми из товарищей, особенно с И. Л. Фатеевым, он до конца жизни сохранил самые дружеские и сердечные отношения, не прерывая и не ослабляя их и в то время, когда находился в зените своей славы и влияния.

Весной 1863 г. Пржевальский окончил Академию, был произведен в поручики и назначен полковым адъютантом в тот самый Полоцкий полк, в котором он служил до своего поступления в Академию.

Лямка штабной службы в полку ни в малейшей степени не могла, конечно, удовлетворить Николая Михайловича. Попрежнему он все свободное время отдавал охоте и усиленному чтению, по временам брал отпуск и проводил его в родном «Отрадном». Приятным и важным событием этого периода для Пржевальского было избрание его действительным членом Географического общества за доставленную им рукопись «Военно-статистическое обозрение Приамурского края». «Сочинение это, — говорит биограф Николая Михайловича, академик Дубровин, — было написано на заданную тему в Академии генерального штаба, но оно имело такие достоинства и было настолько выдающимся в литературе того края, что обратило на себя внимание членов Географического общества. Трое из них... внесли пред-

ложение об избрании Пржевальского членом Общества, как человека весьма много занимающегося и путешествующего по России».¹ Избрание состоялось 5 февраля 1864 г.

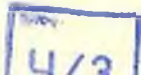
В «Отрадном» Пржевальский проводил все время в охоте и в серьезном изучении зоологии и ботаники. В те годы по всему миру гремела слава знаменитых путешественников в совершенно еще неисследованных частях Африки — Ливингстона, Бэкера, Барта. Николай Михайлович мечтал пойти по следам этих героев; особенно его занимала мысль о путешествии к истокам Белого Нила. Однако трезвому уму Пржевальского нетрудно было скоро понять всю фантастичность, несбыточность своих мечтаний: ведь эти экспедиции стоили громадных средств, а он располагал лишь скромным офицерским жалованьем. Постепенно мысль его приняла более реальную, осязательную форму и вылилась, наконец, в конкретное решение: надо обратить внимание на изучение Азии, особенно центральных ее частей, там лежит совершенно неведомая науке область, там, быть может, лежит ключ к разгадке многих кардинальных вопросов географии. Центральная Азия на огромном протяжении граничит с Россией; на Дальнем Востоке, у берегов Японского моря недавно присоединена территория (Уссурийский край), известная лишь в самых общих чертах и в очень ограниченной своей части. Там возможна и плодотворная деятельность энергичного и научно-подготовленного работника. Мечта может претвориться в действительность.

Пржевальский немедленно же, обдуманно и систематически, перестроился в своем серьезном чтении: он основательно стал изучать географическую и естественно-научную литературу об Азии, в особенности Центральной, и настольными книгами его стали Риттерова «Азия», Гумбольдта «Картины природы» и, надо думать, его же «Asie centrale».

Сознавая невозможность получить солидную научную

¹ Н. Ф. Дубровин. Николай Пржевальский. стр. 33—34.

² Н. М. Пржевальский

1172. 26567.

подготовку в условиях армейской службы в провинции; Пржевальский стал искать путей устроиться в каком-либо культурном центре. В этом помогли ему знакомства и связи по Академии генерального штаба. В только что открывшемся тогда Варшавском юнкерском училище преподаватели были его академические товарищи, они и устроили Николая Михайловича на место преподавателя географии и истории; там же он был назначен взводным офицером училища. Это было в декабре 1864 г.

«Пребывание в Варшаве, — говорит биограф Пржевальского, — или, иначе говоря, варшавский период службы был одним из счастливейших для Пржевальского, и мне не раз приходилось от него слышать, что Варшава окончательно сформировала его и оставила по себе самое приятное воспоминание. Из скучной и безотрадной стоянки, из полуневежественного общества, погруженного в самые мелочные интересы, он очутился в городе, обладающем научными средствами, среди товарищей по Академии, людей образованных. Все это, конечно, в самом корне изменило положение Пржевальского и он мог всецело предаться своим любимым занятиям».¹

На этом варшавском периоде жизни стоит остановиться несколько подробнее.

Деятельность Пржевальского как преподавателя истории и географии, помимо того значения, которое она имела для него как будущего путешественника, выработала в нем и литературные способности. Написанные им впоследствии книги отличаются прекрасным языком, художественностью картин, стройностью и строгостью плана. По справедливости такие книги, как «Монголия и страна тангутов» (т. I), «Путешествие в Уссурийском крае», «Третье путешествие в Центральную Азию» являются классическими произведениями мировой географической литературы.

---

¹ Н. Ф. Дубровин. Николай Михайлович Пржевальский. стр. 35—36.

К своим лекциям Пржевальский готовился необыкновенно тщательно. Лектор из него выработался, по общему признанию, очень хороший: читал громко, ясно, одушевленно, со множеством удачно выбираемых цитат, обыкновенно из первоисточников. Лекторская слава его скоро вышла за стены училища, и в зиму 1866 г. он прочитал четыре публичных лекции по истории географических открытий. Лекции эти привлекли внимание широкого круга любителей географии, и в числе его слушателей были и профессора Варшавского университета.

В пособие своим ученикам Пржевальский составил краткий учебник географии, который сначала литографировался, а потом уже был напечатан под заглавием «Записки всеобщей географии по программе юнкерских училищ».¹

В небольшом объеме учебник содержит массу фактического материала, удачно выбранного, хорошо изложенного. Содержание курса делится на 2 отдела: география физическая и география политическая. Физическая география изложена в 6 главах, которым предпослана коротенькая глава «математической географии». Главы эти следующие: о твердой поверхности земли; о жидкой поверхности земли; о газообразной оболочке земли; климат; естественные произведе-

---

¹ Приводим отзыв акад. Дубровина об этой книжке: «„Записки“ долгое время служили руководством не только для юнкерских училищ, но и для других учебных заведений. По своему содержанию и изложению их можно считать выдающимися в учебной литературе того времени. Руководствуясь установленной программой, налагавшей на подобный труд стеснительные рамки, Николай Михайлович задался мыслью дать своим ученикам возможно полные сведения по географии как общеобразовательному предмете, знакомящем с природой и человеком. Расширение умственного кругозора учеников и возбуждение в них любви к природе лежат в основе учебника, а популярное его изложение, строгое и систематическое группирование фактов делают его вполне доступным пониманию, при том уровне знаний, которые имели ученики юнкерских училищ того времени». (Дубровин, стр. 55). «Записки географии» Пржевальского были приняты, как учебное пособие в Пекинском университете, как сообщал в одном из писем Н. М.

ния; человек. Как видим, материал географии дан приблизительно тот же, что и в других курсах физической географии (например, Крубера, Зупана, Мартонна). Язык учебника ясный, точный, сжатый. Конкретный материал дается не только теоретически важный, но и практически полезный. Автор все время имеет в виду необходимость и возможность приложения науки к нуждам и запросам жизни.¹

В училище Николай Михайлович с самого начала поставил себя прекрасно. Отношения с юнкерами быстро установились у него самые хорошие, причем никаких «поблажек» он им не давал, требовал от них самой добросовестной и серьезной работы и беспощадно карал малейшие попытки заменить истинные знания каким-нибудь показным суррогатом. Он всячески старался побудить слушателей к активной умственной жизни, расширить их кругозор, приучить к систематической, отчетливой работе. Насколько сильное влияние имел он на своих учеников, доказывает тот красноречивый факт, что многие из них по окончании юнкерского училища оставляли военную службу и поступали в университет или другое высшее учебное заведение. Если принять во внимание, что в юнкерские школы шли юноши, скорее бежавшие от науки, чем искавшие ее — тем большей окажется заслуга Пржевальского.

Влияние его усиливалось еще и другой стороной его деятельности: он взял на себя заведывание библиотекой училища и как библиотекарь много способствовал повышению уровня образования юнкеров. При поступлении на службу Пржевальский нашел в училище жалкий зачаток библиотеки. В очень

---

¹ Первого издания «Записок всеобщей географии» мы не имели, к сожалению, в руках. Второе издание, которым мы располагали, состоит из двух выпусков (с непрерывной нумерацией страниц и без титульного листа во втором выпуске). На первом выпуске значится, что составил «Записки» Н. М. Пржевальский, а дополнил И. Фатеев, а на втором уже и составил Фатеев (Политическая география европейских государств). Датировано 2-е издание 1870 г. первый выпуск, и 1871 — второй (Варшава).

короткий срок он, можно сказать, создал солидное книгохранилище, из которого черпали много полезного не только юнкера, но и преподаватели. Николай Михайлович внимательно следил за текущей научной литературой, выписывал журналы, покупал вновь выходящие книги, хлопотал о систематическом пополнении библиотеки географическими сочинениями, картами.

Здесь, в Варшаве, завязались у него и первые знакомства с представителями науки. Занимаясь более всего зоологией, в особенности орнитологией, он постарался познакомиться с консерватором зоологического кабинета Варшавского университета В. К. Тачановским. Этот ученый отнесся к Николаю Михайловичу с самым сердечным участием и очень существенно помог ему в научных зоологических занятиях. Тачановский, кроме того, прекрасно умел препарировать и набивать чучела птиц и этому искусству научил и Пржевальского. Отношения между ними сохранились до самой смерти Николая Михайловича (Тачановский умер спустя 2 года после Пржевальского).

Другой ученый, который сыграл некоторую роль в научном развитии Пржевальского, был проф. Ю. Александрович, ботаник, директор Варшавского ботанического сада.¹ Его помощь в определении собираемых Николаем Михайловичем растений была очень полезна и необходима.

Образ жизни Пржевальского в Варшаве был совершенно ригористический: все его время заполнено было работой с утра до ночи, и никаких развлечений — театров, концертов и т. п. он себе не позволял. Вставал он обычно в 6 часов утра и немедленно же, даже не одеваясь, садился за работу. Время от 8 до 12 часов он посвящал училищу, а затем, позавтракав где-нибудь по пути, шел в университет, занимаясь там либо в зоологическом кабинете, либо в ботаническом

---

¹ Александрович, между прочим, известен небольшой прекрасной монографией о вересках Петербургской губернии (ныне Ленинградской области). Книжечка эта (диссертация) — библиографическая редкость.

саду. В 3 часа он опять направлялся в юнкерское училище. В гости ходил редко, но у себя в квартире время от времени собирал небольшой кружок товарищей-сослуживцев, кое-кого из юнкеров, знакомых студентов. В таких случаях Пржевальский приготавливал хотя и обильное, но скромное угощение, и весь вечер велись разговоры на научные темы, преимущественно из области естествознания и географии.

Вставая очень рано, он спать ложился обыкновенно не позже 9—10 час. Этой привычки он держался неизменно, и гости хорошо знали, что засиживаться у Николая Михайловича не полагается.

Так прошли два года Варшавской жизни Пржевальского.

Они были очень полезны для его развития. Научная подготовка его достигла уже такого уровня, что можно было от планов и мечтаний перейти к реальному осуществлению их. Но Пржевальский был всего штабс-капитаном Полоцкого пехотного полка и рядовым преподавателем училища. В Географическом обществе у него не было никаких друзей и знакомых (представившие его в члены Географического общества Безобразов, Штакельберг и Бракман знали Пржевальского только по его труду «Военно-статистическое обозрение Приамурского края»). Вновь стал он энергично хлопотать о переводе в генеральный штаб, чтобы иметь возможность отправиться на окраину и начать свою исследовательскую деятельность. И хлопоты его на этот раз увенчались успехом.

Служебная репутация его по училищу, блестящие увлекательные публичные лекции привлекли внимание высшего начальствующего состава Варшавского военного округа. Большим почитателем его оказался помощник начальника штаба округа генерал Черницкий. По просьбе Пржевальского, он представил докладную записку начальнику военно-учебных заведений, генералу Исакову. В этой записке Черницкий дает самую лестную характеристику Пржевальского: «Офицер этот, при обширных познаниях в географии, истории и статистике, будет весьма полезен для составления статистического

«обзорения наших областей в Средней Азии, до сих пор еще мало исследованных» (Пржевальский первое время хлопотал о переводе в Среднюю Азию. Офицеры генерального штаба обязаны были составлять военно-статистическое описание пограничных районов). Исаков, передавая начальнику главного штаба Гейдену докладную записку Черницкого, в свою очередь писал: «Я видел Пржевальского в преподавании; он, кажется, очень способный и бойкий офицер; он желает деятельности и не может ее там удовлетворить».

Прошло, однако, много времени — почти год, — дело не подвигалось вперед: тяжело работала бюрократическая машина. Вновь обращается Николай Михайлович к своим покровителям, и теперь уже сам начальник штаба округа, генерал Минквиц, ходатайствует о причислении Пржевальского к генеральному штабу и о назначении его если не в Туркестанский округ, то хотя бы в войска, расположенные в Восточной Сибири. Черницкий вновь в частном порядке (это, пожалуй, было важнее всего) переписывается с помощником начальника главного штаба Мещерниновым. Главным препятствием было то обстоятельство, что Пржевальский окончил Академию без выпускного экзамена, на льготных основаниях. Благоприятный отзыв начальника Академии Леонтьева имел поэтому решающее значение: в официальной справке Леонтьев удостоверил, что «Пржевальский все время пребывания в Академии известен был, как способный и усердный офицер».

Приказом 17 ноября 1866 г. Пржевальский причислен был к генеральному штабу с назначением для занятий в Восточно-Сибирский военный округ.

Это был решающий момент в дальнейшей карьере великого путешественника.

Сборы Николая Михайловича были очень короткими: в декабре был получен в Варшаве приказ о назначении, а в середине января, счастливый и радостный, Пржевальский сел в вагон и прощался со своими многочисленными знакомыми, почитателями и учениками. Проводы были самые

теплые, Пржевальский унес с собой о Варшаве лучшие воспоминания. В свой далекий путь Николай Михайлович брал знакомого ему немца-препаратора, некоего Роберта Кехера, выбор не очень удачный по той причине, что перед самым отъездом немец влюбился и расставался со своей невестой крайне неохотно. Восторженно настроенный Пржевальский не уделил надлежащего внимания этому обстоятельству, за что и поплатился впоследствии.

В свое кратковременное пребывание в Петербурге Пржевальский впервые познакомился как член Географического общества с председателем Отделения физической географии П. П. Семеновым (впоследствии Тянь-Шанским), который отнесся к нему с большим вниманием и снабдил его рекомендательными письмами к влиятельным лицам в Сибири.

Ободренный вниманием такого человека, как П. П. Семенов, Пржевальский со своим препаратором немедленно двинулся в далекий и трудный в те времена путь и уже в конце марта был в Иркутске, а 28-го явился к начальству — генералу Кукелю. Проезжая Сибирь, Николай Михайлович жадно вглядывался в окружающую его новую обстановку. «Дикость, ширь, свобода бесконечно мне понравились» — говорит он в своей автобиографии. Кукель встретил молодого офицера очень ласково и отнесся к нему самым внимательным образом.¹

---

¹ О Кукеле считаем нелишним сказать несколько слов. П. А. Кропоткин, знаменитый революционер и ученый, служивший несколькими годами раньше Пржевальского в Восточной Сибири, вот что говорит о Кукеле: «Помощником Корсакова был молодой тридцатипятилетний генерал Кукель, он занимал должность начальника штаба Восточной Сибири и, как только ознакомился со мной, повел меня в одну комнату в своем доме, где я нашел лучшие русские журналы, полную коллекцию лондонских революционных изданий Герцена». (Записки революционера. Academia, 1933, стр. 111—112).

Дальше, рассказывая о том, что волна реакции после 1863 г. докатилась до Сибири, Кропоткин пишет: «Раз в феврале или марте 1863 г., в Читу прискакал нарочный из Иркутска и привез бумагу. В ней предписывалось генералу Кукелю немедленно оставить пост губернатора Забайкальской области, вернуться в Иркутск и там дожидаться даль-

Пока дело о командировании Пржевальского в Уссурийский край проходило неизбежные инстанции, Кукель поручил ему привести в порядок библиотеку Сибирского отдела Географического общества. Целый месяц усердной работы потребовалось для этого, но Пржевальский извлек большую пользу для себя: он ознакомился с рядом сочинений, прежде ему неизвестных, использовал ряд рукописных материалов о крае, который ему предстояло изучать, и сделал обширные выписки, очень пригодившиеся ему впоследствии.

Между тем вопрос о командировании Пржевальского в Уссурийский край был на полном ходу. В мае 1867 г. командировка была оформлена со следующей программой: 1) осмотреть расположение находящихся там двух линейных батальонов; 2) собрать сведения о числе и состоянии населения; 3) исследовать пути, ведущие к границам Маньчжурии и Кореи; 4) исправить маршрутную карту и добавить ее новыми пунктами, в которых будет; 5) производить какие угодно ученые изыскания.

С целью усилить научный характер своего путешествия, Пржевальский обратился в Сибирский отдел Географического общества с предложением произвести более или менее полное географическое обследование Уссурийского края и ходатайствовал об ассигновании небольшой суммы. Идя навстречу этому предложению, Сибирский отдел поручил ему описать, насколько будет возможно, флору и фауну почти неизвестной страны и собрать зоологическую и ботаническую коллекции.

нейших распоряжений, не принимая должности начальника штаба. Почему так? Что бы все это значило? Про это в бумаге не было ни слова. Даже генерал-губернатор, личный друг Кукеля, не решился прибавить ни одного пояснительного слова к таинственной бумаге. Значила ли она, что Кукеля повезут с двумя жандармами в Петербург и там замуруют в каменный гроб, в Петропавловскую крепость? Все было возможно. Позднее мы узнали, что так именно и предполагалось. Так бы и сделали, если бы не энергичное заступничество графа Николая Муравьева-Амурского, который лично умолял царя пощадить Кукеля». (Записки революционера, стр. 117).

Все складывалось, таким образом, очень хорошо. Была только одна маленькая тучка на ясном небосклоне: «Немец (Кехер), которого я привез из Варшавы, оказался никуда негодным и решительно неспособным к перенесению каких-либо физических трудностей. Кроме того, каждый день он плакал о своей невесте и о Варшаве, так что я, наконец, прогнал его от себя; последнее время он даже не хотел идти на охоту, говоря, что ничего его не тешит».

Беда, однако, оказалась поправимой. Совершенно случайно однажды зашел к нему некто Ягунов, мальчик лет 16, недавно поступивший в топографы, очень бедный, сын женщины, сосланной на поселение. Ягунов с первой же встречи так понравился Пржевальскому, что он предложил ему ехать на Уссури. Мальчик охотно и сразу же согласился, и вопрос о помощнике был решен весьма счастливо. Немедленно же Николай Михайлович стал обучать его искусству препарировать и давал наставления о способах собирания коллекций.

Снаряжением в экспедицию Пржевальский был озабочен уже с Петербурга. Там он закупил себе оружие и книги по Восточной Сибири, особенно по Амуру. Помощь Сибирского отдела была очень кстати. В самый день отъезда он писал своему товарищу И. Л. Фатееву: «Снаряжение мое в экспедицию все сделано в самых гигантских размерах, так, например, я имею с собою четыре пуда одной дробин. Все это придется таскать на выючных лошадях по лесам. Возня страшная. На Уссури встречу с тигром и непременно поохочусь, а может быть и убью его. Вообще по возвращении я буду нечто вроде олицетворенного „лесного бродяги“ Ферри» (письмо от 21 мая).

Пржевальский делал свой первый шаг как путешественник. «Дорог и памятен для каждого человека тот день, — говорит он, — в который осуществляются его заветные

стремления, когда, после долгих препятствий, он видит, наконец, достижение цели, давно желанной».¹

От того, каковы окажутся результаты, будет зависеть судьба его как путешественника. Радостный и уверенный, двинулся Николай Михайлович навстречу этой судьбе.

Глава 3

ЭКСПЕДИЦИЯ В УССУРИЙСКИЙ КРАЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ ТОГО ВРЕМЕНИ ОБ ЭТОМ КРАЕ ПУТЕШЕСТВИЕ К МЕСТУ РАБОТЫ. ПЕРВЫЙ ЭТАП ЭКСПЕДИЦИИ

Район первого путешествия Пржевальского был выбран им весьма обдуманно: еще в Академии он специально заинтересовался Приамурьем, изучил его по всем доступным ему литературным источникам и написал работу, оставшуюся в рукописи и взятую им потом при отъезде в Иркутск. Уссурийский край, Приморье представляли особый научный интерес; присоединенный к России всего за 10 лет до приезда Пржевальского, край этот был очень мало исследован, а по богатству своего растительного и животного мира и благоприятным условиям климата был исключительно важен для целей колонизации.

Здесь не место давать подробный очерк путешествий по Амуру и Уссурн до Пржевальского, но считаем необходимым коснуться вкратце важнейших экспедиций, чтобы судить о заслугах Николая Михайловича в этой его первой работе.

Важнейшими путешествиями 50-х и 60-х годов XIX столетия были исследования Агте, Максимовича, Л. Шренка, Маака, Радде, Венюкова, Шварца, Ф. Б. Шмидта. Особенно богатыми для изучения края оказались работы Максимовича, Маака и Венюкова.

Первым русским путешественником, проникнувшим на Уссурн, был ботаник Максимович, впоследствии академик.

---

¹ Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869, СПб., 1870, стр. 1.

«По флоре Маньчжурии сделано много, — говорит В. Л. Комаров, — но сделано много не по числу исследований и печатных трудов, а качественно, потому что главным работником на этом поприще является Максимович, труды которого отличаются чрезвычайной точностью и полнотою».¹ Путешествия Максимовича продолжались с 1854 по 1860 г. и охватывали довольно широкий район от лимана Амура до Сунгари, Уссури до устья Сунгари и затем выше по течению, залив Ольги и до окрестностей Владивостока. Результатом его экспедиций был обширный гербарий из 1700 видов и капитальный труд, изданный отдельным томом мемуаров Академии Наук (1859).

В эти же годы по Амуру и Уссури путешествовал другой крупный ученый Р. К. Маак. После своей поездки по Амуру, Маак предпринял новое путешествие в долину р. Уссури и на оз. Ханка. Амурский ботанический сбор Маака был обработан Максимовичем и Рупрехтом, а уссурийский — Регелем и частью самим путешественником. Превосходный его труд «Путешествие по долине реки Уссури», тт. I и II, 1861 г., был издан Географическим обществом и включает отчет о путешествии, систематическое описание зоологической его коллекции, географическое описание реки Уссури и ее долины (т. I) и описание растительности (т. II). К I тому «Путешествий» имеется прибавление А. Брылкина, спутника Маака, «замечания о свойствах языка ходзенов и ходзенский словарь» (ходзены — это гольды). К труду приложены две хорошо исполненные литографии «Вид озера Кенгка (Ханка) у устья реки Тур» и «Растительность Уссурийского края». Число видов — 643; в заключение дан небольшой очерк культурных и полезных растений, а также китайские и ходзенские названия местных растений.

Экспедиция для научного изучения Уссурийского края под начальством М. И. Веникова была снаряжена в 1858 г., продолжалась всего около двух месяцев, но дала результаты

---

¹ Флора Маньчжурии, т. I, 1901, стр. 19.

немаловажные. Впервые р. Усури была исследована до своих истоков, и были нанесены на карту все впадающие в нее реки (их устья) и дано обстоятельнейшее описание всего путешествия со множеством данных по ботанике, зоологии, этнографии, лингвистике.¹

Все указанные путешествия дали лишь самое общее представление о Приамурье и Уссурийском крае, и только в основных чертах климат и природа области стали известными к моменту выступления Пржевальского. Маршруты путешественников охватывали отдельные неширокие участки района, огромная же часть территории была абсолютно неизвестна. Сами путешествия были обычно краткосрочными, сведения собирались налету, и не было возможности проверить их повторным посещением. Путешествие Пржевальского коснулось обширной области, особенно же обстоятельно исследовал он оз. Ханка, на котором был три раза.

Историк географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский о выступлении Пржевальского говорит: «самым интересным исследователем Приморско-Уссурийского края явился один новый деятель . . . , стяжавший себе в последующем периоде громкую славу своими путешествиями и исследованиями».²

Больше двух лет посвятил исследованию Уссурийского края Николай Михайлович.

Первые впечатления путешественника Пржевальский получил вскоре по выезде из Иркутска, когда он увидел перед собой громадную водную гладь Байкала, окруженного высокими горами, на вершинах которых виднелся еще лежащий местами снег (в конце мая). За Байкалом предстоял большой

---

¹ М. Венюков. Обзорение р. Усури и земель к востоку от нее до моря. Вестник Русского географического общества, 1859 г., ч. XXV. 4, стр. 185—242. К отчету приложены 2 карты.

² История полувековой деятельности РГО, 1845—1895, стр. 213.

путь до берегов Шилки, до Сретенска, где Пржевальский должен был сесть на пароход, чтобы из Хабаровска начать уже свой уссурийский маршрут.

«Дружно понеслась лихая тройка, и быстро стали мелькать различные ландшафты: горы, речки, долины, русские деревни, бурятские улусы... без остановок, в несколько дней, проехал я тысячу верст поперек всего Забайкалья», — пишет Пржевальский.¹

Все здесь было ново для Пржевальского: горы, покрытые дремучими лесами с невиданными нашим путешественником породами деревьев, широкие долины с богатыми лугами и болотами и холодные реки Забайкалья и Даурии, оригинальное сочетание горных лесов и степей, так называемое лесостепье. Несмотря на спешность своего движения к месту назначения, Николай Михайлович внимательно и жадно всматривался в развертывающиеся перед ним картины и заносил впечатления в свой дневник.

Забайкалье представляет собой возвышенную страну, состоящую из множества невысоких хребтов и широких долин между ними, прорезанную многочисленными быстрыми реками. У самого Байкала высятся хребет Хамар-дабан, приблизительно в центре всего этого района тянется Яблоновый хребет; у самой границы Монголии протянулся хребет Борщовочный с самой высокой вершиной его — горой Сохондо (или Чохондо), достигающей 2482 м, и с ясными следами древнего оледенения. Западную половину Забайкалья (как и Витимское плоскогорье и Патомское нагорье, расположенные к северо-востоку) наш ученый Черский (политический ссыльный) и позднее геолог Зюсс относили к системе первичного поднятия Азии («темя Азии»), признавая это нагорье самым древним участком суши на материке. В то время, когда Пржевальский следовал этим путем, знание географии и геологии Забайкалья были еще в зачатке. Значительно позже, уже к концу XIX столетия, наука обогатилась ценней-

---

¹ Путешествие в Уссурийском крае, стр. 2.

шими материалами ряда ученых, особенно В. А. Обручева, А. П. Герасимова, К. К. Гедройца и др. Широкие географические обобщения сделаны были Л. С. Бергом в его трудах: «Опыт разделения Сибири и Туркестана на ландшафтные и морфологические области» (Сборник в честь Д. Н. Анучина, М., 1913) и «Устройство поверхности (Азиатской России)» (Азиатская Россия, II, СПб., 1914).

Вернемся к впечатлениям Пржевальского.

Забайкалье в начале произвело на него не совсем благоприятное впечатление. В ближайшей к Байкалу части, до перевалов Яблонового хребта, несмотря на конец мая растительность еще мало была развита: суровый, континентальный климат этой части Азии давал вполне знать о себе, по ночам было очень холодно, приходилось кутаться в полушубок и все же дрогнуть к моменту утреннего понижения температуры. По низменным местам земля покрывалась в иные ночи инеем. Только в долинах рек (Селенги, Уды, Кыргылея) видна была яркая зелень, и появились весенние первоцветы — лютики, касатик, одуванчики, первоцвет. Не видно было оживления и в животном населении, птиц по дороге встречалось немного, так как время весеннего пролета уже прошло, а оставшиеся большей частью сидели на яйцах. Сильно оживляла, правда, безмолвие степи звонкая песнь жаворонка, да изредка подавал голос лебедь-кликун.

Другую картину представляла собой высокая черноземная степь Забайкалья за перевалом Яблонового хребта, ближе к живописным берегам реки Ингоды. Здесь, в широких долинах, защищенных от суровых ветров, были в полном цвету яблони, черемуха, шиповник, боярка, и во всем блеске красовались многочисленные луговые травы. Из животного мира самым характерным и многочисленным обитателем этой части Забайкалья является байбак (тарбаган, по местному) — небольшой зверек из грызунов, живущий в норах, устраиваемых под землей. Большую часть дня эти зверьки проводят в поисках пищи, на поверхности земли; в жаркие часы любят греться на солнце. В случае какой-либо опасности тарбаган

пускается бежать к своей норе что есть духу, но, добежав, останавливается и с любопытством начинает оглядываться. Норы свои они устраивают очень глубоко, извлекать их оттуда весьма затруднительно, охота на них считается поэтому невыгодной. Буряты и тунгусы, впрочем, промышляют их ради мяса и жира. К осени старые самцы могут дать около 2 кг жира. Мясо охотно употребляется в пищу бурятами; находит применение в хозяйстве и шкурка животного. Иногда промышленнику удается напасть на целое общество штук в двадцать зверьков, расположенных в смежных или даже сообщающихся между собой норах.

Со Сретенска начинается пароходство по Шилке и Амуру. Условия навигации в те времена были самые примитивные, правильных рейсов не было, плата за провоз высокая и никаких удобств для пассажиров: не было даже буфета на пароходе. Большой помехой пароходству служит мелководье Шилки, обилие перекатов с глубиной немногим более 1 м и быстрое течение. Все эти неудобства немедленно же испытал и наш путешественник: не успел пароход пройти и сотню километров, как наскочил на камень, получил огромную пробойну и должен был остановиться для починки. Николай Михайлович, не желая подвергаться и в дальнейшем случайностям такого рода, нанял лодку, пригласил в спутники еще одного из пассажиров, и втроем (с препаратором Ягуновым) пустились в плавание. На всем протяжении до самого слияния с Аргунью, откуда река получает уже название Амура, берега Шилки носят мрачный, дикий характер. Сжатая между отвесными горами, голыми утесами, река стремительно мчит свои воды, лишь кое-где образуя неширокие пади и долины. Горы покрыты хвойным лесом — сосна, лиственница, — обильно населенным множеством различных зверей — медведей, сохатых, белок, изюбрей, кабарги. Вместе с тем тайга эта (как вообще сибирская тайга) отличается могильной, подавляющей тишиной, совершенно не слышно оживляющего пения птиц. «Остановишься, бывало, в таком лесу, прислушаешься — и ни малейший звук

не нарушает тишины. Разве только изредка стукнет дятел, или прожжужит насекомое. . . Столетние деревья угрюмо смотрят кругом, густое мелколесье и гниющие пни затрудняют путь на каждом шагу и дают живо почувствовать, что находишься в лесах девственных, до которых еще не коснулась рука человека». ¹ Николай Михайлович частенько вылезал из лодки для охоты, к немалой досаде своего спутника. Однажды ему посчастливилось даже убить кабаргу, которая переплывала Шилку; но больше всего от его метких выстрелов доставалось птицам.

В том месте, где Шилка прорывается через хребет Большой Хинган, река имеет очень быстрое течение и ширину около 300 м. Быстрота течения так велика, что можно слышать особый, дребезжащий шум от мелкой гальки, которую катит река по своему песчаному и каменному ложу.

Прибыв в Албазин, Пржевальский застал там пароход, пересел на него и без приключений добрался до Хабаровска.

26 июня, ровно через месяц по выезде из Иркутска, Николай Михайлович высадился в нынешнем городе Хабаровске (нынешний Хабаровск назывался в те времена селением Хабаровкой).

«Это селение (Хабаровка основана в 1857 г. солдатами линейного батальона), живописно раскинувшееся на правом гористом берегу р. Уссури, вытянулось в настоящее время (1867 г. — Н. М.) более чем на версту в длину и имеет 111 домов; кроме войск, считается 350 человек жителей обоего пола; цифра же солдат бывает различна, и колеблется между 150—400 человек, смотря по времени года». ²

✓ Проведя несколько дней в Хабаровке (для оформления у местного военного начальника), Пржевальский направился вверх по Уссури на лодке, закупленной специально для целей путешествия. Гребцов он брал поочередно в станицах. Надо заметить, что летом в долине Уссури никакой другой способ сообщения, кроме водного, был невозможен, так как по тро-

¹ Путешествие в Уссурийском крае, стр. 7.

² Там же, стр. 32.

пинкам между станциями можно пробраться лишь пешком или верхом; частые наводнения исключают, впрочем, и этот способ сношений местного населения. Но Пржевальского такое медленное плавание как-раз и устраивало, позволяя ему подробно ознакомиться с природой края и собрать хорошие зоологические и ботанические коллекции.

Это плавание по Уссури до станции Буссе продолжалось 23 дня, но сильные и надоедливые дожди, иногда двое суток подряд, служили досадной помехой для экскурсий. Не говоря о том, что разлившаяся река так затопляла окрестности, что невозможно было целыми днями выйти из лодки, но и вообще от сырости собранные растения зачастую гибли, а чучела птиц не просыхали как следует и безнадежно портились. Достаточно сказать, что уровень реки от постоянных дождей повышался на 2—3 м.

Порядок путешествия был всегда один и тот же. Поднимались обыкновенно очень рано, чуть свет, наскоро пили чай, гребцы садились на весла, а Николай Михайлович вооружался записной книжкой, карандашом и ружьем. «В тихое, безоблачное утро Уссури гладка, как зеркало, только кой-где всплывшаяся рыба взволнует на минуту поверхность воды. Многочисленные стада уток перелетают с одной стороны реки на другую, длинноногие серые цапли важно и настороженно расхаживают по берегу. Из лесу доносятся голоса китайской иволги и красивейшей голубой сороки. То там, то здесь украдкой мелькнет какой-нибудь хищник, а высоко в воздухе носится большой стриж, который то поднимается к облакам, так что его почти совсем не видно, то, мелькнув как молния, опускается до поверхности реки, чтобы схватить мотылька. Действительно, этот превосходный летун едва ли имеет соперника по скорости; даже хищный сокол и тот не может поймать его. Я видел во время осеннего пролета этих стрижей, как целые стада их проносились возле сидящего на вершине сухого дерева сокола-чеглока, но он и не подумал на них броситься, зная, что не догнать ему этого чудного

летуна».¹ К полудню становится жарко, оживает мир насекомых, всюду на берегах реки мелькает множество бабочек, стремительно проносятся стрекозы. В Уссурийском крае одной из самых замечательных бабочек надо считать *Papilio maasiki* величиной в ладонь и превосходного голубого цвета. Но в тихие, ясные дни выступают на сцену и менее привлекательные насекомые: бесчисленные рои комаров, мошек, оводов. «Без всякого преувеличения могу сказать, — свидетельствует Пржевальский, — что если в тихий пасмурный день идти по высокой траве Уссурийского края, то тучи этих насекомых можно уподобить разве только снежным хлопьям сильной метели, которая обдаёт вас со всех сторон. Ни днем, ни ночью проклятые насекомые не дают покоя ни человеку, ни животному, и слишком мало заботится о своем теле тот, кто вздумает без дымокура присесть на уссурийском лугу для какой-бы то ни было надобности».²

Наступает, наконец, вечер, прохлада сменяет утомительный дневной жар. Надо основательно подкрепиться пищей, — часть убитой птицы идет на это, — необходимо сделать чучела, просушить собранные растения, набросать заметки о виденном. Лодка причаливает где-нибудь на песчаный сухой берег, разводится костер, казаки-гребцы варят незатейливый ужин и чай. Великолепный аппетит проголодавшихся путешественников воздаёт должное нехитрому искусству поваров. Сумерки ложатся быстро после захода солнца, на свет костра слетаются тысячи ночных бабочек, в темноте мелькают светящиеся насекомые, понемногу замолкают голоса птиц; некоторое время слышны посвистывание или постукивание и трели ночных птичек, но, наконец, смолкают и эти голоса и наступает полная тишина, изредка нарушаемая неясным смутным шорохом в траве или лесу, или редким всплеском рыбы в реке. . . Окончив свои работы, Пржевальский и его товарищи ложились у костра и погружались в крепкий, беспро-

---

¹ Путешествие в Уссурийском крае, стр. 48.

² Там же, стр. 49.

будный сон, забывая пестрые впечатления дня и не чувствуя укусов столь несносных днем комаров и мошек.

Реку Уссури можно разделить по характеру ее берегов на три части: нижнее, среднее и верхнее течение. Каждая из этих частей имеет свой ландшафт и особенности.

Нижнее течение простирается до впадения слева притока р. Нор; из притоков справа важнейшим будет р. Хор (или Пор). Левый берег характеризуется преобладанием равнинной формы поверхности, имеющей довольно однообразный ландшафт: обширные, обычно заливаемые, низменности лишь кое-где сменяются неширокими увалами разного направления. В низинах преобладает травяная растительность полуболотного или болотного типа и травы влажных лугов. Гораздо богаче, разнообразнее растительность сухой почвы увалов — релок, где всего более растут деревья и кустарники, а травы радуют взоры путешественника своей красотой. Древесная и кустарниковая растительность складывается из кустов шиповника, таволги, и деревьев — дуба, черной березы, липы, осины, маакин, между которыми густо растет леспедеза, ветвистый кустарник, в изобилии населяющий весь Уссурийский край.

Правая сторона нижнего течения Уссури имеет совершенно другой характер и рельефа, и растительности. На расстоянии около 50 км от устья протянулся хребет Хехпыр, поднимающийся на высоту свыше 500—600 м. Он покрыт сплошь лесами, состоящими из дуба, грецкого ореха, клена, липы, ясеня, ильма в смеси с хвойными породами — лиственницей, елью, кедром, пихтой. Подлесок образуют здесь лещина, бузина, сирень, калина, жасмин и другие кустарники, обычные в Уссурийском крае.

Сама р. Уссури в нижнем течении разбивается на множество рукавов («протоки»), с большими и малыми островами между ними. Правые притоки Уссури (Кий, Хор, Сим) были в то время почти совершенно неизвестны, и Пржевальский сам их не исследовал.

Среднее течение Уссури можно считать до впадения рек Иман справа (у Венюкова — Нимань) и Мурень слева. Важ-

нейшей рекой этой части является Бикин, вытекающий из главного кряжа Сихотэ-алиня, неподалеку от берега Японского моря. Берега этой части Уссури характеризуются обилием гор. Горы подходят иногда вплотную к реке то крутыми или даже отвесными утесами, то более пологими скатами; иногда береговые горы удаляются немного в сторону и оставляют место для неширокой долины.

И правый и левый (высокий) берега покрыты разнообразными кустарниковыми и древесными породами. Тут мы встречаем в различной пропорции и соотношениях смесь лиственных пород: бархат, маакия, орех, акации, довольно обширные куши дуба, черной березы, осины. Травяной покров также разнообразен и интересен, а пологие скаты берегов одеты густыми зарослями леспедезы, бересклета, шиповника, сирени, таволги и переплетены виноградом, диоскореей, делая эти заросли совершенно непроходимыми. Множество лужаек с разнообразными коврами цветов разбросаны в этих лесах. Мы встретим здесь ландыш, лилию, василистник, чемерицу, лактук, выщущуюя глоссокомню. По опушкам, забираясь и в глубь леса, растут папоротник, спаржа, чистотел.

Все богатство растительного мира располагается по возвышенным частям, в низменных же равнинах мы находим непроходимые заросли тростника и осоки, многочисленные озера и болота. Пробраться через них чаще всего совершенно невозможно.

По мере того, как мы поднимаемся по Уссури выше рек Мурени и Имы, гористый характер берегов среднего течения начинает понемногу изменяться. Чаше уже отходят от берегов утесы, самые горы снижаются, делаются пологими, шире раздвигаются луговые низменные части реки. Верхнее течение Уссури, которое надо считать до слияния рек Ула-хе и Дауби-хе, становится похожим на знакомую уже нам нижнюю часть реки. Обширные болотистые и луговые равнины сопровождают и правый, и левый берега Уссури. На правом берегу, правда, поверхность имеет волнообразную форму и представляет собой обширные луга, поросшие редким лесом;

левый же берег тянется до самого оз. Ханка болотистыми низменностями.

Только при слиянии рек Дауби-хэ и Ула-хэ близко подходят опять горы, и вновь раскидываются здесь прекрасные леса.

Последним этапом пути Пржевальского до оз. Ханка было плавание по р. Сунгаче. Эта река — исток озера. Здесь Николай Михайлович сел на маленький пароход и направился к озеру — предмету его специального интереса и ожиданий. Река представляет одну особенность: едва ли можно найти другую реку, которая так прихотливо изломала бы свое русло. От истока ее до устья по прямому направлению около 100 км, по самой же реке протяжение ее увеличивается почти втрое, составляя немного менее 300 км. Но зато по всему протяжению Сунгача имеет большую глубину, от 5 до 20 м, причем глубина начинается сразу же от берега. Долина реки представляет совершенную равнину, в верхнем течении переходящую в болотистую низменность. Даже в сухую погоду болота эти большей частью совершенно непроходимы, а во время дождей сплошь заливаются водой. Почти полное безлюдье отличает эту местность.¹ Но здесь же мы находим чудесный цветок Уссурийского края: из вод этих озер, из болот и заливов Сунгачи поднимает свою прекрасную головку нелюмбия (*Nelumbium speciosum*), которая во множестве растет в этих безлюдных местах. Только один цветок превосходит прелестью нашу нелюмбию, — это близкая ее родственница — виктория-регия, обитающая на берегах тропических рек Южной Америки. «Чудно впечатление, — говорит Николай Михайлович, — производимое, в особенности в первый раз, озерами, сплошь покрытыми этими цветами. Огромные (болсе аршина в диаметре), круглые кожистые листья, немного приподнятые над водою, совершенно закрывают его своей яркой зеленью, а над ними высятся, на толстых

¹ Напоминаем, что речь идет об эпохе, отстоящей от нас на 80 лет. — Ред.

стеблях, целые сотни розовых цветов, из которых иные имеют шесть вершков в диаметре своих развернутых лепестков».¹

Плавание по Сунгаче продолжалось все два дня, на третий день Пржевальский был уже на оз. Ханка.

Наружный вид оз. Ханка, по описанию Пржевальского, не имеет в себе ничего привлекательного: «Огромная площадь мутной воды, низкие болотистые или песчаные берега и далекие горы, синеющие на противоположной стороне, — вот все, что первый раз представляется каждому, кто видит это озеро от истока Сунгачи». По форме озеро представляет эллипс, расширенный на север, длиной по большой оси немного менее 100 км, в окружности более 250 км. Несмотря на такую величину, озеро очень мелкое, далеко от берега идет отмель, дно песчаное с примесью ила. Ветры дуют очень часто и при мелководности вызывают сильнейшие бури. Это обстоятельство не мало затрудняет судоходство по озеру. Пржевальскому пришлось дня два проскучать на пароходе у самого истока Сунгачи, так как небольшому пароходнику невозможно было из-за волнения выйти в буквально кипящее озеро. На севере Ханка песчаной перемычкой делится на две неравные части — от основного бассейна отделяется Малое озеро, шириной около 10 км. Южный и восточный берега Ханки состоят из сплошных болот; такие же болота огибают озеро с севера, и только на западных берегах от речки Белен-хэ начинается холмистая местность. Волнообразные возвышенности по мере удаления на запад превращаются в невысокие гребни или хребты, и весь район бассейнов рек Сиян-хэ и Мо по характеру поверхности значительно разнится от болотистых низин восточных и южных берегов Ханки.

Недели три пробыл у берегов Ханки Пржевальский, занятый большей частью служебными обязанностями — переписью населения и исследованием р. Лефу в целях выяснения возможности судоходства. Остатки времени он отдавал наблюдению над жизнью птиц и ботаническим сборам, не очень

---

¹ Путешествие в Уссурийском крае, стр. 53.

богатым в это время года, во второй половине августа. Обстоятельные и важнейшие его наблюдения производились им весной следующего года (1868) и летом 1869 г.

В начале сентября Николай Михайлович оставил оз. Ханка и направился к побережью Японского моря.

Важнейшей рекой района является Суйфун, который берет начало на территории Маньчжурии, но большей частью своего течения принадлежит нам. По долине Суйфуна идет и путь к берегам моря. Здесь преобладает холмистая местность, покрытая лесами и обширными лугами с очень разнообразным травяным покровом. В некоторых местах местность принимает даже гористый характер — на водоразделах рек Мо и Сахэзы. К западу, в равнинах Лефу и среднего и нижнего течения Сахэзы, преобладают болотистые низины. Травяная растительность возвышенных частей разнообразна и богата. Весною здесь расстилается пестрый ковер ярких цветов — касатика, красной лилии, желтоголовника, пионов; в июне — июле расцветает великолепный розовый мытник, всюду встречается ломонос, подмаренник; несколько позже синеют сплошными массами колокольчики, желтеет так называемая золотушная трава. В этих травах живет дрофа, которая больше нигде на Уссури не встречается. Множество фазанов, перепелов, жаворонков, ящериц находят здесь себе приют и пищу и выводят потомство. В болотистых долинах Мо и Сахэзы мы находим иное население. В изобилии держатся здесь различные породы уток и гусей, гнездятся белые и серые цапли, японские и китайские журавли, выискивают добычу хищники — лушь, коршун, сокол-чеглок, белохвостый орлан.

Занимаясь переписью населенных пунктов приханкайского района и исследуя юго-западный бассейн озера, Пржевальский обнаружил остатки старинных земляных укреплений. В одном из этих укреплений он увидел много небольших возвышений, вроде курганов, на которых иногда заметны остатки кирпичей и каменных плит. Неподалеку Николай Михайлович нашел массивное грубое изображение черепахи, высеченное из крас-

новатого гранита, и тут же рядом валялась мраморная плита, которая, вероятно, была вставлена в спину черепахи, как можно предположить по соответствующему углублению. В лесу найдены были две каменные фигуры какого-то животного величиной с большую собаку.

За истекшие со времени путешествия Пржевальского годы немало ученых поработало над выяснением археологии Уссурийского края, немало вопросов разрешено в этой области, но и теперь еще остается очень широкое поле для исследований. В глубоком раздумьи бродил Николай Михайлович по валам укреплений, поросшим кустарником и густою травой, на которой спокойно паслись крестьянские коровы, а когда-то кипела иная жизнь, быть может стояли города. «Невольно, — пишет Пржевальский, — тогда пришла мне на память известная арабская сказка, как некий человек через пятьсот лет посещал одно и то же место, где встречал перемены — то город, то море, то леса и горы и всякий раз на свой вопрос получал один и тот же ответ, что так было от начала веков».

В одном месте среднего течения Суифуна долина вдруг сжимается отвесными утесами, которые известны под названием Медвежьих щек и тянутся на расстояние около километра. Название дано потому, что здесь медведи во множестве устраивают свои логовища зимой. Пржевальский замечает, что это место очень живописно и замечательно многократным повторенным эхо, так что ружейный выстрел долго гремит различными перекатами.

Спустившись к устью Суифуна, Пржевальский на шхуне «Алеут» отправился в залив Посыета, в Новгородскую гавань, имея в виду организовать поход в гавань Ольги через Владивосток и дальше, горами пройти вновь к Усури и дожидаться там весны. Приближалась довольно скучная пора: ночи стали холоднее, леса запестрели желтыми листьями, сплошь устилавшими дороги и тропы, стрижи и ласточки большими тучами неслись к югу, а другие птицы собирались в стаи и тоже готовились к отлету.

Глава 4

ЭКСПЕДИЦИЯ В УССУРИЙСКИЙ КРАЙ

ЗИМНЯЯ ЭКСКУРСИЯ ПО ПОБЕРЕЖЬЮ ЯПОНСКОГО МОРЯ И ПОПЕРЕК СИХОТЭ-АЛИНЯ. ВЕСНА И ЛЕТО НА ОЗЕРЕ ХАНКА

В зимнюю пору, в труднейших условиях бездорожья прибрежных гор предстояло выполнить вторую часть путешествия. Необходимо было тщательно снарядиться, обдумать всякую мелочь и предусмотреть всякую случайность экспедиции. Денег было мало, приобретение самых обыкновенных, но крайне важных для путешествия вещей — ремней, веревок и т. д. сопряжено иногда с большими затруднениями и хлопотами. Правда, неоценимую помощь оказывал Пржевальскому молодой помощник Ягунов, а все-таки около месяца ушло на все приготовления. Заготовлены продовольствие и солидное количество охотничьих снаряжений — дробь и свинца. Продовольственные запасы заключались в нескольких пудах сухарей, мешке проса и некотором количестве сахара; мясо предполагалось добывать охотой. Целью экспедиции было описание малоизвестной части на юге Уссурийского края, перепись живущих на Сучане и у залива Ольги.

Значительное снаряжение было закуплено в маньчжурском г. Хун-чуне. Пржевальскому, между прочим, пришлось побывать в корейском городке Кычен-ну, и он дает живое и интересное описание этого эпизода в своем «Путешествии в Уссурийском крае», стр. 112—119.

Новгородская гавань расположена в самой южной части наших владений и составляет часть залива Посьета. Вообще в этой южной части Японского моря берег образует широкую выемку, которая слагается из двух довольно крупных заливов: Уссурийского, Амурского и нескольких более мелких; залив Посьета из них самый удобный со своими бухтами — Новгородской и бухтой Экспедиции. Открытая часть залива Посьета называется рейдом Паллады.

Маршрут экспедиции наметился следующий: от Новгородской гавани в заливе Посьета к посту Раздольному (долина Суйфуна), оттуда во Владивосток, из Владивостока берегом к р. Сучан через посты Шкотова и Владимировка, далее берегом до залива Ольги, откуда уже перевалами Сихотэ-алиня итти к берегам Уссури, к станции Буссе.

Морское побережье на всем почти протяжении носит один и тот же характер. Вдоль всего Японского моря тянется хребет Сихотэ-алинь, состоящий из нескольких параллельных хребтов. От ближайшего к морю хребта идут многочисленные отроги, обрывающиеся крутыми, нередко отвесными утесами, между которыми открываются большей частью узкие долины рек, стекающих с Сихотэ-алиня в море. Климат береговой полосы отличается некоторыми неблагоприятными особенностями. Здесь постоянно дуют сильные ветры, густые туманы окутывают горы и долины, дожди идут по несколько дней подряд. Такой климат заметно отзывается на характере растительности. Побережье бедно лесами и богато высокими и сочными травами. В долинах, в местах, обращенных к солнцу и защищенных от ветра, растет густой кустарник, состоящий главным образом из леспедезы, мелкого дубняка, лещины, таволги, калины, бузины и шиповника. Из крупных древесных пород здесь растет только дуб, образующий редкие леса.

Вследствие сырости дуб имеет обыкновенно пустой внутри ствол и непригоден для построек.

Другую картину представляют горные хребты, удаленные от берегов. Они сплошь покрыты дремучими, преимущественно лиственными лесами. В этих лесах водится множество различных зверей: медведей, диких коз, пятнистых оленей, изюбрей, кабанов, барсуков. Здесь же обитают тигр и барс — владыки этих дебрей. Из древесных пород в этих лесах растет граб, достигающий высоты 30 м и толщины более метра. Из кустарников особенно часто попадается колючая аралия. Это небольшое деревцо растет по каменистым скатам гор и, обла-

дая острыми иглами, образует совершенно непроходимые чащи.

Небольшие горные речки, стекающие с хребтов, очень богаты рыбой; особенно много встречается здесь красной рыбы.¹

В сентябре Пржевальский со своим караваном был уже во Владивостоке и должен был остановиться в нем на довольно продолжительное время. Надо было дать отдых лошадям, подновить караван свежими лошадьми, отремонтировать изношенные части вьючного снаряжения и сделать запасы продовольствия; необходимо было, наконец, обмундироваться на зимний поход, так как наступали уже сильные морозы.

Только в начале ноября мог двинуться Пржевальский в дальнейший путь, и эта часть экспедиции была особенно тяжела.

Тропинки, по которым шли наши путешественники, были едва заметными, в особенности, если они шли по лугам или гористым падам, в которых уже лежал снег. «Вот и идешь, бывало, по тропинке, прошел версту, другую, третью. Хотя и не особенно хороша, но все-таки заметно вьется дорожка, то между кустами, то по высоким травянистым зарослям падей и долин. Вдруг эта самая тропинка разделяется на две: одна идет направо, другая налево... Изволь итти, по которой хочешь... Помнится, китаец что-то бормотал в фанзе, может быть и про это место; но кто его знает, о чем он говорил. Посмотришь, бывало, направление по солнцу или по компасу и идешь по той тропинке, которая, сколько кажется, направляется в нужную сторону».² Случалось, конечно, блуждать наугад, ворочаться назад или, поплутав целый день, возвращаться на прежнее место.

По долинам речек, по тропинкам, в лесу нередко попадались одинокие фанзы (туземные легкие постройки), устраиваемые исключительно для охотников; называются они зверо-

---

¹ Путешествие в Уссурийском крае, стр. 127.

² Там же, стр. 138.

выми. Для обеспечения от нападения тигров они всегда обносятся высоким толстым тыном.

Неподалеку от речки Шито-хэ Пржевальский наткнулся на такую зверовую фанзу. Ворота этой фанзы были тщательно приперты бревном. «Отбросив его, — рассказывает Николай Михайлович этот любопытный эпизод, — я вошел во двор, но там не было ни одной души, хотя все указывало, что здесь жили недавно. В пустых стойлах, устраиваемых для содержания пойманных оленей, еще лежало сено; в пристройке рядом насыпан был хлеб и бобы, а в самой фанзе стояла различная посуда, запертые ящики, даже котел с вареным, хотя уже замерзшим просом; но ни одного живого существа — ни собаки, ни даже кошки, которых манзы держат обыкновенно по несколько штук. Недоумевая, куда могли уйти хозяева и все обитатели, я подождал здесь своих лошадей и отправился дальше. От фанзы шли три тропинки, так что сперва нужно было угадать, по которой из них идти. Зная, в общем, направление своего пути и определив его по компасу, я направился по одной из этих тропинок, но она, пройдя шагов сто, упиралась в ручей и кончалась. Нечего было делать, пошел я по другой тропинке, но и та через полверсты потерялась в лесу. Тогда, вернувшись к фанзе, я направился по последней тропе. Однако и эта оказалась не лучше двух других и также кончилась шагов через двести у нарубленных дров. В третий раз вернулись мы к фанзе и, не зная куда идти, остались ночевать в ней, потому что дело уже клонило к вечеру.

Вошли во двор, развьючили лошадей и разместили их по стойлам, в которых лежало сено. Затем разложили в фанзе огонь и принялись готовить ужин. Тут нашлись и ведра для воды, и котелки для нагревания, столы, скамейки, даже соль и просо — словом все было к услугам, за исключением только одних хозяев. Точь в точь, как в сказке о заблудившемся охотнике, которую я слышал еще в детстве. Но куда же девались хозяева этой фанзы? Всего вероятнее, что они были задавлены тигром; иначе я не могу себе объяснить, каким

образом китайцы могли бросить фанзу со всем имуществом. Правда, иногда манзы делают это, уходя ненадолго в лес. Но здесь замерзшее вареное просо, отсутствие собак с кошками — неизменной принадлежности всякой фанзы — ясно говорили, что довольно много дней прошло с тех пор, как эта фанза опустела. Быть может, один или два манзы, обитавшие здесь, отправились на охоту или за дровами, наткнулись там на тигра и были им разорваны, а фанза с припертой к ограде дверью с тех пор ни кем не была посещена, что далеко не редкость в здешних пустынных местах».¹

Дороги и тропы, которыми следовал караван, иногда подходили близко к морю, и тогда путешественники могли наблюдать по заливам огромные стаи лебедей, гусей и уток, летевших на юг, а с песчаных и грязных отмелей доносились свисты куликов, видны были большие партии цапель, слышался их резкий крик. В лесах в это время (конец октября и первая половина ноября) попадалось много фазанов, рябчиков и голубых сорок, которые держатся обыкновенно стаями по зарослям рек. Позже всех направлялись к югу свистелли, дятлы и дрозды. Неприятными спутниками были черные вороны, которые неизменно провожали караван во всякое время дня и ночи. Не успеют, бывало, остановиться и разложить костер, как они уже обсядут кругом по деревьям и ждут ухода, если привал был днем; на ночь размешаются где-нибудь поблизости и утром вновь появляются на прежнем месте, в терпеливом ожидании добычи. «Особенною ненавистью, — признается Пржевальский, — воспыал я к этим птицам с тех пор, как они украли у меня несколько фазанов, убив которых дорогою я клал обыкновенно по тропинке, а солдаты, шедшие сзади на лошадях, подбирали их. Сверх того, эти же самые вороны выклевали однажды целый бок оленю, которого я убил и оставил в лесу до следующего дня».²

¹ Путешествие в Уссурийском крае, стр. 138—139.

² Там же, стр. 141.

В середине ноября погода изменилась, пошли дожди, а в один из дней поднялась сильная метель, продолжавшаяся всю ночь.

Интереснейшим этапом в этом маршруте Пржевальского была долина р. Сучана. Имея истоки, как и Уссури, в горах Сихотэ-алиния, река эта имеет характер вполне горный, быстрое течение по каменистому ложу и малую глубину; в низовьях она расширяется, достигая 70—80 м, и довольно глубока. Горы по бокам реки густо покрыты лиственными деревьями, а на вершинах можно встретить и хвойный лес. Сучанская долина замечательна необыкновенным обилием фазанов.

В декабре экспедиция достигла р. То-ухэ. Горы на ее левом берегу были уже покрыты снегом.

Когда тропинки подводили путешественников к самому морю, в тихих, пустынных заливах иногда удавалось видеть китов, пускающих фонтаны. На песчаных низменных берегах можно было находить раковины, водоросли; морские звезды и великолепного малинового цвета медузы вызывали восторг путешественников. «Но несравненно величественнее являлись морские берега там, где над самыми волнами угрюмо висели высокие, отвесные утесы, у подошвы которых вечно бьет бурун сердитого океана. Присядешь, бывало, на вершине такого утеса, заглядишься на синеющую даль моря, и сколько различных мыслей заройтся в голове! Воображению рисуются далекие страны, с иными людьми, с иной природой, те страны, где царствует вечная весна и где волны того же самого океана омывают берега, окаймленные пальмовыми лесами. Казалось, так бы и полетел туда стрелой посмотреть на все эти чудеса, на этот храм природы, полный жизни и гармонии».

Переходы были довольно большие, и к вечеру обыкновенно сильно чувствовалась усталость и у людей и у лошадей. Приходят к месту, удобному для стоянок. Солдаты развьючивают лошадей, зажигают костер — недостатка в топливе никогда не бывало, варится кирпичный чай и потом ужин, после которого все ложатся спать. Несмотря на утомление, сон редко бывает спокойным, так как на морозе и на снегу костер

обогревает только ту часть тела, которая обращена к нему. Солдаты определяли подобное положение так: «с одного бока Петровки, с другого — Рождество» (Петровки — июнь, Рождество — декабрь).

В бухту Ольги Пржевальский пришел 7 декабря и остановился здесь на шесть дней. Дальнейший путь шел к реке Тазуши, по долине которой экспедиция направилась к перевалу Сихотэ-алиня. 22 декабря караван с верховья Тазуши перешел на верховье р. Лифудин, вливающейся в Ула-хэ. Пржевальский рассчитывал встретить новый год на Уссури, но 30 декабря поднялась такая метель, тропинку так засыпало снегом, что новый год пришлось встретить в убогой холодной фанзе и только к вечеру 1 января дотащились до телеграфной станции Бельцовой, откуда через неделю пришли в станицу Буссе, — отправной пункт его ханкайского маршрута. «Не узнал я теперь, — пишет Николай Михайлович в своем «Путешествии», — свои знакомые места на Уссури, по которой снег везде лежал на три фута глубины, и намело такие сугробы, какие можно видеть только на далеком севере. Вся могучая растительность здешних лесов и лугов покрылась этим снегом, как саваном, и в тех местах, где летом не было возможности пробраться по травянистым зарослям, теперь только кой-где торчали засохшие стебли. Даже виноград, переплетавшийся такую густою стеною, теперь казался чем-то вроде веревок, безобразно обвившихся вокруг кустарников и деревьев. На островах реки густые, непроходимые заросли тальника смотрели довольно редкими, а луга, пестревшие летом ярким ковром различных цветов, или залитые по низинам однообразным цветом тростеполевицы, теперь белели, как снеговая тундра. Даже птиц почти совсем было не видно, кроме тетеревей, да изредка дятлов и синиц. Не найдут теперь здесь пищи ни насекомоядные, ни зерноядные, ни голенастые, ни водные, и они все покинули страну, цепенеющую под холодным снеговым покровом».¹

¹ Путешествие в Уссурийском крае, стр. 165—166.

Так закончилась шестимесячная экспедиция Николая Михайловича Пржевальского.

Результатами ее были богатые зоологические и ботанические коллекции, систематические метеорологические наблюдения, добросовестно собранные материалы по переписи населения, исследование пограничного с Маньчжурией района и путей, ведущих от бассейна Уссури к гаваням Тихого океана. Николай Михайлович сделал почти сотню чучел птиц, собрал 248 видов растений в числе более 1000 экземпляров и около 100 видов семян различных трав. Все время Пржевальский тщательно вел дневник, куда заносил массу драгоценных сведений об образе жизни животных, особенно птиц, и отмечал вообще все интересное на своем пути.

Отдохнув месяца два, снарядившись в Хабаровске охотничьими принадлежностями, Николай Михайлович в конце февраля двинулся к оз. Ханка со специальной целью наблюдать пролет птиц и собрать полную орнитологическую коллекцию. Таковую же экскурсию на озеро Пржевальский повторил и в следующем году (1869), прощаясь с Уссурийским краем и отправляясь после этого со своими трофеями в Петербург, чтобы начать свои победоносные ученые походы в Центральную Азию.

Неоглядные равнины раскинулись вокруг озера, и до первых чисел марта все здесь кажется мертвым. Куда ни взглянешь — безжизненное снежное покрывало, засохшая прошлогодняя трава, голые кустарники, замерзшие, покрытые льдом болота, озера и сама Ханка. Жестокий ветер гуляет на просторе. Иногда поднимается метель, и в хаосе крутящегося снега не видно уже ни берегов, ни трав и кустов.

Но вот все чаще и чаще выпадают хотя и холодные, но ясные солнечные дни, и в конце февраля или в самом начале марта появляется первый вестник весны. Откуда-то с недостижимой высоты вдруг несется чудный звук прекрасной песни лебедя-кликун — это первый посланец благодатного

юга, далеких жарких стран, где никогда не замирает природа. Следом за лебедями появляются бакланы, довольно крупные, несколько неуклюжие птицы. Эта птица по справедливости считается великим мастером по части рыбной ловли. Таланты ее высоко ценятся китайцами, и с давних пор бакланы употребляются для ловли рыбы. На Хуан-хэ и Ян-цзы-цзяне всегда можно видеть лодки рыбаков и стоящих на борту бакланов, которые то и дело ныряют в мутные воды реки и выплывают всегда с добычей.

В числе первых гостей Ханкайского бассейна прилетают и многочисленные стаи журавлей. Среди них раньше других является японский журавль, а затем китайский. Японский журавль во многом похож на европейского малого журавля. Интересной особенностью этой птицы являются устраиваемые ею танцы для развлечения и удовольствия своих подруг и товарищей. Целое общество журавлей, до пяти пар, выбирает среди болота сухое, гладкое место и тщательно исследует его в отношении безопасности, — подальше от кустов, оврагов и тому подобных мест, которые могут скрывать неприятеля. Перед вечером, иногда и ранним утром, вся компания слетается на облюбованное место и, покричав немного, принимается за дело — пляску. Журавли-зрители образуют круг, внутри которого находится арена действия журавля-актера. На этот круг выходят один или два из присутствующих, прыгают, приседают, кивают головой, машут крыльями, подскакивают вверх, словом всеми способами стараются показать свое искусство и свою ловкость. Уставшего артиста сменяет новый, а показавший и доказавший свое мастерство становится в круг зрителей. Часа два продолжается такая пляска, — пока, наконец, с наступлением сумерек утомленные танцоры закричат дружным хором во все горло и довольные разлетаются на ночь. «Независимо от общих танцев, — замечает Пржевальский, — самец этого вида, один из самых любезных кавалеров между своими длинноногими собратьями, не упускает ни одного случая выказать любезность перед самкой и, бродя с нею по болотам, часто делает самые смеш-

ные движения, между тем как его более положительная супруга занимается в это время проглатыванием лягушек».¹

Журавль китайский — самая крупная из птиц здешней местности и самая красивая: весь снежнобелый, а шея и малые маховые и плечевые перья — черные. Охота на журавлей чрезвычайно трудна, так как эти осторожные и чуткие птицы не подпускают на близкое расстояние.

В первой половине марта в Ханкайском бассейне собирается уже свыше двух десятков видов птиц. Среди них орлан-белохвост, очень ранний гость; сокол-пустельга и ястреб-тетеревятник; черный коршун; утки: кряква, шилохвост, косачка, чирянка, клоктун, широконоски, белый аист, чибис, сорокопут, японский снегирь. Не все эти птицы остаются гнездовать на Ханке или Сунгаче, некоторые летят дальше, на север, но обязательно делают остановку здесь.

Чрезвычайно интересно, что на оз. Ханка, в Приханкайских равнинах гнездится совершенно экзотическая птица — японский ибис (*Ibis nipon*). Это — родной брат священной птицы древних египтян. Ибис — чрезвычайно красивая птица: спина, верхняя часть шеи и хохол пепельно-голубого цвета, низ тела бледнорозовый, а крылья огненно-красные; передняя голая часть головы и ноги кирпично-красные, длинный же согнутый клюв с ржавлено-красным концом. Появление этой птицы на оз. Ханка представляет весьма замечательный факт в зоогеографии. Возможно, что отлет с Сунгачи типично полярной птицы — белой совы — иногда чуть не совпадает с прилетом ибиса — обитательницы тропиков и субтропических стран. Чаще всего почти целый месяц живут бок-о-бок эти столь несходные между собою птицы.

В середине марта начинается массовый пролет всевозможных птиц, хотя погода в это время бывает далеко не весенняя: поднимаются иногда сильные метели, продолжающиеся сутками. Особенно крупными стаями несутся низко, над самую землю, утки-клоктуны. Временами образовывались

---

¹ Путешествие в Уссурийском крае, стр. 170.

стаи до трех тысяч штук. Просидев несколько часов и отдохнув, вся живая громада поднимается с шумом, напоминающим бурю, и на лету то свертывается в одну кучу, то летит углом, то вытягивается в линию или разбивается на мелкие стаи, которые вновь соединяются в одну массу. Какими огромными стаями собирались утки, можно судить по тому, что Пржевальскому один раз удалось одним выстрелом убить 14 штук.

Вслед за клоктунами начинается валовой пролет и других уток. Стая за стаяй, сотня за сотней, целыми тысячами несутся они к северу, останавливаясь на Сунгаче, которая в буквальном смысле кишит водяными и голенастыми птицами. День и ночь стоит здесь шум и гвалт, во всевозможных криках, свисте и писке невозможно разобрать отдельные голоса.

Такое обилие всяких птиц привлекает множество различных хищников: орланы-белохвосты, черные коршуны, ястреба-тетеревятники пожидают здесь обильную жатву.

В конце марта появляются новые партии пернатых. Прилетают белый журавль, лунь полевой, выпь (или водяной бык), серый гусь, мандаринская утка, угод, королек, выюрок настоящий.

Полный разгар и приволье весенней жизни начинаются в апреле. В один общий грандиозный хор сливаются бесчисленные голоса: песни жаворонков, писк чибисов, свист куликов, гоготанье гусей, гармонический, чрезвычайно музыкальный крик белого журавля, громкий крик других журавлей, криканье уток, токованье тетеревей. И прилет каждой новой партии сразу же замечен, так как птицы летят не молча, но беспрестанно и громко кричат каждая по своему. К началу мая обыкновенно заканчивается прилет и пролет крупной и плавающей птицы, некоторое время летят еще мелкие пташки, но скоро все установилось на свои места, и входит в колею будничная, обычная жизнь в укромных уголках озер, болот, разных заводей.

Но не одни птицы оживляют берега Ханки и сунгачинские равнины. С первыми теплыми солнечными днями появляются

бесчисленные рои комаров, в лесах дает о себе знать великое множество клещей, особенно тягостных для бедной собаки Николая Михайловича, с первых чисел апреля начинаются переселения диких коз из бассейна Уссури к югу. Пржевальский с большим успехом охотился на этих коз, и ему случалось убивать за одно утро три-четыре козы; одному гольду-охотнику, по словам Николая Михайловича, удалось в течение трех недель убить 118 штук.

Мы далеко не исчерпали всего содержания и результатов уссурийского путешествия Пржевальского. В напечатанной им книге имеется обильнейший материал, нами здесь совершенно не затронутый.

За истекшие 80 лет много воды утекло в быстрых реках Приморья — и не одна вода текла в этих краях! — многое неузнаваемо изменилось с того времени. В пустынных когда-то дебрях лесов и гор, в неоглядных просторах равнин закипела новая жизнь, полная творческих усилий и дерзаний социалистического строительства. Солнце Сталинской конституции засияло над этим краем, который был прежде только предметом алчных вожделений российских колонизаторов.

Насколько изменилась страна, можно наглядно показать на двух-трех фактах. Из описаний Пржевальского мы знаем, как выглядело селение Хабаровка (см. стр. 33). Теперь это — крупный город с большим населением, центр края, быстро растущий промышленный центр с разнообразной промышленностью (нефтекомбинат, электростанция и многое другое). Во Владивостоке, по словам Пржевальского, число жителей, кроме китайцев, но вместе с войсками, простиралось до пятисот человек.¹ Теперь это — наш крупнейший порт на Тихом океане, большой культурный центр с несколькими высшими учебными заведениями, с научными

¹ Путешествие в Уссурийском крае, стр. 131. Пржевальский приводит интересную табличку по переписи 1858 г., с подсчетом числа домов и жителей разного звания и состояния.

учреждениями, с заводами. Еще более красноречивый факт: в местах, где не было и намеков на какое-либо поселение, куда временами лишь забредал кочующий туземец для промысла, теперь возникают заводы, целые города. На берегу Амура, ниже Хабаровска, сказочно быстро вырос город Комсомольск на-Амуре.

В этих новых условиях сильно подвинулось, конечно, и научное изучение края. Уже к началу XX столетия трудами В. Л. Комарова, Я. С. Эдельштейна, Д. Л. Иванова, Анерта и других наши знания Приморья много подвинулись вперед. Крупнейшую роль сыграл также в деле изучения Уссурийского края самородок-ученый В. К. Арсеньев. В наше же время дело научно-исследовательского изучения Дальнего Востока поставлено на широких и прочных началах плановой организации при неослабном внимании и поддержке партии и правительства.

Вернемся к путешествию Пржевальского.

По возвращении из зимней своей экскурсии, Николай Михайлович весной охотился и исследовал оз. Ханка, а летом предполагал направиться в пределы Маньчжурии, имея намерение добраться до неведомых никому гор Чанбо-шаня. С этим проектом он обратился к начальнику штаба Тихменеву, прося разрешения и помощи в снаряжении. Но планы эти нарушились совершенно непредвиденным событием. На нашем побережье Японского моря, около Владивостока появились вооруженные отряды хунхузов, к ним присоединились и мирные поселенцы-китайцы, недовольные многими мерами правительства, разразилось восстание, как оно квалифицировалось военными и гражданскими властями края. Пржевальскому предложено было, бросив научные занятия, принять участие в военных действиях.

На зиму ему пришлось отправиться в Николаевск, тогдашний административный центр области. За Сучанскую экспедицию Пржевальский был представлен к производству

в капитаны и переводу в генеральный штаб. Вместе с тем, он был назначен старшим адъютантом штаба войск Приморской области. Этим назначением Николай Михайлович был доволен, так как получал возможность продолжать исследование несколько глубже и шире, чем он мог сделать это в сравнительно короткий срок своих экскурсий 1867 г. и весны 1868 г. Кроме того, свое пребывание в Николаевске, в сравнительно сносных условиях, он намеревался использовать для приведения в порядок своих наблюдений, записей и коллекций и для написания отчета, который рисовался ему в будущем в виде большой книги. Планы его в значительной мере и осуществились, но все же жизнь в Николаевске вспоминалась ему потом, как тяжелый этап в его уссурийском путешествии.

Далекая окранны была в полном смысле медвежьим углом. Жизнь в таких поселениях, как Николаевск и Владивосток, протекала монотонно и скучно, без возбуждающих новых впечатлений, вне каких-либо живых интересов. Правительство, посылая в далекий край солдат, офицеров, чиновников, преследовало только грубо корыстные цели своей политики и не только не заботилось об интересах туземцев, но даже и своих агентов, всех этих чиновников и офицеров, обрекало на безрадостное существование без малейших перспектив на лучшее будущее. В письмах к родным и друзьям Пржевальский давал яркую характеристику всему строю жизни окранны и окружавшей его обстановки. «Я не нахожу слов, — писал он, например, в одном из таких писем, — чтобы хотя приблизительно описать вам тот православный русский люд, который является сюда из родимой страны и здесь обитает. Как на воротах Дантова ада была надпись: все вошедшие сюда теряйте надежду, так может написать это в своем дневнике каждый офицер и чиновник, едущий сюда на службу, потому что обратный перевод отсюда так же труден, как и выход из ада, а закон о трех и шести годах существует только на бумаге. Во всяком случае, нравственная гибель каждого служащего здесь неиз-

бежна, будь он сначала хоть распрехороший человек. Ему предстоит одно из двух: или пойти по общей колее, то есть сделаться таким же, как и все здесь (пьянницею, негодяем и т. д.), или стать одному против всей этой банды. Действительно, бывали примеры и последнего рода, но они обыкновенно кончались весьма печально, так как подобный выродок обыкновенно через год или два втягивался сам мало-помалу в общий строй, или делался крайне желчным, раздражительным и, наконец, сходил с ума, или, если это была действительно твердая, честная натура, оканчивал самоубийством».¹

Всю зиму Пржевальский упорно работал над описанием своих путешествий. Первые восемь глав книги он закончил уже в январе 1869 г.

Вместе с тем он написал статью о местном населении южной части Приморской области по материалам своей переписи и отправил ее в Сибирский отдел Географического общества для напечатания в «Известиях» Отдела. Статья оказалась очень удачной, обратила на себя внимание ученых географов, и Общество присудило за нее Пржевальскому малую серебряную медаль — первая награда из многих, полученных им впоследствии не только от русского, но и от ряда иностранных географических обществ.

Вместе с Николаем Михайловичем жил и его молодой помощник Ягунов, о котором он братски заботился. Он ежедневно задавал ему уроки по географии и истории, проверял его знания и занятия и вообще всячески старался обеспечить ему приличную карьеру в будущем. Более тесный кружок, в котором вращался Н. М. Пржевальский в Николаевске, состоял из его сослуживцев-офицеров генерального штаба и дивизионного доктора, людей просвещенных, интересы которых были выше карточной игры или пустых пересудов, которым обычно предаются обыватели всех захолустьев.

---

¹ Н. Ф. Дубровин. Николай Михайлович Пржевальский. СПб., 1890, стр. 81—82.

Весну и лето 1869 г. Пржевальский провел на оз. Ханка и в бассейне впадающих в него с юга и запада рек. Он исследовал весьма тщательно реки Снян-хэ и Лефу, а также и бассейн р. Мо. В конце июля он закончил официальную часть своей экскурсии и 7 августа, пройдя к истокам Сунгачи, прощался с дорогими теперь ему местами.

«... С грустным настроением духа бродил я теперь возле поста № 4, зная, что завтра придется покинуть эти местности, и, быть может, никогда уже не увидеть их более. Каждый куст, каждое дерево напоминало мне какой-нибудь случай из весенней охоты, и еще дорожке становились эти воспоминания при мысли о скорой разлуке с любимыми местами... На закате солнца я отправился вдоль по берегу Ханка знакомую тропинкою, по которой ходил не одну сотню раз...

«Вот передо мною раскинулись болотистые равнины, и потянулся узкою лентою тальник, растущий по берегу Ханка; вот налево виднеется извилистая Сунгача, а там, далеко за болотами, синеют горы по р. Дауби-хэ...

«Пройдя несколько, я остановился и начал пристально смотреть на расстилавшуюся передо мною картину, стараясь как можно больше запечатлеть ее в своем воображении...

«Мысли и образы прошлого стали быстро пронеситься в голове...

«Два года страннической жизни мелькнули, как сон, полный чудных видений. — Прощай, Ханка! Прощай, весь Уссурийский край! Быть может, мне не увидеть уже более твоих бесконечных лесов, величественных вод и твоей богатой, девственной природы, но с твоим именем для меня всегда будут соединены отрадные воспоминания о счастливых днях свободной страннической жизни!...»¹

---

¹ Путешествие в Уссурийском крае, стр. 226—227.

Глава 5

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ УССУРИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ.
ПРОЕКТ НОВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ. ВЫЕЗД ИЗ ПЕТЕРБУРГА.
ПУТЬ ИЗ КЯХТЫ В ПЕКИН**

С чувством законной гордости возвращался Пржевальский из своего уссурийского путешествия. Отдавая большую часть своего времени выполнению военно-служебных обязанностей (перепись населения, изучение условий судоходности рек и т. д.), Николай Михайлович сумел произвести тщательное исследование фауны и флоры края, собрал прекрасные коллекции и все время вел метеорологический дневник. Научная ценность добытых им материалов такова, что даже в наше время ни одна сводная географическая работа не может обойтись без ссылок на труды Пржевальского. Пробелом в его исследованиях было отсутствие данных по геологии области, — этот пробел имеется вообще во всех его путешествиях, — но нельзя не удивляться и тому, что было им сделано.

29 октября 1869 г. в Иркутске, в торжественной обстановке состоялось заседание Сибирского отдела Географического общества, на котором Пржевальский делал свой первый доклад о результатах экспедиции. Это был «большой день» в жизни города. Присутствовали все важные лица Иркутска, 225 человек избранной городской публики. Докладчик познакомил присутствовавших с важнейшими особенностями природы и климата Уссурийского края, показал собранные им коллекции. Он говорил красноречиво, с огромным подъемом и с таким увлечением, что стал передавать пение птиц и крики животных, о которых рассказывал. Один из его слушателей, в своих воспоминаниях о Пржевальском, говорит, что пению птиц он подражал так хорошо, что по его напеву, несколько лет спустя, проезжая по Амуру, он мог узнать иволгу.

В январе следующего года Николай Михайлович явился в Петербург, счастливый, бодрый и полный новых и больших планов. Коллекции, привезенные им, были весьма значительны: 310 экземпляров птиц, около 2000 экземпляров растений (до 300 видов), не менее десятка шкур млекопитающих, 552 штуки яиц 42 видов птиц, 83 вида семян различных растений. Кроме того, — метеорологические наблюдения за 15 месяцев и драгоценный дневник наблюдений и записей, в значительной степени уже обработанных еще в Николаевске. Через месяц по приезде в Петербург он был в состоянии делать научные доклады в Географическом обществе. Один за другим последовали четыре его сообщения, которые привлекли весь наличный состав Географического общества. Блестящая, живая форма докладов, внимание крупнейших ученых столицы свидетельствовали, что в лице Пржевальского явился крупный исследователь и путешественник. Не только Географическое общество, но и Академия Наук встретила путешественника с полным радушием и уважением. В зиму 1870 г. «Пржевальский сделался в нашем общественном кругу своим человеком», — говорит П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

Поразительны энергия и кипучая деятельность, которые проявил Николай Михайлович по своему возвращении из уссурийского путешествия. Явившись в январе в Петербург, Пржевальский уже через полгода, в начале сентября выехал в новую экспедицию. За это короткое время он успел вполне подготовить и сдать в печать книгу «Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869 гг.», сделать несколько сообщений в Обществе, разработать проект новой экспедиции и провести его по всем инстанциям, запастись значительной частью снаряжения в эту экспедицию и подыскать себе помощника. Со всем тем он вел довольно оживленную переписку частного характера и успел пожить немного в своем родном Отрадном, где его ждали с понятным нетерпением и волнением.

В апреле 1870 г. Пржевальский обратился в Совет Географического общества с ходатайством о содействии ему для отправления в новую экспедицию на северные окраины собственно Китая и преимущественно в малоизвестные страны верхнего течения Желтой реки, в землю Ордос и Куку-нор. «Ближайшие условия, — говорится в журнале заседания Совета общества от 29 апреля 1870 г., — при которых Пржевальский полагал бы возможным осуществить означенную экспедицию, заключаются в следующем: 1) ходатайство со стороны совета Общества перед Военным министерством о разрешении Пржевальскому отправиться в означенную заграничную командировку; 2) ассигнование со стороны Географического общества денежного пособия, в дополнение к тем средствам, которые он, из собственного небольшого резерва, находит возможным тратить во время путешествия, рассчитанного им приблизительно на три года».¹

«Меня лично в особенности манят, — писал Николай Михайлович секретарю Общества Остен-Сакену, — северные окраины Китая и восточной части южной Монголии как местности, почти еще неизведанные европейцами, но представляющие громадный интерес для географии и естествознания, тем более, что и доступ в эти далекие страны с чисто научной целью не представляет особенных затруднений, по заявлению нашего посланника в Китае Влангали, который находится в настоящее время в Петербурге. Если Географическое общество со своей стороны найдет возможным устроить поездку в вышеназванные страны, то как помощь к необходимым для того средствам я могу предложить от себя лично по 1000 руб. ежегодно, рассчитывая всю экспедицию не менее, как на 3 года. Наконец, если мои служебные условия станут каким-либо препятствием для выполнения предполагаемой поездки, то я всегда готов выйти в отставку

---

¹ Известия Русского Географического общества, т. VI, № 5, СПб., 1870, стр. 148.

и посвятить себя исключительно на посильное служение науке».¹

Очень ценный материал для личной характеристики Пржевальского дают эти подробности. Дело экспедиции, научных исследований в Центральной Азии настолько кровное дело нашего путешественника, что он готов на всякие жертвы. Он готов на самую жесткую экономию в финансовых расчетах путешествия, конечно, в ущерб личным удобствам, быть может даже безопасности, готов жертвовать собственными средствами, не отступает перед возможной, казалось ему, отставкой, — лишь бы осуществилась его мечта, его горячее желание принести посильную пользу науке и родине.

В отставку, впрочем, выходить не оказалось надобности, так как военное ведомство отнеслось весьма сочувственно к проектируемой экспедиции. Зачисленный по генеральному штабу, командированный в заграничное путешествие с сохранением оклада и ежегодной субсидией в 1000 руб. и даже снабженный некоторыми инструментами, Пржевальский мог всецело посвятить себя путешествию, если Географическое общество, в свою очередь, окажет такую же реально-полезную помощь.

Общество не заставило себя ждать в этом отношении. После того, как оно получило самый благоприятный отзыв пекинского посланника Влангали, было решено отпустить на экспедицию Пржевальского по 1000 руб. в год, рассчитывая продолжительность всего путешествия в 3 года. Вместе с тем, при содействии П. П. Семенова-Тян-Шанского Ботанический сад ассигновал ежегодную субсидию в 300 руб. Таким образом Николай Михайлович располагал на всю экспедицию суммой около 10 000 руб.

Так же благополучно разрешился вопрос о помощнике. Опыт уссурийского путешествия убедил Пржевальского, какое важное значение во всякой экспедиции имеет подходящий помощник. В уссурийском путешествии Пржевальскому

---

¹ Н. Ф. Дубровин. Н. М. Пржевальский. СПб., 1890, стр. 90—91.

посчастливилось — Ягунов оказался отличным работником. Но по возвращении в Петербург Николай Михайлович был озабочен прочным устройством его будущего; он определил его в юнкерскую школу в Варшаве и сдал на попечение своему товарищу и сослуживцу И. Л. Фатееву. К нему же он обратился с просьбой приискать помощника в предстоящей экспедиции. Такой помощник скоро нашелся из бывших учеников Николая Михайловича и чрезвычайно удачно. Среди юнкеров в Варшаве одним из его любимых был Михаил Александрович Пыльцов, которого Пржевальский успел близко узнать; на него и пал выбор нашего путешественника. Пыльцов к тому времени служил офицером в одном из армейских полков.

20 июля 1870 г. Пржевальский и Пыльцов были командированы в северный Китай и Монголию на 3 года с зачислением первого по генеральному штабу, а второго по армейской пехоте.

План путешествия был разработан Пржевальским совместно с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским. Ордос, Ала-шань, Гань-су и Амдосское нагорье были намечены предметом его исследований, как географа-натуралиста. Особенное внимание путешественника обращено на изучение природы Ганьсуйской провинции, далеко вторгающейся между исполинскими хребтами в нагорную Азию, и на бассейн оз. Куку-нор. «Вся восточная нагорная Азия, — писал уже по возвращении из экспедиции Пржевальский, — от гор Сибирских на севере до Гималайских на юге и от Памира до собственного Китая, до сих пор так же мало известна, как Центральная Африка или внутренности острова Новой Голландии. Даже об орографическом строении всей этой громадной площади мы имеем большую часть лишь гадательные данные; о природе же этих стран, т. е. о их геологическом образовании, климате, флоре и фауне мы не знаем почти ничего. Между тем эта terra incognita, по величине превосходящая всю Восточную Европу, помещенная в середине наибольшего из всех континентов, поднятая так высоко над уровнем моря, как ни одна

из других стран земного шара, наконец, то прорезанная громадными хребтами гор, то раскинувшаяся необозримой гладью пустыни, представляет высокий и всесторонний научный интерес».¹

В конце августа Пржевальский со своим спутником, снабженные курьерской подорожной, уже мчались на тройке по бесконечной сибирской дороге, оставляя позади себя тысячи километров. Дорога была тяжелая, и только к середине октября добрались они до Иркутска. Здесь надо было кое в чем доснарядиться, но совершенно неожиданно Николаю Михайловичу пришлось задержаться несколько дольше, чем он предполагал. Прием, который он встретил в иркутском обществе, был совсем не тот, на который он имел право рассчитывать. Разыгралось «дело», довольно характерное для порядков и нравов бюрократической и самодержавной России.

В Петербурге, одновременно с докладом в Географическом обществе, он написал и сдал в печать (в журнал «Вестник Европы») статью о положении казачьего населения Уссурийского края, в которой откровенно изобразил бедственное положение казаков, не скрывая, что немало повинна в том и администрация края. Статья эта крайне возмутила местных начальствующих лиц и в отместку за это в «Известиях» Сибирского отдела была помещена заметка с прозрачным намеком, что Пржевальский дал лживое освещение вопросу. По приезде в Иркутск Николай Михайлович дождался первого общего собрания членов Отдела, явился, как член Отдела, на заседание и прочитал свой ответ и возражение на заметку, требуя помещения в «Известиях». Раздраженные чиновники ответили отказом, и Пржевальский вынужден был прибегнуть к общей прессе и послать свой ответ в редакцию «Петербургских Ведомостей». Тихменев, начальник штаба войск Приморской области, бывший в то время в Петербурге, принял участие во всем этом деле и горячо заступился

---

¹ Монголия и страна тангутов, т. I, СПб., 1875, стр. V—VI (предисловие).

за Николая Михайловича, не только устроив его статью, но и присоединив свою еще более резкую отповедь сибирским заправилам.

И еще одна неприятность подстерегала Пржевальского по приезде в Иркутск. В Николаевске (в 1868 г.) один военный врач обратился к нему с просьбой снабдить его материалами по Приамурскому краю, нужными ему для его специальной работы. Николай Михайлович передал врачу свою рукопись «Военно-статистическое обозрение Приамурского края». Доктор, спустя некоторое время, возвратил рукопись с благодарностью и заявлением, что по ней он достаточно ознакомился с краем. Каково же было удивление Пржевальского, когда он в № 12 «Военного Сборника» за 1869 г. увидел напечатанной свою статью об Амурском крае, но за подписью доктора. Николаю Михайловичу пришлось войти в весьма неприятные объяснения с литературным мародером. Дело кончилось тем, что доктор вернул Пржевальскому за статью гонорар, который был пожертвован последним в пользу бедных казаков Уссурийского пешего батальона.

Только в начале ноября Пржевальский прибыл в Кяхту — последнее наше поселение на границе с Китаем. Здесь он закончил снаряжение своего каравана, нанял 7 верблюдов и договорился с одним из кяхтинских купцов-монголов о доставке его вместе с Пыльцовым по караванному тракту в Пекин.

Разместив свою поклажу на верблюдах, путешественники сами расположились в китайской телеге, которая представляла собой квадратный ящик, установленный на двух колесах и закрытый со всех сторон. В переднем конце кузова делаются с боков отверстия, закрываемые небольшими дверцами, для входа и выхода из этого оригинального экипажа. Тряска в такой телеге, влекомой верблюдом, неопишущая.

Дней семь тащились наши путешественники до Урги по местности, весьма похожей на юго-восточную часть нашего Забайкалья.

Город Урга, ныне Улан-батор, столица Монгольской Народной Республики, лежит на реке Тола (приток Орхона), у монголов называлась Богдо-курень («Священное стойбище»). Пржевальский в своей книге «Монголия и страна тангутов» дает колоритное описание этого центра Монголии, представляющее для нас преимущественно исторический интерес, в виду сильно изменившихся социальных, политических и культурных условий ныне молодой республики.

Наружный вид города во времена Пржевальского был очень непривлекателен и грязен. Все нечистоты выбрасывались прямо на улицы, ни о каких санитарных мероприятиях, разумеется, и помину не было. Базарная площадь в особенности отличалась своим неблагоустройством. Толпы голодных нищих имели тут постоянную оседлость.

Еще более тяжелые сцены путешественник встречал на кладбище, которое лежит возле самой Урги. Здесь трупы умерших не зарывались в землю, но прямо выбрасывались на съедение собакам и хищным птицам. Потрясающее впечатление производило подобное место, усеянное горами костей, по которым, как тени, бродили стаи собак, питающихся исключительно человеческим мясом. Ургинские собаки до того привыкли к подобной поживе, что в то время, когда труп несут на кладбище, по улицам города, то, вместе с родственниками, за покойником неминуемо следуют собаки, часто из его собственной юрты.¹

Эти тяжелые картины объясняются гнетом, который испытывало основное население страны — монголы-скотоводы — и от своих феодалов, светских и духовных, и со стороны китайских чиновников, купцов и ростовщиков. Отличительная особенность Тибета и Монголии — необычайное количество монастырей и паразитирующего духовенства, «лам», которые составляли 45% всего мужского населения. Духовенство владело огромными стадами скота, вело торговые и финансовые дела и опутывало многообразными и тяжелыми повинностями бед-

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 8—9.

ное население Монголии. Как известно, более 25 лет назад Монголия стала Народной Республикой. Правительство Республики принимает меры к развитию рационального скотоводства — основы народного хозяйства Монголии, — к созданию промышленности, улучшению транспорта, к организации кустарно-промысловой кооперации, к укреплению внешне-торговой связи, главным образом с СССР. Совершенно изменился и культурный облик страны: в Улан-баторе есть университет, государственная типография, в стране открыто большое количество школ, больницы, создаются свои кадры специалистов и т. д.¹

Из Урги на Калган—Пекин шла караванная дорога восточной частью степей и пустынь Гоби, довольно хорошо известная уже в научной литературе. Здесь оканчивается сибирский характер местности, река Тола служит границей двух различных ландшафтных зон. Далее к югу путешественник уже не встречает ни текучих вод, ни лесов, которыми так богата северная Монголия; сухие степи, а дальше — пустыня развертываются перед ним безграничным простором.

28 ноября Пржевальский вступил в этот новый мир, который так давно рисовался его воображению, его мечтам.

Тяжелое и подавляющее впечатление производит на путешественника однообразие, пустынность и бескрайность Гоби. Дни за днями, недели за неделями тянутся перед ним однообразные картины: иссохшая желтоватая трава покрывает необозримые дали равнин, кое-где нависают темные, изборожденные складками гряды скал, иногда на вершинах невысоких пологих холмов видны силуэты быстроногих антилоп. Сотни километров идут мерным шагом верблюды, а степь, как заколдованная, остается такой же неприветливой, угрю-

---

¹ Очерк современной Монгольской Народной республики см. в книге: Э. М. Мурзаев. Монгольская Народная республика. Страна, люди, хозяйство. Изд. Географич. общ. СССР, Л., 1947 — Ред.

мой. Вот и солнце склоняется к горизонту, надвигается темный полог ночи, мириады звезд зажигаются на всегда безоблачном небе, усталые путешественники у ближайшего колодца останавливаются на ночлег, не менее усталые животные развываются погонщиками и укладываются вокруг палатки. Варится неприхотливый ужин, глубже надвигается тьма, и через час-другой воцаряется мертвая тишина пустыни.

Ежедневно караван проходил 40—50 км, от полудня до полуночи. Пржевальский и его товарищ шли обыкновенно пешком и впереди каравана, стреляя птиц или гонясь за антилопами-дзеренами. Из птиц чаще всего встречались два вида: монгольский жаворонок и так называемый пустынный — типичные, характерные птицы Монголии. Пустынный держится исключительно в пустыне, где питается семенами мелкой полыни и других трав, свойственных сухой степи. В поисках корма птица эта залетает и в южное Забайкалье, и в равнины северного Китая, но родная пустыня — их коренное местопребывание. Полет пустынного замечательно быстрый, причем издается короткий и негромкий звук; от быстро несущейся целой стаи получается, однако, впечатление сильного вихря. По земле птица бежит очень плохо. Замечательно устройство ног пустынного: пальцы их срастаются, а подошва, подбитая бородавчатой кожей, напоминает пятку верблюда.

Другая птица Монголии — монгольский жаворонок, обитатель скорее степи, чем пустыни. Как и наш, европейский жаворонок, это прекрасный певун. Таланты его даже выше: он обладает способностью весьма разнообразить свою песню передразниванием голосов других птиц. Жаворонок не боится холодов зимы и, если находит достаточно корма (главным образом, мелкие семена дырисуна), то никогда не улетает, держась обыкновенно в зарослях питающих его растений. «В подобном факте, — говорит Пржевальский, — замечаем и на некоторых других видах птиц, мы видим прямое указа-

ние на то, что многих из наших пернатых на зиму угоняет на юг не холод, а бескормица».¹

Из млекопитающих пустыни Гоби наиболее характерными являются антилопа-дзерен и виды грызуна — пищуха-оготоно.

Дзерен населяет преимущественно восточную часть пустыни и водится здесь большими стадами, обыкновенно голов по 15—30; бывает, что собираются в огромном количестве, до тысячи экземпляров. Это грациозное животное, величиной с обыкновенную козулю, быстроногое, пугливое и крайне осторожное. Держится антилопа исключительно степной равнины, с широким кругозором, и тщательно избегает гористых местностей и даже просто высоких зарослей травы дырисун, тем более — кустарников. Голос этого зверя редко можно услышать; изредка донесется отрывистое, довольно громкое рывканье самца. Дзерен одарен отличным зрением, слухом и в особенности обонянием. Охота за ним поэтому очень трудна. Только где-нибудь в холмистой степи удастся подкрасться к нему шагов на триста-двести, но только при самом удачном выстреле — в сердце, голову, позвоночный столб — можно рассчитывать на добычу. Очень часто даже смертельно раненый зверь убегает так далеко, что пропадает для охотника. К концу лета эти животные бывают очень жирны, мясо их вкусное, а шкуры употребляются для зимней одежды.

Пржевальский сильно увлекался охотой на дзеренов, часто уходил от каравана на далекие расстояния, к крайнему огорчению погонщиков-монголов. Удачная охота, однако, быстро примиряла обе стороны, когда монголам дарилась убитая антилопа.²

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 16.

² В письме к дяде Николай Михайлович так описывает эту охоту: «Несмотря на страшные холода, я охотился за дзеренами с утра до вечера, но убил всего двух, одного на 200, а другого на 300 шагов. Ну, и бывало же иногда этих дзеренов!! Случались дни, в которые с раннего утра и до вечера беспрестанно виднелись то справа, то слева огромнейшие их стада» (Дубровин, стр. 106).

Пищуха-оготоно — небольшой зверек, родственник зайцу, живет в норах, выкапываемых в мягкой почве луговых степей; бесплодных пустынь он избегает. Норы свои пищухи устраивают обыкновенно большими обществами, сотни и даже тысячи нор расположены очень близко одна от другой. Великое множество этого зверька водится в степях Гоби, привлекая туда всякого рода крылатых разбойников: ястребов, соколов, сарычей; волки и лисы также продовольствуются этими животными. При своем проворстве зверек этот мог бы без особого затруднения спастись от своих врагов, но его губит любопытство: ему непременно надо досконально рассмотреть все, что попадает в поле его зрения. При малейшей опасности он, правда, старается укрыться в норе, но от таких летунов, как сарыч или ястреб убежать удается далеко не всегда. Интересная особенность пищухи состоит в том, что на зиму она заготавливает себе запасы сена, которые складывает у входа в нору. Сено это припасается в конце лета, тщательно просушивается и складывается в стопки весом до 4 кг. Эти запасы служат и пищей на зиму, употребляются и на подстилку логовища в норе. Но увы, монгольский скот, набредающий на эти запасы зверька, реквизирует их весьма охотно, обрекая пищух на полуголодное существование в течение зимы.

Караванный путь Урга — Калган служил для сухопутной перевозки чая из Китая до Кяхты. Сотни тысяч ящиков, каждый весом около 40 кг, отправлялись этой дорогой. Подводчиками были монголы, которые зарабатывали бы довольно хорошо, если бы не эксплуатация посредников-китайцев.

У Калгана наши путешественники в первый раз увидели знаменитую Великую китайскую стену. Она сложена из больших — весом до двухсот и больше килограммов — камней, связанных известковым цементом. Высота стены около 6 м, ширина в основании 7—8 м. На расстоянии приблизительно километра выстроены высокие, квадратной формы, башни из глиняных кирпичей, наложенных вперемежку по длине

и ширине и проклеенных цементом. Это грандиозное сооружение идет тысяч на пять километров протяжения, поперек почти всей Монголии, через верхнее течение Желтой реки и до провинции Гань-су. Стена была построена более двух тысяч лет тому назад подневольным трудом в целях защиты от монгольских кочевников. В отдаленных от центра местностях она представляет собою не более, как разрушенный временем глиняный вал; такой вид имеет стена на границе Ала-шаня — Гань-су.

В Калгане, отпустив верблюдов, Пржевальский нанял две верховые лошади для себя и Пыльцова и несколько мулов под багаж и направился в Пекин (ныне Бейпин). Монгольское нагорье у самого Калгана приподнимается, образуя хребет альпийского типа: крутые боковые скаты, глубокие ущелья и пропасти, бесплодные и дикие скалы представляются здесь взору путешественника. Вид хребта эта местность имеет, собственно, не с нагорья, а с юга, со стороны долины, которая и простирается отсюда до Пекина и дальше к морю. Резкий контраст в ландшафте сказывается и на климате. «До сих пор, — говорит Пржевальский, — во все время нашего перехода через монгольское нагорье, день в день стояли морозы, доходившие до 37° и постоянно сопровождаемые сильными северо-западными ветрами, хотя снегу было вообще очень мало, а местами он и вовсе не покрывал землю. Теперь, с каждым шагом через крайний хребет, мы чувствовали, как делалось теплее и, наконец, прибыв в Калган, встретили, несмотря на конец декабря, совершенно весеннюю погоду. Такова климатическая перемена на расстоянии всего 25 верст, лежащих между названным городом и высшею точкою спуска с нагорья».

Дорога от Калгана до самого Пекина идет по широкой равнине, только в одном месте прерываемой сравнительно небольшим хребтом, и густо заселена. От Пекина эта низменная равнина идет уже до самого Желтого моря и до низовьев Желтой реки. Климат делается еще теплее, ландшафт разнообразится многочисленными рощами кипариса, тополя, сосны.

древовидного можжевельника, везде встречаются даже зимующие птицы: дрозды, выюрки, дрофы, грачи, утки и др.

В Пекине, бывшей столице Китая, Пржевальский встретил радушный прием со стороны русского посольства и главы его Влангали. Здесь надо было окончательно снарядиться в далекий путь, заpastись паспортом от китайского правительства и нанять проводника. Весь состав экспедиции намечался в следующем виде: Пржевальский, его помощник Пыльцов и два казака; на наем проводника денег уже нехватало. Бывшие в экспедиции до Пекина два казака были необходимы для дальнейшего путешествия, и Николаю Михайловичу пришлось дожидаться смены их новыми казаками из Кяхты. Пржевальский решил использовать это время для экскурсии от Калгана к оз. Далай-нор. Эта крайняя восточная часть Гоби была мало известна, и исследование ее обещало дать небезинтересные научные результаты.

Горная окраина до г. Долон-нора, шириною до 150 км, состоит из нескольких параллельных цепей, направляющихся с запада на восток.

Густая трава, кустарники и даже леса покрывают крутые горные скаты; растительность вообще носит характер типичноманьчжурской флоры: дуб, сосна, черная береза, шиповник, иногда грецкий орех и люцерна — вот состав этих лесов и кустарников. Из Долон-нора Пржевальский направился к оз. Далай-нор. Вся эта местность интересна множеством песчаных холмов, идущих почти от Долон-нора вплоть до Далай-нора. Холмы покрыты тальником, изредка дубом, липой и березой и населены множеством лисиц и куропаток. У берегов озера Пржевальскому удалось полюбоваться великолепным зрелищем травяного пожара. «Еще с вечера замелькал огонек далеко на горизонте, — описывает Николай Михайлович, — но спустя часа два-три он разросся громадною огненной линией, быстро подвигавшейся по широкой степной равнине. Небольшая гора, пришедшаяся как-раз в середине пожара, вся залилась огнем, словно громадное освещенное здание, выдвигающееся из общей иллюминации.

Затем представьте себе небо, окутанное облаками, но освещенное багровым заревом, бросающим вдаль свой красноватый полусвет. Столбы дыма, извиваясь прихотливыми зигзагами и также освещенные пожаром, высоко поднимаются кверху и теряются там в неясных очертаниях... Широкое пространство впереди горящей полосы освещено довольно полно, а далее ночной мрак кажется еще гуще и непроницаемое... На озере слышатся громкие крики птиц, встревоженных пожаром, но на горящей равнине все тихо и спокойно...»¹

Озеро Далай-нор служит станцией для пролета птиц. В конце марта, когда здесь был Пржевальский, он нашел великое множество уток, гусей, лебедей и в меньшем числе — чаек, бакланов, журавлей, цапель и др. Наголодавшиеся путешественники возместили, даже с излишком, свой вынужденный пост. Две недели охотились они на этом озере.

По всей местности встречаются ручьи и небольшие водоемы, но вода в них очень плохого качества. «Если вы желаете иметь понятие о ее свойствах, то возьмите стакан чистой воды, положите туда чайную ложку грязи, щепотку соли для вкуса, извести для цвета и гусиного помета для запаха — и вы как-раз получите ту жидкость, которая наполняет большую часть монгольских озер... не один десяток раз пивал подобную воду, за неимением лучшей».²

Климат этой части Монголии, приподнятой на порядочную высоту, довольно суровый. Почти без перерыва дули сильные северо-западные ветры. Нередко они превращались в сильную бурю. Тучи песку, пыли и мелкой соли, поднятые ураганом, затемняли солнце, и в полдень становилось не светлее, чем в сумерки. На недалеком расстоянии не видно было гор, против ветра невозможно было открыть глаза, а в голове чувствовалась боль и шум, как от угара. Даже верблюды останавливались и поворачивались задом к урагану, когда ветер поднимал крупный песок и мелкую гальку. Бывало, что эти

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 75.

² Там же, стр. 81.

страшные порывы бури сопровождалась ливнем или градом. Иногда на мгновение становилось вдруг совершенно тихо, но через несколько минут вновь задувал свирепый ураган. От напора ветра палатка, укрепленная двенадцатью длинными железными кольями, ежеминутно угрожала слететь.

Через два месяца Пржевальский вернулся в Калган из этого своего «пробного» путешествия в Монголию.

Глава 6

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

МОНГОЛЬСКОЕ НАГОРЬЕ, ОРДОС, АЛА-ШАНЬ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАЛГАН И СНАРЯЖЕНИЕ В ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

«Вот теперь начинается настоящая экспедиция, — записал Николай Михайлович в своем дневнике. — Да, трудно теперь предугадать мне будущее. Где я буду и что с нами случится — неизвестность полная. Идем в неведомые страны: погонщика из монголов невозможно найти ни за какие деньги — все боятся, так что я иду только с двумя казаками».

Караван снаряжился в окончательном виде в составе четырех человек: Пржевальского, Пыльцова и двух казаков, восьми верблюдов, двух лошадей и собаки.

3 мая экспедиция поднялась из Калгана на Монгольское нагорье и первый день шла кяхтинской караванной дорогой, а на следующий свернула к западу по почтовой дороге в г. Куку-хото. Путь лежал по холмистой степи, довольно густо населенной и кочевьями монголов, и оседлыми китайцами. В одном из сел Пржевальский встретился с Самдашембу, одним из спутников путешественника Гюка, прошедшего этими местами задолго до Николая Михайловича. Самдашембу много рассказывал о приключениях французских путешественников (Гюка и Габе), был еще не стар, но на предложение сопутствовать Николаю Михайловичу — отказался, ссылаясь на годы.

Вскоре караван подошел к озеру Кыры-нор и отсюда свернул вправо, чтобы миновать г. Куку-хото. Далее путь шел поперек невысокого хребта Шара-хада и дальше, параллельно ему, другого хребта Сума-хада. Здесь итти было несколько веселее, появились леса, состоящие из кустарников — лещины, барбариса, жимолости. Хребет Сума-хада очень интересен в географическом отношении: его гранитные скалы имеют округленные бока, сглаженные поверхности, свидетельствующие с несомненностью о действии бывших здесь когда-то ледников.¹

В этих горах Пржевальский имел удовольствие охотиться за зверем, которого увидел впервые: это — горный баран, или аргали.

Аргали достигает величины лани, имеет широкие, круто загнутые кзади и книзу рога, грудь и брюхо серовато-белого цвета и крепкие ноги. Держится зверь преимущественно в скалистых частях гор и умеет превосходно ходить, прыгать, вообще передвигаться в самых страшных скалах. Охотиться за ним чрезвычайно трудно, особенно с примитивным охотничьим инвентарем монголов и китайцев. Поэтому никем не преследуемый зверь очень доверчив, часто пасется вместе с монгольским скотом и подходит к самым юртам. Пржевальский не верил своим глазам, когда увидел, не далее полукилометра от палатки, целое стадо этих красивых животных, спокойно пасущихся по зеленому скату горы.

Аргали распространен, кроме хребта Сума-хада, в Алашанском хребте и в горах, окаймляющих северный изгиб Желтой реки.

Погода в юго-восточной части Монголии в течение всего мая нисколько не напоминала весну. Сильные северо-западные ветры дуют непрерывно, утренние морозы стояли до середины месяца; даже в конце мая, 24 и 25 числа, случилась

---

¹ Предположение Пржевальского об оледенении хребта Сума-хада вряд ли верно. — Ред.

порядочная мятель. Растительность сильно задерживалась в своем развитии, животных мало встречалось по пути.

Изредка где-нибудь в долине запоет жаворонок, в горах закаркает ворона, и опять все тихо, всюду безжизненно, уныло.

После многих дней пути по унылым и безлесным степям Пржевальский подошел к горам Ин-шаня, к той его части, которая известна у монголов под названием Сырун-булык. Зеленые чащи горных лесов сильно подняли настроение путешественников, и немедленно же начались охоты, ботанические и зоологические коллекции быстро и заметно увеличились. На другой день по прибытии в горы чуть было не стряслась беда. Часов в десять утра поднялась сильная гроза с дождем. Палатки неосторожно были поставлены на сухом русле горного потока, выходящем из двух ущелий. Через несколько минут ливень превратил сухое русло в поток, вода хлынула прямо в сторону палатки. Мгновенно была затоплена половина убогого жилища наших путешественников. К счастью, другая половина была расположена на более возвышенном месте: сюда перетаскали они свои измокшие палатки, а из войлоков устроили плотину. Положение было довольно критическое, но ливень прекратился через полчаса, и дело ограничилось потерей нескольких мелких вещей, унесенных потоком.

Около кумирни Батгар-шейлун в огромных скалах гор водится много горных антилоп, обитающих только в этих местах. Этот небольшой зверь выбирает для своего жительства самые дикие и неприступные скалы. Держатся антилопы большей частью одиночками, днем лежат в своих убежищах, а кормиться выходят ночью; через час-два по восходе солнца опять залегают в своих укромных местах. Осторожный зверь прежде, чем выйти на поиски корма, поднимается на вершину какой-нибудь скалы и тщательно осматривает окрестность, чтобы убедиться в безопасности.

От кумирни Батгар-шейлун Пржевальский направился в горы Муни-ула. Хребет протягивается резко очерченной

полосой шириною около 25 км и спускается в долины севера и юга крутыми скатами со скалистыми ущельями и узкими долинами. Особенно южный склон его носит дикий альпийский характер. Граниты, гнейсы, порфиры и некоторые новейшие вулканические породы слагают этот хребет. Окраины гор покрыты кустарниками, но с поднятием в горы леса делаются все гуще и богаче по своему составу; располагаются они почти исключительно по северным склонам, обращенные же к югу скаты большею частью оголены.

Преобладающие породы лесов — осина, черная береза и ива; из других древесных пород можно отметить тополь, ольху, рябину, абрикос, изредка монгольской дуб, липу, можжевельник и тую; последняя попадает только на южных склонах. Совершенно отсутствует здесь ель. Из кустарников обычны крушина, розовый шиповник, малина, калина, леспедеза, в долинах — дикий персик, барбарис, желтый шиповник.

Животная жизнь Муни-ула оказалась не так обильна и разнообразна, как можно было ожидать. Из крупных зверей встречаются олень, горная антилопа, козуля, волк, лисица; заяц, суслик и разные виды полевок и мышей исчерпывают список млекопитающих. Пернатое население несколько богаче по числу видов, но, принимая во внимание обилие лесов, нельзя не признать орнитологическую фауну бедноватой. Отметим лишь двух громадных птиц, гнездящихся здесь в диких и неприступных скалах альпийской зоны: ягнятника и грифа.

Полный расцвет растительности в горах Ин-шаня относится к июню, когда начинаются почти ежедневные грозовые и теплые дожди. Бурь, обычных в мае, в июне не бывает совершенно, в промежутках между дождями наступают жары и затишье.

Пржевальский на всем пути в горах усердно предавался охоте, очень трудной, опасной и неблагодарной. Неудача охоты искупалась, однако, созерцанием чудесного горного ландшафта.

«Взобравшись на высокую вершину, с которой открывается далекий горизонт на все стороны, чувствуешь себя свободнее и по целому часу любишь панорамую, которая расстилается под ногами. Громадные отвесные скалы, запирающие мрачные ущелья или увенчивающие собою вершины гор, также имеют много прелести в своей оригинальной дикости. Я часто останавливался в таких местах, садился на камень и прислушивался к окружающей меня тишине. Она не нарушалась здесь ни говором людских речей, ни суматохой обыденной жизни. Лишь изредка раздастся воркованье каменного голубя и пискливый крик клушицы, проползет по отвесной стене краснокрылый стенолаз, или, наконец, высоко из-под облаков с шумом спустится к своему гнезду гриф, а затем попрежнему кругом все станет тихо и спокойно...»¹

С гор Муни-ула Пржевальский спустился к долине Хуан-хэ.

Горный ландшафт чрезвычайно резко сменился песчаной, безводной и гладкой, как пол, степью. Взамен зверей и птиц, обитающих в горах, взамен гуканья дикого козла, клохтанья куропаток и стуканья дятлов — бесконечная трель жаворонка, неумолкающая ни днем, ни ночью трескотня кузнечиков, тускло горящее опаляющее солнце, от которого нет спасенья. Вдали, на вершинах песчаных барханов — знакомые силуэты дзеренов.

По выходе из гор караван направился долиной к левому берегу Хуан-хэ, к г. Бауту, откуда перевозом Лан-хайза должны были перейти на другой берег Желтой реки, чтобы оттуда взять курс уже на Ала-шань и Куку-нор. Встреча с мандарином обошлась совершенно благополучно, и Николай Михайлович со своими спутниками на другой день достигли перевоза. Для перевоза здесь служат неуклюжие плоскодонные баркасы, в которых размещаются и люди, и животные, и всевозможный багаж. Лошадей перевезти не представило никаких затруднений, но с верблюдами пришлось много пово-

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 120.

зяться. Трусливые животные ни за что не хотели идти в воду, а тем более лезть в барку. С десятков китайцев, упирая доской плашмя в зад животного, пихали его к баркасу; другие старались втащить туда веревками передние ноги верблюда, который при этом, по своему обыкновению, плевал и кричал во все горло, но все-таки, наконец, попадал в баркас. Уставив все на места, барку на веревках потащили вверх по реке. Проведя баркас таким образом на километр вверх, вниз по течению спустились уже на веслах. Вскоре караван выгрузился в Ордосе.

Обширная страна, расположенная в замечательном северном изгибе Желтой реки, ограниченная с запада, севера и востока ее мутными и быстрыми водами, а с юга прилегающая к провинциям Шень-си и Гань-су, известна под названием Ордоса. Вся эта обширная территория представляет степную равнину, частью пустыню, по окраинам окаймленную невысокими горами. Почва всюду неудобная для возделывания, глинисто-соленая или чаще песчаная. Орографически Ордос представляет собой переходный уступ от пустынных нагорий Гоби к собственно Китаю, отделяясь от него системой горных хребтов, расположенных по северной и восточной излучине Хуан-хэ. Высота Ордоса достигает 900—1000 м. Хребты, ограничивающие Ордос с севера, — Шара-хада, Сума-хада. Ура-тау, Муни-ула и Харин-нарин-ула; сложены они из гнейсов, кристаллических сланцев, гранита, порфира и местами из более молодых вулканических пород; в сторону Желтой реки они оборваны сбросами. На западе Ордос ограничен цепями Арбус-ула и Оран-таши на правом, Алашанским хребтом на левом берегу Хуан-хэ; сложены эти горы уже из каменноугольных и надкаменноугольных отложений.¹

Сыпучие пески Ордоса, то придвигающиеся вплотную к Желтой реке, то отступающие от нее километров на 20.

---

¹ В. А. Обручев. Изменение взглядов на рельеф и строение Центральной Азии от А. Гумбольдта до Эд. Зюсса. Из книги: А. Гумбольдт. Центральная Азия. Под ред. Д. Н. Анучина, т. I, М., 1915.

называются у монголов Кузупчи, что значит «ошейник», название очень меткое, так как эти пески действительно опоясывают каймою долину Хуан-хэ от г. Бауту до Ала-шаня. Пески Кузупчи не представляют собой ровной поверхности, а благодаря своей подвижности образуют бесконечное количество холмов, «барханов», постоянно меняющих свою форму и передвигающихся по направлению преобладающих ветров. «Неприятное, подавляющее впечатление производят эти оголенные желтые холмы, — пишет Пржевальский, — когда заберешься в их середину, откуда не видно ничего, кроме неба и песка, где нет ни растения, ни животного, за исключением лишь желто-серых ящериц, которые, бродя по рыхлой почве, изукрашили ее различными узорами своих следов. Тяжело становится человеку в этом, в полном смысле слова, песчаном море, лишенном всякой жизни. Не слышно здесь никаких звуков, ни даже трещанья кузнечиков — кругом тишина могильная».¹

У окраин песков местами попадаются оазисы, представляющие уже иную картину. В оазисах можно встретить довольно разнообразную растительность. Здесь растут небольшие деревья каллигонума, цветет красивый высокий кустарник чагеран и др. В этих же оазисах Кузупчи Пржевальский нашел знаменитое крестоцветное *Rugelium cognatum*. Открыл это растение известный путешественник XVIII века Гмелин, но сохранилось оно только в двух неполных экземплярах, небольшими веточками, в музеях Лондона и Штутгарта — и больше нигде в мире. Пржевальский узнал о величайшей редкости этого растения только по возвращении своем в Петербург и крайне сожалел, что взял в свой гербарий лишь несколько экземпляров, не подозревая его огромной научной ценности и интереса. Между тем в песках Кузупчи это растение попадает часто, достигает здесь формы куста до 2 м высоты, при толщине у корня в 2.5—5 см.

---

¹ Монголия и страна таягутов, стр. 133.

Долина Желтой реки имеет ширину от 30 до 60 км и всюду сложена глинистой почвою. К западу от гор Муни-ула, на северной стороне, долина реки заметно расширяется, в южной своей части сильно суживается песками Кузупчи, окраина которых везде обрывается к реке отвесной стеной метров в 15 и даже в 30 высоты; повидимому, это был когда-то берег Хуан-хэ.

Долина Желтой реки имеет луговой характер, кое-где прорезана небольшими речками; местами, подальше от берега реки, попадаются болота и озера. Травянистая флора на заливных лугах разнообразна и богата видами, напоминающая наши европейские луга. Болота, озера и их окраины густо поросли тростником.

В западной части долина Хуан-хэ отличается и своими почвами и, в зависимости от этого, растительностью. Речек, болот и озер здесь уже нет, к глинистой почве здесь примешивается соль. Довольно разнообразная луговая флора исчезает, начинает преобладать всюду однообразная заросль вейника, а также дырисуна, достигающего в высоту до 2 м и замечательного твердостью своей соломины.

Еще дальше к западу, уже на левой стороне реки, долина еще раз меняет свой характер. Растительность делается чрезвычайно бедной, на обнаженной, изборожденной рытвинами почве на буграх растет низкий, корявый хармык *Nitragia schoebergi* и еще какой-то кустарник из семейства бобовых, с непадающими зимой кожистыми листьями.

Фауна долины Хуан-хэ не особенно богата. Млекопитающие представлены здесь чернохвостой антилопой, лисицами, зайцами, грызунами. Птиц в долинах реки и в песках Кузупчи Пржевальский насчитывает немногим более 100 видов.

Берега Желтой реки, как и ее дно, состоят из липкой глины, вследствие чего вода очень мутная, желтовато-серого цвета. Берега реки постоянно подмываются и обваливаются. Изучая на всем протяжении излучины течения и берега реки, Пржевальский сделал важное географическое открытие:

те разветвления Хуан-хэ, которые издавна чертились на картах в северном ее изгибе, вовсе не существуют. Река оставила свое прежнее русло и направляется километров на 50—55 южнее. На обратном пути Николай Михайлович видел и хорошо сохранившееся старое русло, известное у монголов под названием Улан-хатун.

После переправы у Бауту, каравану пришлось вновь испытывать это удовольствие у рукава Бага-хатун. Совершенно неожиданно пришлось простоять здесь четверо суток, так как сильные дожди так растворили глинистую почву, что верблюды не в состоянии были итти по такой дороге. И вообще верблюды были сильно изнурены постоянными переходами, купаньем при переправах, чего они терпеть не могли, отсутствием подходящего к их вкусам корма. Полное удовлетворение получили и люди, и животные у стоянки Цайдемин-нора. Это чистое озеро, сплошь поросшее тростником, ситником и другими болотными травами, представляло все удобства: уток и гусей водилось здесь много, обеспечивая продовольствие каравану, у соседних монголов можно было доставать сколько угодно масла и молока, а по окрестным лугам могли пастись верблюды. «Словом, теперь нам выпала такая стоянка, — говорит Николай Михайлович, — какой ни прежде, ни после мы не находили во всей Монголии». В довершение благ в соседнем ручейке со светлой и чистой водой путешественники нашли отличное купанье, впрочем, казаки из суеверного страха перед черепахами отказались от этого удовольствия.

Десятидневная стоянка была использована Пржевальским; между прочим, и для определения географической широты оз. Цайдемин-нор астрономическими наблюдениями. Такие действия путешественников всегда вызывали подозрение у монголов и китайцев либо в шпионстве, либо в колдовстве «заморского чорта». На этот раз Николай Михайлович весьма остроумно и счастливо вышел из затруднения. Он вспомнил,

что в это время — в конце июля — по ночам можно видеть много падающих звезд. По окончании своего астрономического наблюдения Пржевальский с подобающей важностью объявил собравшейся толпе, «предсказал», что сегодня по небу будут летать звезды. Предсказание, конечно, блистательно оправдалось.

Следующие переходы привели караван к речкам Хурай-хунду и Хурай-хунды. На последней Пржевальский задержался на три дня, посвятив их охоте за чернохвостыми антилопами.

Чернохвостая антилопа, хара-сульта, очень похожа на дзерена по наружному виду и величине, отличаясь от него небольшим черным хвостом, который она держит обыкновенно кверху. Область ее распространения довольно широкая — от Цайдама до 45° с. ш. в Гобийской пустыне. Зверь этот так пуглив и осторожен, что избегает человека, довольствуется самым скудным кормом, выбирая местом своего жительства самые дикие, бесплодные части пустыни. Редко можно встретить хара-сульту стадом, хотя бы и небольшим; обыкновенно она держится или в одиночку, или попарно. Цвет меха так подходит под цвет песка или глины, что лежащего зверя почти невозможно заметить.

Около кумирни Шара-дзу экспедиция имела случай наблюдать весьма замечательное явление — одичавший рогатый скот. Случалось нередко, что быки и коровы отбивались от монгольских стад и делались до того дикими, что изловить их было крайне трудно. Пржевальскому и его спутникам удалось убить четырех быков, что дало им хороший запас продовольствия.

2 сентября Пржевальский подошел к г. Дын-ху. Здесь надо было переправиться через Хуан-хэ, и дальнейший путь следовал уже по Ала-шаню. Посещение Дын-ху не обошлось без крайне неприятного приключения. Местный начальник оказался чрезвычайно грубым, корыстолюбивым и нечестным человеком. Придираясь к малейшей возможности задержать, не пустить дальше караван, мандарин под разными предло-

гами выманивал у Пржевальского вещи, с явным намерением их присвоить. Особенно жадность мандарина разжигал штуцер Ленкастера, превосходное ружье, специально заказанное за границей Пржевальским и стоившее 500 руб. Только твердость и энергичное сопротивление Николая Михайловича спасли его от форменного ограбления. Пришлось поплатиться кое-какими вещами, чтобы получить паспорт на дальнейшее следование и проводника в ближайшие районы пустыни.

Вырвавшись из негостеприимных стен Дын-ху, экспедиция вступила в южную часть высокого нагорья Гоби, в Ала-шань.

«Алашанская пустыня, — пишет Пржевальский в своем отчете, — на многие десятки, даже сотни верст представляет собой одни голые сыпучие пески, всегда готовые задушить путника своим палящим жаром или засыпать ураганом. Иногда эти пески так обширны, что называются монголами «тынгери», т. е. небо. В них нигде нет капли воды, не видно ни птицы, ни зверя, и мертвое запустенье заполняет невольным ужасом душу забредшего сюда человека».

В песках Кузупчи встречаются, хотя и редко, оазисы. В Ала-шане желтый песок тянется на необозримое пространство, сменяясь иногда такими же безрадостными обширными площадями соленой глины или же (у гор) участками, усеянными довольно крупной голой галькой. Оазисов здесь нет.

Так же однообразен и уныл и живой мир пустыни.

В растительности Ала-шаня важнейшее значение и наибольший интерес имеют саксаул и сульхир.

Саксаул — единственное дерево пустыни, достигающее значительных размеров — 5—6 м высоты и до 50 см толщины. Если условия благоприятствуют, саксаул растет зарослями, напоминающими лес. В густых зарослях кроны деревьев соприкасаются, и получается, таким образом, сомкнутый полог.

Впечатление от саксаульного леса прекрасно передает Р. И. Аболин. «На непривычного человека старые саксаульники производят странное впечатление. Даже при большой густоте и высоте заросли, она почти совсем не дает тени»

вследствие полного отсутствия листьев. Летний зной пустыни здесь ощущается даже сильнее, нежели на открытом месте, так как среди кустов саксаула образуется полное затишье. В саксаульниках царит необыкновенная тишина. Животное население представлено, главным образом, некоторыми ящерицами, которые бесшумно перебегают по песчаной поверхности или же проворно лазают по саксаульным веткам, совершенно сливаясь с ними в окраске».¹

Безлистные, но сочные ветви саксаула составляют главное питание алашанских верблюдов.

Другое растение Ала-шаня — сульхир (*Agriophyllum*) Пржевальский называет «даром пустыни» и считает еще важнее саксаула. Эта трава достигает около метра вышины и растет на голых песках. Мелкие семена этой колючей солянки, созревающие в конце сентября, доставляют питательную и вкусную пищу. Обмолоченные на голых глинистых площадках семена тщательно собираются, поджариваются на медленном огне, толкутся в ступе, получается довольно вкусная мука, которую едят, заваривая чаем. Пржевальский со своими товарищами сами охотно питались сульхирной мукой и запаслись ею даже на обратный путь. Сульхир чрезвычайно любят верблюды, лошади и овцы.

Бедной флоре Ала-шаня соответствует и скудная фауна. Из крупных животных здесь имеется только хара-сульта. Из птиц интересна хоро-джоро (*Podoces hendersoni*), встречающаяся, как и хара-сульта, в самых диких частях пустыни. Это в полном смысле птица пустыни; вне пустыни ее нигде не встретишь. Пустынники, жаворонки, малые журавли почти исчерпывают список алашанской орнитофауны в первое посещение Пржевальского.

На границе между пустыней Ала-шаня и провинцией Гань-су расположены довольно высокие горы — Алашанский хребет. Он поднимается от самого берега Хуан-хэ в том месте, где с противоположной стороны в нее упирается хребет

---

¹ Лендология, под ред. Б. Н. Сукачева, Л., 1934, стр. 519.

Арбус-ула. Хребет круто поднимается с пустынных равнин Ала-шаня и Ордоса. Высшая точка хребта достигает высоты более 3500 м. Снеговой линии высокие Алашанские горы, однако, не достигают. Причиной тому служит частью малое количество осадков, выпадающих здесь, а главным образом, пожалуй, огромная крутизна склонов: при своем высоком поднятии над окрестными равнинами хребет имеет такую незначительную ширину, что горы стоят совершенно стеной.

Алашанские горы, как и пустыня, не богаты растительностью. Пржевальский различает тут три полосы: наружную окраину, полосу лесов и пояс альпийских лугов. В неширокой наружной окраине гор древесная растительность представлена редким корявым ильмом, а из кустарников встречаются эфедра, золотарник, желтый шиповник; в степи, прилегающей к горам, много колючего астрагала.

Лесная область поднимается до 3000 м высоты, и лесами богаты только северные ущелья западной части хребта, с очень однообразным составом: ель, осина и лоза; кустарники представлены лещиной, жимолостью и таволгой; кое-где — сирень, смородина, малина.

Выше лесной полосы, занимая узкую площадь, идет альпийская область. Первою снизу появляется красивая, с белыми и розоватыми цветами, колючая карагана, далее следуют таволга, белый курильский чай, невысокий тальник. Здесь же много красной гвоздики, лютика, хохлатки.

Фауна Алашанского хребта, вопреки ожиданиям Пржевальского, оказалась очень бедною.

Млекопитающих Пржевальский насчитал здесь всего 8 видов. Но бедность состава вознаградилась обилием экземпляров, особенно одного вида горного барана, называемого монголами куку-яманом.

Куку-яманы чрезвычайно осторожны и не пропускают без внимания ничего подозрительного; подойти к зверю по ветру совершенно невозможно. На пастбища выходит по вечерам, а утром снова отправляется в родные скалы. По целым часам, совершенно неподвижно, как истукан, стоит куку-яман

на каком-нибудь выступе, изредка поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Необыкновенно красив тогда силуэт зверя, вырисовывающийся на ясном небе, на верхушке скалы.

Пржевальский так описывает охоту на куку-ямана:

«Во время пребывания в Алашанских горах мы с товарищем по целым дням охотились за описываемыми животными. Не зная местности, я брал с собою в проводники охотника-монгола, до тонкости изучившего горы и характер куку-яманов. Ранней зарею выходили мы из палатки и поднимались на гребень хребта, лишь только солнце показывалось из-за горизонта. В ясное и тихое утро панорама, расстилавшаяся отсюда перед нами по обе стороны гор, была очаровательная. На востоке узкою лентою блестела Хуан-хэ и, словно алмазы, сверкали многочисленные озера, рассыпанные возле города Нин-ся; к западу — широкою полосою уходили из глаз сыпучие пески пустыни, на желтом фоне которых, подобно островам, пестрели зеленеющие оазисы глинистой почвы. Вокруг нас царил полная тишина, изредка нарушаемая голо-сом оленя, зовущего свою самку...» В поисках баранов тщательно осматривали все выступы и кусты, смотрели вниз. Если осмотр не давал результатов, надо было прислушаться, нет ли шороха от шагов отыскиваемого зверя, или не скатился ли где сброшенный им камень. «Иногда мы и сами спускали большие камни в лесистые ущелья, чтобы выгнать оттуда куку-яманов. Полет такого камня всегда бывает великолепный. Едва держась, лежит выветрившаяся глыба, так что достаточно небольшого усилия, чтобы столкнуть ее вниз. Медленно отделяется она от родной скалы и медленно начинает катиться, но с каждою секундою скорость движения возрастает, так что наконец камень несется в ущелье со свистом и быстротою ядра, ломая на пути порядочные деревья. Вслед за главной глыбою летят другие меньшие камни, сброшенные со своего места, и в конце концов на дно ущелья прилетает, с глухим дребезжащим гулом, целая куча обломков. Эхо долины вторит общему шуму, спугнутые звери

и птицы несутся в другие части ущелья, но через несколько минут попрежнему все станет тихо и спокойно».

Замечательно искусство, с которым куку-яманы преодолевают крутизны скал. «Испуганный баран, — рассказывает Николай Михайлович, — бросается опрометью на-уход по скалам, часто совершенно отвесным, так что, смотря на него, недоумеваешь: каким образом это большое животное может так ловко лазить по самым неприступным местам. Для куку-ямана достаточно самого малого выступа, чтобы удержаться на нем в равновесии на своих толстых ногах. Иногда случается, что камень оборвется под тяжестью зверя, и с грохотом полетит вниз; ну, думаешь, оборвался и баран, но он, как ни в чем не бывало, скачет далее по скале».

По выходе из Дын-ху караван направился пустыней и сыпучими песками в главный (и единственный, впрочем) г. Дынь-юань-инь, место пребывания амбана, владетельного князя Ала-шаня. Во все время пути слева виден был резко очерченный профиль Алашанского хребта. 14 сентября пришли в г. Дынь-юань-инь. В первый раз за все время экспедиции Н. М. Пржевальский встретил радушный прием от местного князя. В высшей степени интересный факт: за целый переход от города экспедицию встретили три чиновника, посланные князем узнать у Пржевальского, не миссионеры ли они? «Когда был дан отрицательный ответ, — рассказывает Николай Михайлович, — то нам начали жать руки и объяснять, что в случае, если бы мы оказались миссионерами, князь не велел пускать нас к себе в город. Вообще в числе причин, — добавляет Пржевальский, — обусловивших успех нашего путешествия, на видном месте следует поставить то обстоятельство, что мы никому не навязывали своих религиозных воззрений».

Владетельный князь Ала-шаня, «амбань», живет внутри крепости. В недалеком расстоянии от города находился и загородный дворец князя, окруженный парком, но окрестность вся была разорена дунганями. По своему происхождению князь был монгол, но, занимая высокий пост и породнив-

шись браком с самим богдыханом, совершенно окитаился. По отзыву Пржевальского, амбань — «взяточник и деспот первого разбора. Пустая прихоть, порыв страсти или гнева, словом, личная воля заменяют всякие законы и тотчас же приводятся в исполнение, без малейшего возражения с чьей бы то ни было стороны». Запершись внутри своей фанзы, князь все время проводит в курении опиума.

Весьма досадным обстоятельством во все время пребывания в городе было любопытство зевак, которые тесной толпой заполняли двор, лезли в фанзу, прорывали бумагу, которою обыкновенно заклеиваются окна, и смотрели сквозь сделанные отверстия. Не было никакой возможности бороться с этим злом: выгоняли одну толпу, через минуту набиралась новая. Всякое движение, сморкание, сказанное слово возбуждало общее внимание, привлекало новых зевак и служило предметом оживленнейшей дискуссии присутствовавших.

Амбань и его сыновья всячески высказывали свое расположение к Пржевальскому и его спутникам. Каждый день присылались целые коробы арбузов, яблок и груш, а однажды старый князь прислал даже целый обед, состоявший из множества специально китайских блюд. К счастью, обед обошелся без «китайских церемоний», так как был прислан в фанзу к нашим путешественникам.

Две недели посвятил Николай Михайлович исследованию Алашанских гор и охотам.

До озера Куку-нор, намеченной цели путешествия, оставалось около 650 км, менее месяца пути.

Но средства экспедиции совершенно истощились. Несмотря на бережливость, доходившую до скряжничества, по признанию самого Пржевальского, по приходе в Алашань денег оставалось менее 100 руб. А предстоящий путь был более трудный и опасный, чем пройденный. К тому же все сильно обносились, казаки болели от тоски по родине. Необходимо было сменить их новыми, раздобыть средства к продолжению путешествия, обновить и дополнить снаряжение.

С тяжелым чувством Пржевальский должен был покориться голосу благоразумия и необходимости и повернуть в обратный путь.

Чрезвычайно тяжел был этот путь.

15 октября утром караван направился обратно в Калган. Предстояло одолеть расстояние почти в полторы тысячи километров в суровое зимнее время, в горах и нагорьях южной Монголии. В довершение бед помощник Пржевальского Пыльцов заболел тифом. Девять дней пришлось простоять еще в пределах Ала-шаня, у ключа Хара-моритэ. Никакой медицинской помощи, разумеется, не было. К счастью, крепкий организм и молодость помогли переломить болезнь, и как только Пыльцов, еще крайне слабый, мог сесть на лошадь — двинулись дальше.

В интересах научного исследования, Николай Михайлович решил пройти северо-западной окраиной хребта Хара-наринула, а затем спуститься к левому берегу Желтой реки, дойти до гор Муни-ула и дальше продолжать путь уже прежде пройденным маршрутом.

На нагорье поднялись исподволь, невысокими скалистыми холмами, и здесь путешественников сразу же встретила суровая зима. 3 ноября при сильнейшем северо-западном ветре поднялась пурга и не переставала целый день; температура спустилась до -9°C . В десяти шагах уже ничего нельзя было разглядеть, от сильного ветра затруднялось дыхание. К вечеру метель усилилась, нанесло большие сугробы. Мороз крепчал день-о-дня. От бескормицы сильно пострадали животные; двух верблюдов и одну лошадь пришлось бросить.

Во время передвижения каравана холод не так сильно чувствовался, так как шли большею частью пешком; ехал на лошади, закутавшись в баранью шубу, только Пыльцов, еще слабый и неоправившийся. Зато на месте ночлега зима жестоко давала себя знать. «Как теперь помню я это багровое солнце, которое пряталось на западе, и синюю полосу

ночи, заходившую с востока. В это время мы обыкновенно развьючивали верблюдов и ставили свою палатку, расчистив предварительно снег, правда, не глубокий, но мелкий и сухой, как песок. Затем являлся чрезвычайно важный вопрос насчет топлива, и один из казаков ехал в ближайшую монгольскую юрту купить аргала (сухой помет), если он не был приобретен дорогою. За аргал мы платили дорого, но это все еще было меньшее зло; гораздо хуже становилось, когда нам совсем не хотели продать аргала, как то несколько раз делали китайцы. Однажды пришлось так круто, что мы принуждены были разрубить седло, чтобы вскипятить чай и удовольствоваться этим скромным ужином, после перехода в тридцать пять верст на сильном морозе и метели. Когда в палатке разводился огонь, то становилось довольно тепло, по крайней мере для той части тела, которая непосредственно была обращена к очагу; только дым щипал глаза и делался в особенности несносным при ветре. Во время ужина пар из открытой чаши с супом до того наполнял нашу палатку, что она напоминала в это время баню, только, конечно, не температурой воздуха. Кусок вареного мяса почти совсем застывал во время еды, а руки и губы покрывались слоем жира, который потом приходилось соскабливать ножом. Фитиль стеариновой свечки, зажигавшейся иногда на время ужина, вгорал так глубоко, что нужно было обламывать наружные края, которые не растанвали от огня.¹

По ночам в палатку иногда забирались голодные монгольские и китайские собаки в поисках пищи, кругом бродили волки и пугали верблюдов и лошадей. Редкая ночь проходила спокойно. Ранним утром, дрожа от холода, разом вскакивали, быстро разводили огонь, варили кирпичный чай, после чего немедленно складывали палатку, выючили верблюдов и с восходом солнца по трескучему морозу отправлялись в дальнейший путь.

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 188—189.

Накануне нового (1872) года, поздно вечером, караван подошел к Калгану.

Закончился первый этап экспедиции.

Глава 7

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

СНОВА АЛА-ШАНЬ, ГАНЬ-СУ, КУКУ-НОР

Два месяца незаметно прошли в неустанных хлопотах по снаряжению новой экспедиции. Прежде всего надо было отослать в Кяхту привезенные из Ордоса и Ала-шаня сокровища зоологических и ботанических сборов. Николай Михайлович написал отчет о путешествии, переслал его в Географическое общество и просил поторопиться с высылкой денег. Здесь же, в Пекине, он получил накопившуюся корреспонденцию, газеты и некоторые издания, вышедшие за время его экспедиции. Посланник Влангали попрежнему встретил Пржевальского самым радушным образом и помог ему в организации нового путешествия ссудой денег и новым паспортом китайского правительства с правом прохода в Гань-су, Куку-нор и Тибет. Паспорт, правда, сопровождался официальным уведомлением, что в этих странах, объятых дунганским мятежом и неурядицами всякого рода, путешествовать весьма рискованно и поэтому китайское правительство не может поручиться за безопасность экспедиции. В виду такого предупреждения, Пржевальский особенно тщательно снарядился оружием, боевыми и охотничьими припасами.

Личный состав экспедиции тоже переформировался. На смену казакам, сопутствовавшим ему в предыдущем году, были присланы новые из русского отряда, стоявшего в Урге, — Панфил Чебаев и Дондок Иринчинов.

На этот раз выбор оказался чрезвычайно удачным. «Мы с товарищем, — говорит Н. М. Пржевальский, — вскоре сблизились с этими добрыми людьми самую тесную дружбою, и это был важный залог для успеха дела. В страшной дали

от родины, среди людей, чуждых нам во всем, мы жили родными братьями, вместе делили труды и опасности, горе и радости. И до гроба сохраню я благодарное воспоминание о своих спутниках, которые безграничною отвагою и преданностью делу обусловили, как нельзя более, весь успех экспедиции».¹

Кроме двух верховых лошадей, на этот раз Пржевальский взял 11 верблюдов, количество, необходимое для огромного багажа в 84 пуда.

5 марта караван выступил из Калгана и направился знакомой уже дорогой к Желтой реке. Как и прежде, морозы, бури, метели и редкие оттепели чередовались между собою почти до середины апреля. Сухость воздуха была чрезвычайная, кожа на губах и руках растрескивалась и делалась совершенно сухою, точно отполированную.

В дальнейшем движении маршрут каравана шел не северо-западной окраиной хребта Хара-нарин-ула, как прошлый раз, а южной и юго-западной стороной гор, долиной Хуан-хэ. Погода в долине реки в последней трети апреля ознаменовалась наступлением сильной жары, достигавшей $+31^{\circ}\text{C}$ в тени; вода имела $+21^{\circ}$, и можно было отлично купаться в канавах, отведенных китайцами из Хуан-хэ. Дождей, однако, почти совсем не было, и это сильно задерживало развитие растительности; лишь в местах, выжженных пожарами, появилась зеленая, молодая травка.

Сухость воздуха в пустыне была страшная. Портились вещи от нее, а собираемые для гербария растения разламывались на мелкие части. Николай Михайлович рассказывает, что «иногда даже трудно было писать дневник: обмокнутое в чернила перо так же скоро высыхало, как зимой мерзло, так что на одних и тех же местах являлась одна и та же помеха от двух совершенно противоположных причин — жара и холода».

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 196.

26 мая караван был уже в Дынь-юань-ине, и путешественники разместились в приготовленной для них фанзе.

Из Ала-шани экспедиция должна была направиться на Куку-нор к конечной цели всего путешествия. Но путь туда лежал через провинцию Гань-су, в большей части захваченную дунганами. Пржевальский в мучительных думах искал способов проникнуть через эту зону и ничего не мог придумать. Панический страх китайцев и монголов при одном имени «дунгане» парализовал его попытки найти проводников в Гань-су и на Куку-нор. Счастливый случай совершенно неожиданно пришел ему на помощь.

В Дынь-юань-ине Пржевальский заметил караван тангутов, недавно пришедший из Пекина и направлявшийся в кумирню Чейбсен, лежащую в провинции Гань-су; от этой кумирни до озера Куку-нор 5 дней пути. Николай Михайлович немедленно же предложил сопутствовать этому каравану и обещал ему надежную охрану в случае нападения дунган. Чтобы подкрепить свои обещания, Пржевальский в присутствии многочисленных зрителей устроил примерную стрельбу из штуцеров и револьверов. Это произвело такое сильное впечатление на тангутов, что предложение Николая Михайловича было принято с величайшей радостью. «Проход до Чейбсена с тангутским караваном был чистый клад, — писал Николай Михайлович, — так как без этого случая мы едва ли могли достать себе проводника, хотя бы через южный Ала-шань. Наша радость еще более разжигалась рассказами тангутов, что возле их кумирни лежат высокие горы, покрытые лесами, в которых водится множество птиц и зверей».¹

Дело складывалось, таким образом, как нельзя лучше. Оставалось только заручиться согласием алашанского князя; без его разрешения тангуты взять с собою Пржевальского не могли.

Совершенно неожиданно для Николая Михайловича, алашанский князь оказал упорное сопротивление всем его дово-

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 204.

дам, убеждениям и просьбам. Под всевозможными предложениями он оттягивал решение вопроса и отговаривал Пржевальского от его намерения идти на Куку-нор. Николай Михайлович терялся в догадках относительно причин такого поведения старого князя; вероятнее всего было то, что амбань получил секретное предписание из Пекина всячески препятствовать дальнейшему продвижению экспедиции. Так или иначе, Пржевальский немало дней и ночей провел в мучительной тревоге за участь экспедиции.

Понемногу дела, однако, опять повернулись к благоприятному завершению: разрешение на выезд с караваном тангутов, наконец, было получено.

Караван, с которым теперь связывал свою судьбу Пржевальский, был очень пестрым по своему составу. Большая часть состояла из тангутов, уроженцев кумирни Чейбсен, эти, стало быть, возвращались на родину; частью тут были монголы, направлявшиеся в Лхассу, резиденцию далай-ламы, духовного и светского владыки Тибета, главы буддистов, эти, следовательно, шли «на богомолье»; кроме того, здесь находилось с десятков лам-воинов, посланных, как охрана, алашанским гыгеном. И, наконец, четверо наших путешественников, составлявших арьергард этого отряда. 72 верблюда и около 40 лошадей и мулов несли багаж всего каравана. Вооружение участников каравана состояло из фитильных ружей, пик и сабель; ламы-воины имели гладкоствольные английские ружья, весьма плохого качества, закупленные китайским правительством по заказу алашанского князя.

Багажа у Пржевальского оказалось так много, что едва могли уложить его на 10 верблюдов. При таком малом составе экспедиции — четыре человека — страшно тяжелая и отнимавшая много времени работа по развьючиванию, укладке вещей, присмотру за верблюдами, пастьбе их должна была занять всех ее участников, не исключая и Николая Михайловича. Времени для научной работы совершенно не оставалось. Пржевальский так описывает общий порядок путешествия.

«Обыкновенно мы вставали около полуночи, чтобы избежать дневного жара и, сделав переход верст в тридцать, а иногда и в сорок, останавливались возле колодца, или, за неимением его, сами копали яму, куда набиралась соленая вода. Наши товарищи, из которых иные ходили несколько раз, взад и вперед, по здешним пустыням, превосходно знали дорогу, и чутьем угадывали места, где можно было достать воду, иногда на глубине не более трех футов. В колодцах, изредка попадавшихся на пути, вода была большею частью очень дурна, да притом в эти колодцы дунганы иногда бросали убитых монголов. У меня до сих пор мутит на сердце, когда я вспомню, как однажды, напившись чаю из подобного колодца, мы стали поить верблюдов и, вычерпав воду, увидели на дне гнилой труп человека!..»

Условия для производства научных наблюдений были крайне неблагоприятные. Не говоря о тяжелой физической работе, на которую обрекались волей-неволей все участники экспедиции без исключения, большим тормозом было назойливое любопытство товарищей по каравану. Собрание растений, метеорологические наблюдения и писание дневника можно было объяснить им, не возбуждая подозрений: растения — для лекарства, чучела зверей и птиц — для показа на родине, записывание в дневник — для отчета своему начальству. Но ряд других научных наблюдений: измерение температуры воды в колодцах и почвы, магнитные, астрономические, невозможно было вести, не возбуждая сильных подозрений. Даже маршрутную съемку надо было делать с величайшей осмотрительностью. Случалось иногда, что видя настоятельную необходимость занести что-либо в карманную книжку, Пржевальский умышленно отставал от каравана, как будто по нужде и, сидя на корточках, записывал все виденное.

Первое время по выходе из Дынь-юань-ина караван шел в южной части Ала-шаня. Сыпучие пески занимали здесь еще большую площадь, чем в средних и северных частях пустыни. Именно к этим местам применимо название песков «тынгери»

(небо). Бесчисленное множество холмов, высотой 15—30 м, из желтого мелкого песку, насыпанного на твердую глинистую почву, местами обнаженную, составляют «тынгери». Изредка там и сям торчат несколько кустиков пустынного тростника (*Psamma villosa*) или полевого чернобыльника. Тропинок здесь нет и малейших признаков, путь узнается лишь по сухому помету верблюдов, да по их скелетам, иногда валяющимся по сторонам. Ориентироваться в направлении можно только по солнцу. Если же поднимается буря, вершины песчаных холмов закурятся сначала легким дымком, а потом воздух наполнится тучами песка, который закрывает солнце, беда тогда путешественнику, не успевшему принять необходимых мер предосторожности.

Миновали «тынгери», прошли затем бесплодную и унылую глинистую равнину. Далеко на горизонте неясными очертаниями стала вырисовываться линия гор, похожих сначала на облака, не меняющие своей формы. Постепенно выплывала и, словно стена, поднималась величественная цепь гор Гань-су. Засверкали далекими отблесками снежные вершины двух великанов Ганьсуйского хребта — Лиан-чжу и Кулиана. Еще километра два, и картина чрезвычайно резко меняется. Только что были пески, беспощадно палило солнце, бесшумно бегали ящерицы, одиноко торчали кое-где кустики чернобыльника, — и вдруг обработанные поля, веселая зелень лугов, густо рассыпались китайские фанзы.

Караван подошел к небольшому г. Даджин Ганьсуйской провинции и расположился бивуаком неподалеку от его глиняных стен.

Через два дня, 20 июня Пржевальский оставил Даджин и направился в горы Гань-су, наметив базой своих экскурсий в этом интересном районе кумирню Чейбсен. Удобный путь туда лежал на города Са-янь-чин и Джун-лин, но Николай Михайлович, избегая докучных густых поселений, избрал более дальний западный путь горными тропинками по местности малонаселенной или разоренной дунганями.

География всей этой области по описанию Пржевальского представляется в следующем виде.¹

Горы, расположенные к северу и северо-западу от котловины оз. Куку-нора, составляют продолжение громадных хребтов северо-восточной части Тибета. Общее название всех этих гор — Нань-шань. Отдельные хребты, слагающие эту систему, до Пржевальского не имели названий.²

И Северный, и Южный хребты имеют схожий облик: всюду чрезвычайно крутые склоны, узкие и глубокие ущелья, громаднейшие скалы — вот их общая характеристика. Отдельные вершины (в той части р. Тэтунг, где прошел Пржевальский) достигают высоты около 4000 м, не поднимаясь до пределов вечного снега. Снежные вершины имеются далее к западу или северо-западу в верховьях Тэтунга и Эцзин-гола (гора Конкыр). Высокие горы тангутами почитаются священными и носят название «амнэ», прародитель. Пржевальский насчитывает их в северном хребте 10, в южном — 3.

Окраинный хребет окаймляет высокое плато Ала-шаня, направляясь на восток к Хуан-хэ и несколько понижаясь. От Северного и Южного хребтов он отделяется довольно широкой долиной реки Чагрын-гол. В северо-западной части поднимаются снежные громады Кулиана и Лиан-чжу, упомянутые нами выше.

---

¹ После экспедиции Пржевальского, в 80-х и 90-х годах и позже, здесь путешествовали многие крупные ученые-исследователи и русские и иностранные, которые внесли немало изменений и новых подробностей в наши географические представления. Среди русских путешественников отметим Г. Н. Потанина, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, В. А. Обручева, Г. Е. Грумм-Гржимайло. Но в главнейших чертах описания Пржевальского остаются непоколебленными, и заслуги его, как пионера, совершенно неоспоримы.

² Они получили их в работах названных в предыдущем примечании ученых. Особенно крупные сводки принадлежат Обручеву, частью Грумм-Гржимайло. Н. М. предложил называть те из них, которые стоят по левую сторону р. Тэтунга (Да-тун-хэ), «Северными», по правую — «Южными», горы же в стороне Ала-шаня — «Окраинным хребтом».

Горные породы в горах Гань-су состоят из известняков, гнейса, сланцев. Минеральные богатства заключаются в каменном угле и в золоте. Каменный уголь даже разрабатывается вблизи кумирни Чертынтон.

Богатейшая растительность Гань-су совершенно оправдала ожидания Пржевальского.

Лесная зона занимает здесь исключительно нижний пояс гор. По берегам многочисленных быстрых ручьев и рек, в ущельях, растительность предстала перед взорами путешественника в таком разнообразии и размерах, в каком не встречалась прежде в горах Монголии. Особенно резкий контраст представляла эта флора после мертвых пустынь Ала-шаня. Николай Михайлович не раз вспоминал роскошную природу Амура и Уссури, на каждом шагу встречая непроходимые заросли кустарников, любясь высокими, стройными деревьями. Целый ряд форм был совершенно новым, невиданным. Прежде всего поразила его береза с красноватой корой. Это довольно высокое дерево по наружному виду совершенно походит на обыкновенную березу, но кора у нее опадает и висит на стволе лоскутами красноватого цвета. Мягкая и тонкая кора березы может служить для заверток, вместо бумаги. Рядом с нашей красной рябиной растет другой вид с ягодами белого, алебастрового цвета. Из других древесных пород здесь встречаются осина, сосна, развесистый тополь, древовидный можжевельник.

Кустарники в лесах Гань-су развиваются особенно роскошно в горных ущельях по берегам источников. Тут имеются семь или восемь видов жимолости, два вида шиповника, китайская бузина, крыжовник, черная смородина, дикий перец, бересклет и ряд других пород. Леспедезы и лещины Пржевальский здесь не нашел. Боярка, желтая карагана растут по открытым горным склонам.

Еще более разнообразна травянистая растительность Гань-су. Во множестве и везде растут здесь земляника, пионы, василистник, валериана, водосбор, черемша, кровохлебка, иван-чай, живокость, вонючка, поповник; красивый

мытник сплошь заливают своими розовыми цветами небольшие площадки и лужайки среди леса. В изобилии везде встречается папоротник, представленный несколькими видами.

Но самым замечательным растением в составе флоры Гань-су является знаменитый лекарственный ревень.

Главное время цветения ревеня в Гань-су бывает в конце июня и в начале июля; семена поспевают во вторую половину августа. Главный сбор ревенного корня производится тангутами и китайцами в сентябре и октябре. Промысел этот развит до такой степени, что ревень был бы давно совершенно истреблен, если бы местообитание его было более доступно. Он ютится в ущельях и дремучих лесах верховьев Тэтунга и Эцзин-гола, выбирая северные склоны гор. Тангуты сеют ревень в своих огородах на «черноземе». Пржевальский взял для коллекции много семян этого растения.

Очень богата альпийская зона Гань-су. Четыре вида рододендрона (все они оказались новыми) сплошной массой густых кустарников распространяются на большие пространства. Из кустарников растут еще карагана, таволга, верба, желтый курильский чай и др. Много совершенно новых видов среди луговых трав Гань-су: больше всего здесь встречаются камнеломки, маки, мытник, гентианы, лапчатки и др. Во второй половине июня горные скаты крупными площадями залиты то белым, красным или лиловым цветом рододендронов и караганы, то яркожелтым цветом курильского чая, то розовыми цветами кипрея или иван-чая.

Фауна гор Гань-су порадовала путешественников своим богатством птиц. Пржевальский нашел здесь 106 оседлых или гнездящихся и 18 пролетных видов. Оказалось, что орнитологическая фауна Гань-су сильно разнится от монгольской. Разница эта обуславливается, конечно, противоположностью физических условий названных стран. Около полусотни видов птиц Гань-су вовсе не встречается в Монголии. Представители китайской, гималайской, тянь-шанской и сибирской фауны населяют леса и горы Гань-су.

Из хищных птиц особенно замечателен могучий снежный гриф, чалого цвета, до 3 м в размахе крыльев. Представлены здесь и еще 2 вида грифа — черный и ягнятник. Пржевальский замечает, что грифы в Гань-су обитают в таком количестве, какого ему не пришлось более видеть.

Млекопитающими Гань-су не так богат, как птицами: найдено всего около 20 видов. Крупные животные здесь вообще редки. В горах можно встретить куку-ямана, оленя, козулю, кабаргу. Между грызунами особого внимания заслуживают сурки и пищухи, в громадном количестве населяющие открытые местности. Так же многочисленны здесь слепыши и маленькая полевка. В лесах обитают медведь и дикая кошка, а также хорек, барсук, лисица и 2 вида волка: обыкновенный и красный.

Перевалив Окраинный хребет, экспедиция подошла к г. Да-и-гу, разоренному дунганами. Во время прохода каравана город был занят тысячью китайских солдат. Первая значительная речка, встреченная экспедицией, была Чагрынгол; за нею лежала хорошая и удобная даже для колесной езды дорога ущельем реки Ярлын-гола. Здесь Пржевальский впервые увидел черные шатры тангутов и стада длинношерстных яков. Перевалив через несколько отрогов, караван вышел на берег Тэтунг-гола и остановился вблизи тангутской кумирни Чертынтон. Благодаря неприступному положению в горах, кумирня уцелела от дунган, и в ее окрестностях сгруппировалось довольно густое тангутское население. Пржевальский встретил здесь хорошее к себе отношение, и пятидневная остановка возле Тэтунг-гола была как нельзя более приятна для всех членов экспедиции. Так как с выючными верблюдами невозможно было пройти через горный хребет правой стороны Тэтунг-гола, решено было перевезти багаж на мулах и ослах с помощью нанятых китайцев. Путь лежал по одному из притоков Тэтунга, по р. Рангхта-гол. «Узкая тропинка ведет здесь ущельем, — рассказывает Прже-

вальский. — Громадные скалы торчат со всех сторон и запирают собою узкие боковые ущелья; скаты гор вообще чрезвычайно круты. На самом перевале тропинка вьется зигзагами чуть не по отвесной горе; вычным животным итти здесь чрезвычайно трудно. Зато с перевала открывается великолепный вид на холмистую равнину, которая раскинулась тотчас за горами. Я никогда не забуду, как однажды с того же самого перевала мы увидели эту равнину, сплошь покрытую кудреватыми, яркобелыми облаками, в то время как над нами блистало солнце на совершенно ясном, темноголубом небе».¹

К стороне, противоположной Тэгунгу, горы обрываются крутыми и короткими склонами. Здесь расположена кумирня Чейбсен, которая была исходным пунктом исследований Николая Михайловича в Гань-су.

Целую неделю пробыл Пржевальский в Чейбсене, снаряжаясь в горы на остальную часть лета. Были куплены 4 мула и нанят монгол, знавший тангутский язык. Из Чейбсена Пржевальский отправился обратно в горы около Чертынтонга, выбирал наиболее благоприятные пункты и останавливался в разных местах столько времени, сколько было нужно для научных работ и исследований.

Все лето шли непрерывно дожди, страшно мешавшие работе, сырость была такая, что ни собранные для гербария растения, ни чучела птиц не просыхали как следует. Высоко в горах к постоянным дождям присоединились снег и ночные морозы. Самым несносным было время, когда дождь лил, не переставая, по несколько суток кряду. В мокрой палатке, под непрерывный стук шлепающих по полотнищу капель, не видя даже окрестных гор, так как облака закрывали весь альпийский пояс, принужден был сидеть, сложа руки, Пржевальский со своим помощником и проводником.

Ботанический сбор, однако, оказался в конечном результате очень хорошим. В июле растения были в полном цвету

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 224—225.

и доставили Пржевальскому 324 вида, в числе около 3 тысяч экземпляров. Птиц собрали не более 200 штук, а насекомых почти вовсе не было. Следует заметить, что в горах Гань-су совсем нет ни комаров, ни мошек. Уссурийский «гну» был еще так свеж в памяти Николая Михайловича, что его полное отсутствие здесь до некоторой степени мирило со скудостью энтомологической коллекции.

Мокрота и сырость в палатке стояли невообразимые. Случалось, что место расположения бивуака попадало в середину грозовой тучи, так что путешественники не без жуткого чувства видели вокруг себя сверкающие молнии — справа, слева, внизу.

В августе Пржевальский перешел в Северный хребет и разбил свою палатку у подножья исполинской горной вершины Гаджур, на высоте более 3500 м. Здесь пробыли 2 недели, дожди шли, не переставая, а 7 и 9 августа поднялась метель, и местами намело порядочные сугробы. В громадных, недоступных скалах на вершине Гаджура лежит весьма замечательное по своему положению и красоте небольшое оз. Демчук. Доступ к этому озерку возможен только с одной стороны, сквозь узкое веретенообразное ущелье. «Абсолютная высота Демчука 13 100 футов (3900 м) и положение этого озерка действительно замечательно. Узкая ложбина, тихие, светлые волны, со всех сторон громаднейшие скалы, сквозь которые едва виднеется небольшая полоса неба, наконец, могильная тишина, лишь изредка нарушаемая стуком обвалившегося камня — все это особенным, торжественным образом настраивает душу человека. По крайней мере, я провел здесь под таким впечатлением более часа и, уходя, верил в возможность для неразвитого ума облечь в таинственную святость этот тихий уголок».¹

1 сентября Пржевальский вернулся на свою базу в Чейбсен. Здесь, во время его отсутствия, создалось довольно напряженное настроение. Дунгане, пользуясь отсутствием

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 246.

хорошо вооруженной кучки путешественников, осмелели и угрожали разгромом кумирни. Напряжение достигло крайней степени к моменту возвращения Николая Михайловича. Положение становилось опасным и тем более неприятным для Пржевальского, что он не мог поместиться со своими верблюдами в кумирне, битком набитой народом. Пришлось разбить палатку на открытой луговой равнине, в километре от кумирни. Вот как красочно описывает Пржевальский этот драматический эпизод своего путешествия.

«Здесь мы прежде всего организовали защиту на случай нападения. Все ящики с коллекциями, сумы с различными пожитками и запасами, равно как верблюжьи седла, были сложены квадратом, так что образовали каре, внутри которого должны были мы помещаться при появлении разбойников. Здесь стояли наши штуцера с примкнутыми штыками и кучами патронов, а возле них лежало десять револьверов. На ночь все верблюды укладывались и привязывались вокруг нашего импровизированного укрепления и своими неуклюжими телами еще более затрудняли подступ, в особенности верховым людям. Наконец, чтобы не пускать пуль даром, мы отмерили во все стороны расстояния и заметили их кучами камней.

Наступила первая ночь... Все заперлись в кумирне, а мы остались одни-одинешеньки, лицом к лицу с разбойниками, которые могли явиться сотнями, даже тысячами и задавить нас числом... Погода была ясная, и мы долго сидели при свете луны, рассуждая о прошлом, о далекой родине, о родных и друзьях, так давно покинутых. Около полуночи трое из нас легли спать, конечно, не раздеваясь, а один остался на карауле, который мы держали поочередно до утра. Совершенно спокойно прошел и следующий день. Разбойники канули, словно в воду... На третьи сутки повторилось то же самое, так что ободренные обитатели Чейбсена пригнали из кумирни свое стадо и начали пасти его возле нашей палатки... Шесть суток простояли мы у Чейбсена, и далеко не нарочно подвергли себя подобной опасности; свою риско-

ванной стояжкой мы покупали возможность пробраться на озеро Куку-нор».¹

«Бой» с дунганами действительно сослужил большую службу в дальнейшем продвижении экспедиции. Слава непобедимых воинов твердо установилась за путешественниками и помогла одолеть страх перед дунганами у проводников-монголов, которые должны были вести их к оз. Куку-нор.

За несколько дней до выхода Пржевальского на Куку-нор, тангутский караван, пришедший с ним в Чейбсен, вновь отправился в Пекин, и Николай Михайлович отправил с ним письма и официальные донесения на родину.

А караван отважных путешественников, четверо смельчаков, 12 октября вступил в равнину степей Куку-нора и через день разбил палатку на самом берегу озера.

«Мечта моей жизни исполнилась! Заветная цель экспедиции была достигнута. То, о чем недавно еще только мечталось, теперь превратилось уже в осуществленный факт. Правда, такой успех был куплен ценою многих тяжелых испытаний, но теперь все пережитые невзгоды забыты, и в полном восторге стояли мы с товарищами на берегу великого озера, любуясь на его чудные, темноглубые воды»...²

Глава 8

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

КУКУ-НОР, ЦАГДАМ И СЕВЕРНЫЙ ТИБЕТ

Озеро Куку-нор расположено в долине на высоте 3000 м. По форме оно представляет эллипс и в окружности имеет приблизительно 350 км. Берега слабо изрезаны, вода соленая. Озеро отличается замечательно красивым цветом своих вод. Темноглубая гладь Куку-нора в белой рамке

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 248—249.

² Там же, стр. 255.

высоких, в эту пору покрытых снегом, гор поражала красотой и умиротворяюще действовала на настроение путешественников после перенесенных испытаний и невзгод. Километрах в двадцати от западного берега виден был скалистый островок, 8—10 км в окружности. Сообщение с ним было только зимою по льду, летом же оно совершенно прерывалось за полным отсутствием на озере лодок.¹ Озеро замерзает в середине ноября и вскрывается в конце марта. Куку-нор редко бывает спокоен; даже слабый ветер разводит уже волну, в бурю же он представляет великолепное зрелище. Озеро богато рыбою, но рыболовство развито слабо. С прибрежных гор стекает много небольших речек и ручьев, но значительных насчитывается всего восемь. Самый большой из притоков — р. Бухайн-гол, берущая начало в горах Нань-шаня.

Топография бассейна Куку-нор очень проста. С севера и с юга озеро окружено горами, близко придвигающимися к берегам, на востоке и западе они значительно отодвинуты, образуя довольно широкие ровные долины. В этих равнинах расстилаются превосходные степи, представляющие самый резкий контраст с горами Гань-су. Там постоянные дожди, снега, чрезмерная сырость, густые леса и альпийские луга; здесь — раскинулась степь, покрытая превосходными степными травами и дырисуном. В животном мире этих степей — тот же контраст: дзерены и пищухи, жаворонки и пустынный оживляют равнину. По своему видовому составу фауна Куку-нора носит уже отпечаток тибетских пустынь. Монгольский пустынный заменяется здесь пустынным тибетским; жаворонок отличается своими размерами: он ростом больше скворца, отлично поет и держится по кочковатым болотам. Множество хищных птиц прилетает на берега озера, так как в степях водится несметное количество пищух; почва до того

---

¹ Первый путешественник, высадившийся на острове, был геолог А. А. Чернов, из состава экспедиции П. К. Козлова в 1907—1909 гг. Разные исследователи дают неодинаковые цифры уровня Куку-нора. Отсылаем читателей к 3 тому описания путешествия Грумм-Гржимайло, где дана сводка этих данных.

изрыта их норами, что это сильно затрудняет езду на лошади, особенно рысью.

Интереснейшим животным куку-норских степей может считаться дикий осел — хулан. Это животное встречается в верховьях Тэтунга, населяет Куку-нор и Цайдам и распространяется дальше в область северного Тибета. По величине и наружности он похож на мула; окраска его тела светло-коричневая сверху и чистобелая снизу. Хуланы держатся небольшими стадами, редко более 50 голов. Каждое стадо состоит из кобыл, предводительствуемых жеребцом. Количество кобылиц в стаде вполне зависит от удачливости, ловкости и силы вожака. В косяках старых и опытных самцов набирается до полусотни кобылиц, у молодых или неудачливых — в лучшем случае десяток. Особенно незадачливые жеребцы и совсем не набирают стада и бродят в одиночку, издали созерцая благополучие счастливых соперников. За такими «подозрительными личностями» старые самцы следят с неусыпным вниманием и весьма быстро и решительно пересекают дон-жуанские поползновения бродяг.

Хулан — очень умное животное, с превосходно развитыми чувствами. Обыкновенно он быстро разгадывает ухищрения неприятеля и немедленно же принимает меры предосторожности. Бегаёт он чрезвычайно быстро, подняв свою большую, безобразную голову и оттопырив тонкий, маловолосистый хвост. Голос его состоит из довольно громкого и отрывистого рывканья, соединенного с храпением.

Во время пребывания Пржевальского на Куку-норе к нему приехал тибетский посланник, по имени Камбы-нанту, чтобы познакомиться с путешественником. Этот посланник направлялся из Лхассы от далай-ламы в Пекин с подарками, которыми по давней традиции обменивались тибетский владыка с повелителем Небесной империи (так называли Китай). Камбы-нанту выехал со своей миссией еще в 1862 г., но из-за дунганских беспорядков застрял в пути на десять

лет, не имея возможности пробраться дальше Гань-су. Прослышав о русских, посланник пожелал их видеть.

Пржевальскому выпадал, таким образом, очень серьезный шанс осуществить такие планы экспедиции, о которых он не смел и мечтать: Камбы-нанту предлагал свои услуги к продвижению до самой Лхассы. И тут был один из самых тяжелых моментов в путешествии для Николая Михайловича: ему пришлось отказаться от предложения только потому, что у него совершенно не было денег.

Нищета, которая преследовала его по пятам с первых шагов экспедиции, сыграла здесь свою последнюю и самую тяжелую шутку.

Отказавшись идти в столицу Тибета, Николай Михайлович решил продолжать экспедицию до крайней возможности и попробовать пройти в Тибет до верховьев Голубой реки. С проводниками дело обстояло теперь гораздо лучше. Пржевальский имел их по всему маршруту до конца своего путешествия.

От озера Куку-нор, обогнув его северо-западные берега, путешественник направился долиною Бухайн-гола к хребту, которому он дал название Южно-Кукунорского. Эти горы отделяют область плодородных степей в бассейне Куку-нора от пустынь Цайдама и Тибета. Северные и южные склоны Южно-Кукунорского хребта имеют совершенно различный характер: скат в сторону Бухайн-гола во всем напоминает Ганьсуйские горы лесами, обилием воды; южные же склоны похожи на монгольские нагорья и сухие степи. Почвы преобладают глинисто-соленые, растительность носит уже совершенно пустынный характер — дырисун, бударгана, хармык. Наконец, появление холо-джоро и хара-сульты свидетельствует о том, что экспедиция вступает в область самой дикой пустыни. Здесь же по ее пути находилось оз. Дабасу, в 40 км окружностью, в котором лежал пласт соли до 30 см толщины.

В урочище Дулан-кит, где находилось местопребывание правителя западной части провинции Куку-нор, Пржевальский встретил очень радушный прием. Чрезвычайно ценным подарком князя была небольшая юрта, которая впоследствии спасала путешественников от жестоких климатических условий северного Тибета.

Не менее важной услугой вана (правителя) было запрещение своим подданным ходить без дела в палатку экспедиции.

Чтобы понять важность этого обстоятельства, надо вернуться немного назад и рассказать, почему назойливость туземцев стала особенно обременительной.

Дело в том, что уже в Ала-шане Николая Михайловича стала сопровождать слава человека, который идет важным посланцем, имеет какие-то значительные полномочия и цели. Слава эта стократно увеличилась после шестидневной стоянки у Чейбсена, когда Пржевальский с тремя своими спутниками устранил дунган до такой степени, что они не посмели предпринять хотя бы попытки напасть на него. И еще одно обстоятельство увеличивало значение и важность путешественника: несколько случаев удачного лечения хинином или слабительными упрочило за ним репутацию чудодейственного врача; собиравшие же им растений окончательно подтверждало эту догадку.

Так, нарастая, шла молва о таинственном пришельце, о его волшебном могуществе, неуязвимости, о его «святости». Когда же к Николаю Михайловичу приезжали гыгены и явился даже сам посланник верховного владыки Тибета, далай-ламы, туземное население, монголы, китайцы, тангуты окончательно убедились в том, что загадочный путешественник — великий хубилган, т. е. «святой». «Тангуты и монголы приходили иногда толпами, — рассказывает Пржевальский, — чтобы помолиться не только нам, но даже нашим ружьям, а местные князья несколько раз приводили своих детей, прося меня наложить на них руку и этим знамением благословить на всю жизнь. При нашем приходе в Дулан-кит

собралась толпа человек в двести, которые молились нам, стоя на коленях по сторонам дороги. От желающих предсказаний не было отбоя. Ко мне приходили узнавать не только о судьбе дальнейшей жизни, но также о пропавшей скотине, потерянной трубке и т. п. . . Хара-тангуты, постоянно разбойничающие на Куку-норе, не только не решались напасть на наш караван, но даже перестали грабить в тех местах, где мы проходили . . . Обаяние нашего имени превосходило всякое вероятие. Так, идя в Тибет, мы оставили в Цайдаме лишний мешок с дзамбой, и местный князь, принимая его на хранение, с радостью говорил нам, что этот мешок будет стеречь его хошун от разбойников-тангутов. Действительно, когда, спустя три месяца, мы возвратились к тому же самому князю, он тотчас подарил нам двух баранов в благодарность за то, что в течение всего этого времени в его хошуне не показывался ни один грабитель из боязни украсть вещи, оставленные русскими» . . .¹

К юго-западу от Южно-Кукунурского хребта располагаются равнины Цайдама, представляющие сплошное болото, почва которого настолько пропитана солью, что в иных местах эта соль выступает корой до 2.5 см толщины. Довольно большая река Баян-гол, идущая по диагонали равнины, при незначительной глубине, имеет не менее 70 м ширины. Вытекая с восточных окраин хребта Бурхан-будда, она теряется в болотах Цайдама на западе.

Цайдам представляет собой унылый ландшафт. Почти все пространство покрыто высоким тростником, лишь кое-где видны небольшие участки луговых трав с очень бедным видовым составом. Во многих местах встречается хармык, достигающий здесь высоты 2 м. Сладко-соленые ягоды этого кустарника имеют огромное значение в Цайдаме: здесь они составляют главную пищу и людей, и животных. Сваренные в воде, они смешиваются с дзамбой и в таком виде потребляются. Очень одобряют ягоды хармыка и верблюды;

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 294—295.

ими же питаются почти все птицы и звери Цайдама. Из зверей здесь можно встретить хулана и хара-сульту, волка, лисицу и в довольно большом числе зайца. Из птиц в изобилии водится особый вид фазана, отличающийся от ганьсуйского и монгольского. Среди зимующих птиц встречаются и некоторые виды утиных и хищных.

От Цайдама до Лоб-нора считается 750—900 км, 30 дней караванного пути. Повидимому, связь с бассейном Лоб-нора имеется, так как местные жители немало рассказывают о диких верблюдах и диких лошадях, которые обитают в северо-западном Цайдаме, распространяясь дальше в направлении Лоб-нора. Под влиянием этих рассказов у Пржевальского зародилась мысль о путешествии в этот заманчивый район, мысль, которая осуществилась в его вторую экспедицию в Центральную Азию.

Климат Цайдама порадовал путешественников отсутствием дождей и вообще относительной мягкостью. С середины октября и весь ноябрь стояла отличная, ясная погода. Ночные морозы, правда, стояли большие (-23.6° , -25.2°C), но днем всегда было тепло. Снег выпадал редко и долго не держался: или таял, или же его сдувало ветром. Баян-гол покрылся льдом в середине ноября.

Передвижение по соляным болотам было мучительно для животных: верблюды стали хромать, а собаки едва могли ступать израненными в кровь лапами.

В хошуне (округе) Дзун-засак Пржевальский при помощи местного князька нанял проводника-монгола Чутун-Дзамба, много раз бывавшего в Лхассе, и 21 ноября двинулся в Тибет.

Тибетский маршрут Пржевальского был самой интересной и важной частью экспедиции и самый приятной для путешественников, несмотря на чрезвычайные трудности и тягости, которые пришлось им испытать здесь. Интересной и важной потому, что все здесь было ново и необыкновенно; все поражало своей громадностью и суровым величием: колоссальное поднятие всего нагорья (более чем на 4000 м), никому неведомые доселе хребты, необычайное количество

зверей, своеобразный характер климата и растительности. Приятным этот маршрут был и от сознания важности научного вклада географическими открытиями буквально на каждом шагу и от полного отсутствия населения в этих местах.

Болотистая равнина Цайдама отделяется от высокого нагорья северного Тибета хребтом Бурхан-будда, который тянется с запада на восток километров на 200, доходя до оз. Тосо-нор; с запада границей Бурхан-будды можно считать реку Номохун-гол. От подошвы хребта, с равнин Цайдама до гребня расстояние около 30 км, и подъем здесь довольно пологий; крутым он становится уже у перевала, высота которого определена Пржевальским в 4600 м. Самые высокие точки достигают высоты не менее 5000 м.

Несмотря на такую огромную высоту, Бурхан-будда все же не имеет вечных снегов. Причины такого явления, по мнению Николая Михайловича, заключаются, во-первых, в том, что хребет, имея большую абсолютную высоту, не поднимается много над своей подошвой с южной стороны, а обширные пустыни, раскинувшиеся здесь, летом нагреваются довольно сильно, и теплый воздух гонит снег с самых высоких вершин; во-вторых, осадки выпадают здесь чаще всего весной, зимой же снега выпадает очень немного. Весенние снега, хотя бы и очень обильные, на широте в 36° быстро стаивают под горячими лучами солнца.

Бурхан-будда составляет резкую физическую границу стран, лежащих по северную и южную его сторону. К югу от хребта на огромное расстояние расстилается самое мощное на земном шаре сплошное поднятие — нагорье Тибет, высотой в среднем около 4000 м. Севернее этого поднятия — несколько пониженная равнина Цайдама, окаймленная с севера системами Нань-шаня и Алтын-тага, высоко вздымающимися южными пограничными хребтами Монголии и Восточного Туркестана.

Общий характер Бурхан-будды заключается в его крайнем бесплодии и суровости. На гребне хребта, частью и по окраинам его, скалы совершенно лишены растительности. Лишь

кое-где в понижениях попадаются редкие уродливые кусты бударганы и курильского чая. Не видно ни зверей, ни птиц. Мертвая тишина отличает эти унылые места, и только бураны, поднимающие тучи песка и пыли, нарушают однообразие картины. Южный склон Бурхан-будды в общем несколько веселее северного: здесь попадаются ручьи, а возле них ютится чахлая растительность, слабо напоминающая луга.

Подъем на гребень гор, несмотря на пологое повышение, очень труден: вследствие огромной высоты местности и разреженного воздуха и человеку, и животным крайне тяжело малейшее усилие; чувствуется сильная слабость, делается одышка, голова болит и кружится. Один из верблюдов в караване Пржевальского в первый же день восхождения издох мгновенно, а остальные едва-едва взойшли на перевал. Эти трудности сопровождали экспедицию до конечного пункта путешествия — до Голубой реки.

К юго-западу от Бурхан-будды, отделяясь долиной р. Номохун-гол, следует хребет Шуга, опоясываемый с юга долиной реки того же названия (Шуга). Этот хребет имеет тот же мертвенный характер, что и Бурхан-будда, и только долина реки несколько разнообразит ландшафт: она покрыта хорошей травой. Отдельные вершины гребня Шуги поднимаются несколько выше, чем в горах Бурхан-будда.

В расстоянии около 10 км от гор Шуга находится еще один хребет — Баян-хара-ула. Прорезывающая его р. Напчитай-улан-мурень является притоком Голубой реки, здесь был конечный пункт первого путешествия Пржевальского в Центральную Азию. Эти горы служат водоразделом Хуан-хэ и Ян-цзы-цзяна (Желтой и Голубой рек). Между хребтами Шуга и Баян-хара-ула расположено волнистое плато, с разбросанными там и сям группами холмов. Это пространство представляет собой страшную пустыню, поднятую на высоту 4400 м над уровнем моря.

Такова, в общем, орографическая картина этой части по первой съемке Пржевальского. Более точно отношения названных гор, их восточное и западное продолжение были

выяснены Николаем Михайловичем в последующих его путешествиях, о чем читатель узнает в дальнейших главах. Теперь же мы остановимся несколько на общей характеристике пустынь северного Тибета и условий путешествия в них.

«Климат и природа, — описывает Пржевальский, — носит здесь ужасный характер. Почва состоит из глины с примесью песка или гальки и почти вовсе лишена растительности. Только кой-где торчит кустик травы, в несколько дюймов вышины, да изредка желто-серый лишай прикроет собой на фут или два оголенную почву. Эта последняя местами покрыта, словно снегом, белым налетом соли и везде изрыта бороздами или ямами, выдутыми постоянными бурями. Только в тех местах, где текут ключи или образуются кочковатые болота, травянистая растительность встречается в большом обилии и является что-то похожее на луга. Луговой покров состоит из одного вида злака (изредка попадаются и сложноцветные), вышиною в 0.5 фута, твердого, как проволока и до того высушенного ветром, что под ногами он хрустит, как хворост, и рассыпается пылью».¹

На такой огромной высоте воздух очень разрежен и беден кислородом. Небольшой переход или восхождение хотя бы на невысокий холм утомляет даже очень крепкого человека. Во всем организме чувствуется сильнейшая ослабленность, ноги и руки трясутся, голова кружится, появляется рвота. Вследствие недостаточности кислорода разводить огонь очень трудно, аргал (сухой помет) горит крайне плохо, а сырой почти невозможно разжечь. Вода кипит при 85°C, и разварить жесткое мясо яка очень трудно — на это требуется немало часов.

Климат Тибета вполне гармонирует с суровой и дикой природой его. Большую часть года здесь господствуют свирепые бури и жестокие холода. Метели и ураганы носятся здесь всю весну, перемежаясь редкими солнечными (и тогда

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 307—308.

8 Н. М. Пржевальский

жаркими в затишьи) днями. Лето характеризуется частыми дождями, иногда с крупным градом и непрекращающимися ветрами. Только осень бывает здесь хороша: нередко стоит ясная, тихая и относительно теплая погода.

Характерную черту климата Тибета составляют пыльные бури. Появляются они исключительно с запада или северо-запада. Продолжаются чаще всего с полудня до заката солнца и начинаются обычно умеренным ветром. Мало-помалу от поднятой в воздух пыли небо начинает сереть, мгла все более густеет, и наконец тускло светившее, как сквозь дым, солнце совершенно закрывается поднятой пылью. Через 2—3 часа после полудня наступает что-то вроде сумерек, и на расстоянии нескольких сотен шагов не видно даже высоких гор. Пыль, песок, мелкие камешки несутся в воздухе, создавая иллюзию сильной снежной метели. Невозможно открыть глаз против ветра, даже трудно перевести дух не только от силы ветра, но и от того, что воздух становится густым и чрезвычайно тяжелым для дыхания. Даже верблюды в такие моменты не идут на покормку, а ложатся на землю.

Замечательно, что температура во время такой бури всего чаще немного ниже нуля, а нередко даже поднималась выше нуля. «Это явление можно объяснить тем, — замечает Пржевальский, — что пыль и песок, нагретые солнцем, в свою очередь нагревали атмосферу, проносясь по ней с силой урагана».

Осенью обычно и снаряжаются в Лхассу, столицу Тибета и резиденцию далай-ламы, караваны богомольцев из Монголии. На переход из Куку-нора до Лхассы нужно около 2 месяцев, если делать ежедневно 25—30 км. Отправляются караваны обыкновенно в начале сентября, в ноябре они уже в Лхассе, проводят там 2—3 месяца и в феврале пускаются в обратный путь. На обратном пути к монгольским пилигримам присоединяются тибетские купцы и везут в Китай сукно, мерлушки и разные мелкие товары. «Как осенние, так в особенности весенние путешествия караванов через северный:

Тибет никогда не обходятся благополучно. Много людей, и в особенности яков и верблюдов, гибнет в этих страшных пустынях. Подобные потери здесь так обыкновенны, что караваны всегда берут в запас $\frac{1}{4}$, а иногда даже $\frac{1}{3}$ наличного числа вьючных животных. Иногда случается, что бросают все вещи и думают только о собственном спасении. Так, караван, вышедший в феврале 1870 г. из Лхассы и состоявший из трехсот человек, с тысячью верблюдов и яков, потерял, вследствие глубоко выпавшего снега и наступивших затем холодов, всех вьючных животных и около пятидесяти человек. Один из участников этого путешествия рассказывал нам: „когда начали ежедневно дохнуть от бескормицы целыми десятками вьючные верблюды и яки, то люди принуждены были бросить все товары и лишние вещи; потом понемногу бросали продовольственные запасы, затем сами пошли пешком и напоследок должны были нести на себе продовольствие, так как, в конце концов, остались живыми только три верблюда, да и то потому, что их кормили дзамбою. Весь аргал занесло глубоким снегом, так что отыскать его было очень трудно, а для растопки путники употребляли собственную одежду, которую поочередно рвали на себе кусками. Почти каждый день кто-нибудь умирал от истощения сил, а больные, еще живые, все были брошены на дороге и также все погибли».¹

Все эти трудности в полной мере испытали и наши путешественники. Два с половиной месяца — с 23 ноября 1872 г. по 10 февраля 1873 — провела экспедиция в пустынях северного Тибета и это был, по словам самого Пржевальского, самый трудный период за все время путешествия. «Глубокая зима с сильными морозами и бурями, полное лишение всего, даже самого необходимого, наконец, различные другие трудности — все это, день в день, изнуряло наши силы. Жизнь наша была в полном смысле „борьба за существование“ и только сознание научной важности предприня-

¹ Монголия в страна тавгутов, стр. 309—310.

того дела давало нам энергию и силы для успешного выполнения своей задачи».

Счастьем для путешественников было то, что они имели небольшую юрту, подаренную Пржевальскому в Цайдаме. В этой юрте они были несравненно лучше укрыты от морозов и непогоды, чем в палатке. В середине юрты устанавливался железный таган и в нем круглый день горел аргал и для приготовления пищи и для теплоты. Общий порядок в путешествии был таков, по описанию Николая Михайловича.

«Утром, часа за два до рассвета, мы вставали, зажигали аргал и варили на нем кирпичный чай, который с дзамбою служил завтраком. Для разнообразия иногда приготавливали затуран (вкусом похожий на суп) или пекли в горячей аргальной (т. е. навозной) золе пшеничные лепешки. Затем на рассвете начинались сборы в дальнейший путь, для чего юрта разбиралась и выючилась, вместе с другими вещами, на верблюдов. Все это занимало часа полтора времени, так что в дорогу мы выходили уже порядочно уставшими. А между тем мороз стоит трескучий, да вдобавок к нему прямо навстречу дует сильный ветер. Сидеть на лошади невозможно от холода, идти пешком также тяжело, тем более нести на себе ружье, сумку и патронташ, что все вместе составляет выюк около 20 фунтов. На высоком же нагорье, в разреженном воздухе, каждый лишний фунт тяжести убавляет немало сил; малейший подъем казался очень трудным, чувствуется одышка, сердце бьется очень сильно, руки и ноги трясутся; по временам начинается головокружение и рвота. Ко всему этому следует прибавить, что наше теплое одеяние, за 2 года предшествовавших странствований, так износилось, что все было покрыто заплатами и не могло достаточно защищать от холода... Сапогов не стало вовсе, так что мы подшивали к старым голенищам куски шкуры с убитых яков и щеголяли в подобных ботинках при самых сильных морозах.

«Очень часто случалось, что к полудню поднималась сильная буря, которая наполняла воздух тучами пыли и песка; тогда уже идти было невозможно, и мы останавливались, сделав иногда переход верст в десять или того меньше. Но даже в благоприятном случае, т. е. когда погода была хорошая, и тогда переход в 20 верст утомляет на высоком нагорье Тибета сильнее, нежели вдвое большее расстояние в местностях с меньшим абсолютным поднятием.

«На месте остановки необходимо развьючить верблюдов и поставить юрту; эта процедура опять занимает почти час времени. Затем надо идти собирать аргал, рубить лед для воды и усталому, голодному ждать, пока, наконец, сварится чай. С жадностью ешь тогда отвратительное месиво из дзамбы с маслом и рад-радехонек, что хотя подобным кушаньем можно утолить свой голод».

После завтрака Николай Михайлович и его товарищи обычно шли на охоту, а казаки начинали готовить обед. Для этого в единственную посуду, которой располагали путешественники, — чашу клали кусочки нарубленного льда и мясо, замерзшее до твердости камня. Чтобы сварить такой несложный обед надо было затратить несколько часов. Это была все же роскошная трапеза, так как мяса было более, чем достаточно: по расчету Пржевальского за два с половиной месяца охотой они добыли около 900 пудов мяса. Разумеется, только самая маленькая часть убитого животного потреблялась путешественниками, — остальное оставалось на месте в добычу грифам, волкам и лисицам.

После обеда, который вместе с тем служил и ужином, необходимо было приготовить питье для двух верховых лошадей: для этого надо было растопить лед и скопить таким способом два ведра воды. «Затем наступало самое тяжелое для нас время — это долгая зимняя ночь. Казалось, что после всех дневных трудов ее можно было бы провести спокойно и хорошенько отдохнуть, но далеко не так вышло на деле. Наша усталость обыкновенно переходила границы и являлась истомлением всего организма; при таком

полуболезненном состоянии спокойный отдых невозможен. При том же, вследствие сильного разрежения и сухости воздуха, во время сна всегда являлось удушье (на нагорьи северного Тибета спать возможно только с самым высоким изголовьем, или в полусидячем положении) в роде тяжелого кошмара, а рот и губы очень сохли. Прибавьте к этому, что наша постель состояла из одного войлока, насквозь пропитанного пылью и посланного прямо на мерзлую землю. На таком-то логовище и при сильном холоде без огня в юрте мы должны были валяться по десяти часов сряду, не имея возможности спокойно заснуть и, хотя бы на это время, позабыть всю трудность своего положения».¹

Замечательной особенностью пустынь северного Тибета надо считать, несомненно, богатство животной жизнью. «Не видавши собственными глазами, — говорит Николай Михайлович, — невозможно поверить, чтобы в этих обиженных природою местностях могло существовать такое громадное количество зверей, скопляющихся иногда в тысячные стада. Только бродя с места на место эти сборища могут находить достаточно для себя корма на скудных пастбищах пустыни. Зато звери не знают досель своего главного врага — человека и вдали от его кровожадных преследований живут свободно и привольно».

Животный мир северного Тибета необыкновенно богат количеством особей, но не богат видами. Пржевальский дает почти полный список характерных и наиболее многочисленных млекопитающих тибетских пустынь: дикий як, белогрудый аргали, куку-яман, антилопы оронго и ада, кулан и желтовато-белый волк. Кроме того, там обитают: медведь, манул, лисица, корсак, заяц, сурок и два вида пищухи. Дикий як, или длинношерстый бык, — это великолепное животное, поражающее своей громадностью и красотой. Вполне развившиеся экземпляры, старые самцы, достигают 3 м длины без хвоста; хвост, вместе с густыми волнистыми

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 333—334.

и длинными волосами, достигает длины более 90 см. Вес такого зверя 600 кг. Огромные рога около 1 м украшают голову животного. Тело яка покрыто густой и грубой черной шерстью. Низ тела, как и хвост, снабжен черными волосами, свешивающимися в виде широкой бахромы. Шерсть на морде с проседью, а вдоль спины тянется узкая серебристая полоса. Самки значительно меньше самцов и не так красивы.

Северная граница географического распространения яка проходит, вероятно, в верховьях рек Тэтунга и Эцзин-гол и по горам Гань-су.

Старые быки или в одиночку, или по 3—5 вместе бродят в поисках корма. Огромными стадами в несколько сотен голов и даже тысяч соединяются самки, когда подрастут несколько телята; к этим стадам присоединяются и молодые самцы. Такие колоссальные скопления особенно важны для молодых, неопытных телят; в таких стадах они совершенно гарантированы от нападения волков, так как в случае опасности телята становятся внутри стада, под надежную охрану коров и взрослых самцов. Испуганное чем-нибудь стадо всей громадой пускается опроретью на уход рысью или галопом, причем многие животные при беге наклоняют голову вниз, а хвосты загибают на спину. Топот копыт такого бегущего стада слышен на далекое расстояние, а пыль поднимается густым столбом. Умственные способности яка, по наблюдениям Пржевальского, на весьма невысокой ступени.

Физические качества его тоже далеко не так совершенны, как у других диких животных. Зрение и слух его развиты слабо. Превосходное обоняние и огромная сила возмещает этот недостаток. По ветру зверь чует человека за полкилометра, но разглядеть что-либо он не может уже за тысячу шагов, точно также и шорох шагов охотника возбуждает его внимание далеко не всегда. По самым высоким горам як превосходно лазает. Николай Михайлович не раз удивлялся, видя этого крупного и неуклюжего зверя на таких крутизнах, куда взобраться было в пору разве только куку-яману.

Як не любит тепла, избегает солнечных лучей и для своего лежбища выбирает чаще всего северные склоны гор. И в тени где-нибудь у обрыва зверь охотнее всего ложится в снег.

«Места пастбищ и отдыха описываемых животных всегда сплошь покрыты пометом, который составляет единственное топливо в здешних пустынях. Монголы даже благодарят бога за то, что он дал яку такое широкое заднепроходное отверстие, что этот зверь сразу может положить полпуда помету. Действительно, если бы не имелось этого последнего, то путешествия по тибетским пустыням были бы невозможны по недостатку топлива, так как здесь нигде нет даже маленького кустика».¹

«Самую крупную черту характера дикого яка, — говорит Пржевальский, — составляет лень. Утром и перед вечером описываемый зверь идет на пастбище, а остальную часть дня проводит в ненарушимом покое, которому предается лежа или иногда даже стоя. Одно пережевывание жвачки свидетельствует в это время, что як жив; во всем остальном он походит на истукана; даже голова остается в одном и том же положении по целым часам».²

Но во время течки (сентябрь) характер ленивого яка совершенно меняется. Дни и ночи самцы рыщут по пустыне в поисках самок и вступают тогда в отчаянные драки со своими соперниками.

Новый (1873) год встретили далеко не в праздничной обстановке. «Еще ни разу в жизни, — записал Николай Михайлович в своем дневнике, — не приходилось мне встречать новый год в такой абсолютной пустыне, как та, в которой мы ныне находимся. И как бы в гармонию ко всей обстановке, у нас не осталось решительно никаких запасов.

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 314.

² Там же.

кроме поганой дзамбы и небольшого количества муки. Лишения страшные, но их необходимо переносить во имя великой цели экспедиции. Да, хватит ли нам сил и воли окончить вполне это славное дело — вот лучшее пожелание, которое мы приносим себе на новый год... Вчера вечером и сегодня днем мы с Пыльцовым много раз вспомнили про родину, домашних, хотя мысленно могли понестись туда, где покинуто все дорогое».

10 января экспедиция разбила лагерь у берегов Голубой реки.

Дальше этого Пржевальский не проникал в свое первое путешествие по Центральной Азии.

Верхнее течение Голубой реки у монголов известно под именем Мур-усу, у тунгутов Ды-чю. Эта величайшая из рек Китая (да и всей Азии) берет начало в горах Танла и на большом протяжении течет по высокому нагорью Тибета.

Долина Мур-усу на месте привала экспедиции, в устье реки Напчитай-улан-мурень, около 2 км шириной, ширина самой реки — 215 м. Но если взять покрытое галькой и занятое рукавами пространство, то расстояние от одного берега до другого надо исчислять в добрых три четверти километра, так могуча эта водная артерия Азии даже в своем верховьи. Населения здесь нигде нет, за исключением небольшого стойбища тангутов выше устья Напчитай-улан-мурени.

«Берега Голубой реки, — заключает свое описание Тибета Пржевальский, — были пределом наших странствований во Внутренней Азии. Хотя до Лхассы оставалось только 27 дней пути, т. е. около 800 верст, но попасть туда нам было невозможно. Страшные трудности тибетской пустыни до того истомили выючных животных, что из одиннадцати наших верблюдов трое издохли, а остальные едва волочили ноги. Притом наши материальные средства так истощились, что за променом (на возвратном пути) в Цайдаме нескольких верблюдов у нас осталось всего пять лан денег, а впереди лежали целые тысячи верст пути. При таких условиях невозможно было рисковать уже добытыми результатами путеше-

ствия, и мы решили идти обратно на Куку-нор и в Гань-су... Хотя такой возврат был решен гораздо ранее, но все-таки мы с грустью покинули берега Ян-цзы-цзяна, зная, что не природа и не люди, но только один недостаток средств помешал нам пробраться до столицы Тибета».

В первой трети февраля экспедиция, на возвратном пути, была уже на равнинах Цайдама.

Глава 9

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

ВНОВЬ ЦАЙДАМ, КУКУ-НОР, ГАНЬ-СУ И АЛА-ШАНЬ, СРЕДИННОЮ ГОБИ В УРГУ И КЯХТУ. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Уже в горах Шуга, на северном их склоне, почувствовалось влияние теплых равнин Цайдама. Ночные морозы, правда, были сильные, до -28.5°C , но днем солнце так грело, что 5 февраля путешественники увидели первых вестников весны — насекомых.

В самом Цайдаме Пржевальский нашел и другой признак весны. Явились первые прилетные птицы. По утрам можно было слышать токование фазанов, голоса мелких пташек. С вышины доносилось крякание уток и крохалей, слышен был голос лебедя-кликун. После суровых равнин и гор Тибета, бесконечно длинных ночей и дней в разреженном воздухе, приятно было вздохнуть полной грудью, а днем снимать с себя обременительную и надоевшую одежду.

Но хотя весна и обладала путешественников, континентальный характер климата Центральной Азии сильно давал себя чувствовать. Днем было тепло, термометр показывал иногда в тени $+13^{\circ}$, но ночью мороз доходил до 20° . Далее, во второй половине февраля поднимались метели, снег выпадал на 2.5—3 см, вскоре, правда, становал на солнце, а западные ветры и бури приносили массу соленой пыли, которая целыми неделями не осаждалась из воздуха.

В начале марта Пржевальский был уже на Куку-норе, намереваясь пробыть здесь месяца полтора для наблюдений за пролетом птиц.

Надежды его на хорошую научную добычу на этот раз, однако, не оправдались. Область Куку-нора поднята над уровнем моря значительно выше, чем Цайдам, поэтому весна наступала на целый месяц позже, чем в равнинах Цайдама. Кроме того, такой значительный водоем, как Куку-нор, его огромная водная площадь не могла не оказывать влияния на климат окружающего района. Так оно в действительности и было.

В начале марта озеро было еще сплошь замерзшим. Вместо прекрасного вида Куку-нора, которым путешественники любовались в свое первое пребывание здесь, на этот раз они увидели озеро скованным льдом. Ослепительно белая ледяная поверхность заменила чудный небесно-голубой цвет его соленых вод летом.

Экспедиция расположилась в устье Бухайн-гола, вдали от докучливых поселений.

Изо дня в день бродили Пржевальский и Пыльцов по берегам Куку-нора и по Бухайн-голу, но птиц было так мало, что они не могли настрелять их даже для еды; коллекция же почти совсем не пополнялась.

Бедность орнитологической добычи на Куку-норе заставила Пржевальского изменить свой план: сняться со стоянки на Бухайн-голе и идти в Гань-су. На Куку-норе удалось переформировать караван, приобрести свежих верблюдов и сменить старых, уставших животных. Юрту Николай Михайлович променял на несколько верблюжьих седел, крайне необходимых ему, а трех новых верблюдов приобрел на деньги, вырученные от продажи монгольским и тангутским чиновникам револьверов, имевшихся у него в запасе. После такой финансовой операции у Пржевальского оставалось 65 лан, которыми обеспечивалась возможность пробыть три весенних месяца на Куку-норе и в Гань-су. Особенно интересно было исследовать Гань-су потому, что первое его

посещение в конце лета и осенью 1871 г. дало скудные орнитологические результаты: все птицы находились в сильном линьнии, и очень немногие экземпляры пригодились для коллекции. На этот раз охотничьи экскурсии Пржевальского и его товарища доставляли ежедневно много самых интересных птиц. Самым интересным обогащением коллекции были снежные грифы, скалистые куропатки и ушастые фазаны.

В Гань-су Пржевальский пробыл 2 месяца — апрель и май. Весь апрель погода была холодная, со снежными бурями, но в мае уже пошли дожди, а к середине месяца в нижнем поясе гор деревья распустились уже совершенно. По ночам бывали еще небольшие морозы, но днем было жарко, а 14 мая температура поднялась до $+30.4^{\circ}$. На берегах горных речек, в густых зарослях кустарников зацвели вишня, смородина, крыжовник, шиповник, барбарис со своими красивыми желтыми кистями цветов; по открытым горным склонам цвели боярка, желтая карагана, камнеломка. Так же энергично и полно пробуждалась и животная жизнь. Кукованье кукушек, крик фазанов, разнообразное пение мелких птишек, великолепное пение дрозда сливались в один общий ликующий хор, и жизнь, после долгого зимнего застоя, всюду была ключом. Даже ночью, если погода была ясная и тихая, не умолкал этот птичий гам.

Но суровость и непостоянство климата сказались во второй половине мая резкими колебаниями погоды. 16 мая выпал снег, и 4 дня сряду стояли морозы до -4° . В самом конце мая, 28 числа, бушевала сильная метель, снегу намело на 15 см, и к утру грянул мороз в 5.3° .

Замечательна приспособляемость ганьсуйских растений к такому капризному климату. Не только в альпийской области, но даже в более низких горных долинах цветы примулы, ириса и других растений не погибли от мороза в 9° и, будучи засыпаны глубоким снегом, как только солнце сгоняло снег, выходили из-под него как ни в чем не бывало.

Пржевальскому случалось выкапывать в горах желтый альпийский мак из столь крепко замерзшей почвы, что ее едва можно было раскопать ножом — и растение все-таки цело. Но малейшая засуха действует самым губительным образом на эти растения, привыкшие к холоду, но избалованные обилием влаги. В особенности на открытых скатах гор и в холмистых степях растения уже с трудом выносят 3—4-дневный перерыв в дожде.

В конце мая экспедиция покинула Гань-су с богатейшей научной добычей и вступила в могильное царство безграничного моря сыпучих песков Алашанской пустыни.

Отвыкшие за целый год странствий в горах и нагорьях Тибета от безводных и жарких песчаных пустынь, путешественники не без радости вступали теперь в Ала-шань. Нанять проводника Пржевальский не имел средств, делать съемку самому, когда он следовал с тангутским караваном в 1871 г., было почти невозможно, маршрут был, таким образом, крайне ненадежен. Тем не менее экспедиция благополучно совершила этот трудный путь в 2 недели.

На одном из переходов в Ала-шани экспедиция встретила с караваном монголов, направлявшихся из Урги в Лхассу. Увидев наших путешественников, монголы просто душно воскликнули:

— Посмотрите, куда забрались наши молодцы!

Они с трудом поверили, что вчетвером русские пробрались в Тибет.

Но «молодцы» имели все же весьма жалкий вид.

«Истомленные трудностями пути, полуголодные от недостатка запасного продовольствия, грязные, в изорванном платье и деревянных сапогах, мы всего более походили на нищих. Внешность наша в это время так мало напоминала европейцев, что когда мы пришли в г. Дынь-юань-ин, то жители, смотря на нас, говорили: „Как они сделались похожи на наших людей, совсем как монголы“ ».

В Дынь-юань-ине путешественников ожидала большая радость: из Пекина сюда были присланы посланником Влангали деньги (1000 лан), письма и 3 последних номера газеты «Голос» за 1872 г. С лихорадочной жадностью набросились Пржевальский с товарищами на письма и газеты.

Дальнейший план намечен был — направиться в Ургу серединою Гоби. Этим маршрутом не шел ни один европейский путешественник, и в научном отношении он представлял большой интерес.

«Если бы здесь, — говорит М. И. Венюков в отзыве о первой экспедиции Пржевальского, — в Дынь-юань-ине, т. е. среди Алашани, где Пржевальский имел удовольствие получить нужные деньги... был конец экспедиции, то уже и тогда мы могли бы считать ее одним из самых величайших географических предприятий нашего времени. Но благородная жажда исследований вела наших путешественников снова в страны неведомые. И потому, едва отдохнув и оправившись от невзгод на Дынь-юане, они направились прямо на север, к Урге, через всю ширину Гоби, и притом по совершенно новой дороге, так как обыкновенная караванная, описанная в китайской географии, осталась у них на западе».¹

Но прежде чем предпринять это последнее путешествие, Николай Михайлович решил исследовать более детально Алашанский хребет в отношении его животного мира и растительности. Три недели провел он в горах, и результатом исследования оказалось, что эти горы вообще не богаты флорой и фауной. Важнейший научный вывод, который мог сделать Пржевальский на основании собранного им материала, сводился к тому, что Алашанский хребет относительно млекопитающих и птиц, а также и растений, ближе подходит к горам Гань-су, нежели к Ин-шаню — факт и интересный и важный для географии Центральной Азии.

В Алашанских горах пришлось совершенно неожиданно

---

¹ Отчет Географ. общества за 1874 г., стр. 10.

испытать еще одно бедствие. «Видно судьба хотела, — говорит Пржевальский, — чтобы мы в конец испытали все невгоды, которые могут в здешних странах грянуть над головою путешественника». Дело это происходило следующим образом, — рассказывает путешественник. — «Утром 1 июля вершины гор начали кутаться облаками, служившими, как обыкновенно, предвестием дождя. Однако к полудню почти совсем разъяснило, так что ожидали хорошей погоды, как вдруг, часа три спустя, облака сразу начали садиться на горы и, наконец, полил дождь, словно из ведра. От этого ливня палатка наша быстро промокла, и мы, сидя в ней, отводили в сторону небольшими канавками попадающую к нам воду. Так прошло около часа; ливень не унимался, хотя туча была не грозовая.

«Огромная масса падавшей воды не могла впитаться почвою или удержаться на крутых склонах гор, так что вскоре со всех ложбин, боковых ущелий и даже с отвесных скал потекли ручьи, которые, соединившись на дне главного ущелья, т. е. того, в котором мы стояли, образовали поток, понесшийся вниз с ревом и страшною быстротою. Глухой шум еще издали возвестил нам приближение этого потока, масса которого увеличивалась с каждою минутою. Мигом глубокое дно нашего ущелья было полно воды, мутной, как кофе, и стремившейся по крутому скату с невообразимою быстротою. Огромные камни и целые груды меньших обломков неслись потоком, который с такою силою бил в боковые скалы, что земля дрожала, как бы от вулканических ударов. Среди страшного рева воды слышно было, как сталкивались между собою и ударялись в боковые ограды огромные каменные глыбы. Из менее твердых берегов и с верхних частей ущелья вода тащила целые тучи мелких камней и громадными массами бросала их то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лес, росший по ущелью, исчез — все деревья были выворочены с корнем, переломаны и перетерты на мелкие кусочки. Между тем проливной дождь не унимался, и сила бушевавшей возле нас реки возрастала более

и более. Вскоре глубокое дно ущелья было так завалено камнями, грязью и обломками леса, что вода выступила из своего русла и понеслась по незатопленным еще местам. Не далее 3 сажен от нашей палатки бушевал поток, с неудержимою силою уничтожавший все на своем пути. Еще минута, еще лишний фут прибылой воды — и наши коллекции, труды всей экспедиции, погибли бы безвозвратно. Спасти их нечего было и думать при таком быстром появлении воды; в пору было только самим убраться на ближайшие скалы. Беда была так неожиданна, так близка и так велика, что на меня нашел какой-то столбняк; я не хотел верить своим глазам и, будучи лицом к лицу со страшным несчастьем, еще сомневался в его действительной возможности.

«Но счастье и теперь выручило нас. Впереди нашей палатки находился небольшой обрыв, на который волны начали бросать камни и вскоре нанесли их такую грудку, что она удержала дальнейший напор воды, и мы были спасены.

«К вечеру дождь уменьшился, поток начал быстро ослабевать, и утром следующего дня только маленький ручеек катился там, где накануне бушевала целая река. Ясное солнце осветило картину вчерашнего разрушения, которое до того сильно изменило прежний вид нашего ущелья, что мы сами не узнавали его. Вынесшиеся же из гор потоки пробежали до сыпучих песков и исчезли в них».¹

Дальше путь экспедиции лежал через самую дикую часть Гоби, и Пржевальский, теперь уже располагая средствами, озаботился тщательным снаряжением каравана. Особенно важно было иметь проводников. Благодаря пекинскому паспорту и подаркам местному начальству, проводниками от места к месту были обеспечены на весь маршрут.

14 июля экспедиция двинулась в последний этап своего путешествия. Предстоял длинный ряд утомительных переходов в июльские жаркие дни и ночи, когда термометр в пол-

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 367—368.

день показывал $+45^{\circ}\text{C}$ (в тени), а ночью не спускался ниже $+23.5^{\circ}$. С самого восхода и до заката солнце начинало печь невыносимо. Днем жара обдавала со всех сторон — от солнца сверху, от раскаленной почвы снизу. Не было видно ни одного облачка, но небо казалось какого-то грязного цвета от тончайшей пыли, стоявшей в воздухе. Если поднимался ветер, он не облегчал положения, скорее усиливал духоту и жар, взбалтывал нижний раскаленный слой воздуха. Почва накалялась до $+63^{\circ}$, в песках, вероятно, еще более; на глубине 60—70 см температура была $+26^{\circ}$. Внутри палатки землю, как и самую палатку, обливали водой для освежения, но через полчаса было опять сухо, и путешественники не знали, куда деваться от зноя. Стояла страшная сухость в воздухе, росы вовсе не падало, а дождевые тучи испарялись в раскаленном воздухе. «Это интересное явление, — пишет Николай Михайлович, — нам случалось наблюдать несколько раз, в особенности в южном Ала-шане, вблизи гор Гань-су: дождь падавший из облака, выдвинутого в пустыню, не долетал до земли, но, встречая раскаленный нижний слой воздуха, превращался в пар».¹

Ветры дули постоянно, днем и ночью, юго-восточного или юго-западного направления, достигая иногда силы бури. В тихие дни в пустыне кружились вихри, которые чаще всего появлялись около полудня.

Пржевальский трижды пересекал Гоби, и географическая наука обязана ему прекрасным описанием этой части Азии.

Ниже мы познакомим читателей с результатами его исследований, при описании его третьей экспедиции.

Избрав неисследованную часть Гоби для своего маршрута, Пржевальский пошел через западные отроги Хара-нарин-ула прямо на север, сначала в землю уротов, а затем в равнины Галбын-гоби, абсолютная высота которой оказалась ниже средней части Гоби. Поверхность Галбын-гоби состоит из мелкой гальки или соленой глины и почти совершенно

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 369.

лишена растительности. Пройти здесь без проводника, отлично знающего местность, невозможно: гибель грозит путнику на каждом шагу. По словам Пржевальского, эта пустыня, как и Алашанская, до того ужасна, что сравнительно с ними пустыни северного Тибета могут быть названы благодатной страной. «Там, по крайней мере, часто можно встретить воду, а по долинам рек хорошие пастбища. Здесь нет ни того, ни другого, нет даже ни одного оазиса; всюду безжизненность, молчание, — долина смерти в полном смысле слова. Столь прославленная Сахара едва ли страшнее описываемых пустынь, которые тянутся на многие сотни верст по широте и долготе».

В дальнейшем своем движении Пржевальский сделал важное географическое открытие: им был открыт совершенно неизвестный дотоле хребет Хурху. В том месте, где проходила экспедиция, ширина гор Хурху около 10 км, а высота — около 300 м (над окрестной равниной). Хребет имеет самый унылый и безжизненный вид, скаты почти совершенно голые, лишь кое-где в сухих руслах дождевых потоков можно встретить дырисун, хармык, золотарник, дикий персик. Из птиц изредка можно увидеть грифа, ягнятника, куропатку.

К северу от хребта Хурху до самой Урги простирается плато, не опускаясь ниже 1200 м и не поднимаясь выше 1700 м. Большая часть этого пространства имеет почву глинистую, на которой насыпана то мелкая, то крупная галька. Там и сям разбросаны невысокие холмы то одинокие, то собранные в вытянувшиеся хребты. Растительность здесь — типично пустынная: хармык, бударгана, полынь, лук, дырисун. Чрезвычайно унылая картина меняется только в моменты, когда изливается дождь — волшебник, необыкновенно быстро преобразующий ландшафт пустыни. Пройдет один, два раза ливень, — дремавшие ростки трав начинают бурно развиваться под благодатным действием палящих лучей солнца, и в самое короткое время в мертвой пустыне являются зеленеющие оазисы. Запоет свою громкую и бесконечную песню монгольский жаворонок, появляются ста-

дами антилопы — дзерены, прикочуют монголы со стадами, в оазисе развернется и закипит жизнь. Но скоро-скоро солнце испарит влагу, трава потемнеет и поникнет, выбитая громадными стадами домашних животных, жаворонки улетят, уйдут в более плодородные места дзерены, откочуют монголы, — и вновь водворяется безмолвие мертвой пустыни. Солнце невыносимо печет, на безграничном просторе гуляют ветры, переходящие иногда в бурю, и часто, чуть не ежедневно, являются перед путешественниками миражи — злые демоны пустыни, — представляющие картину волнующейся воды.

По мере приближения к Урге (ныне Улан-батор) Гоби постепенно меняет свой характер. Типично пустынная растительность начинает заменяться степной и луговой; появляются различные злаки, некоторые виды бобовых, гвоздичные, сложноцветные. Так же меняется и орография местности: во всевозможных направлениях перекрещиваются зеленеющие холмы, равнины переходят в невысокую, правда, но уже горную страну. В изобилии появляется и животная жизнь. Дзерены, появляющиеся в средней части Гоби только периодически в немногих местах, — здесь бродят крупными стадами по роскошным лугам; всюду снуют пищухи-оготоны; беспрестанно слышится свист тарбаганов, а из-под облаков льется песня жаворонка.

В начале сентября экспедиция достигла берегов Толы, первой реки, которая встретила после бесконечно томительных переходов по пустыням Ала-шаня и Гоби.

5 сентября Пржевальский с товарищами явились в Ургу.

«Не берусь описать впечатления той минуты, — заключает он свой отчет, — когда мы впервые услышали родную речь, увидели родные лица и попали в европейскую обстановку. С жадностью мы расспрашивали о том, что делается в образованном мире, читали полученные письма и, как дети, не знали границ своей радости. Лишь через несколько дней мы начали приходить в себя и свыкаться с цивилизованной жизнью, от которой совершенно отвыкли во время долгих

странствований. Контраст между тем, что было еще так недавно, и тем, что теперь нас окружало, являлся настолько резко, что все прошлое казалось каким-то страшным сном...

«Путешествие наше окончилось! Его успех превзошел даже те надежды, которые мы имели, переступая в первый раз границу Монголии. Тогда впереди нас лежало непредугадываемое будущее; теперь же, мысленно пробегая все пережитое прошлое, все невзгоды трудного странствования, мы невольно удивляемся тому счастью, которое везде сопутствовало нам. Будучи нищими относительно материальных средств, мы только рядом постоянных удач обеспечивали успех своего дела. Много раз оно висело на волоске, но счастливая судьба выручала нас и дала возможность совершить по сильное исследование наименее известных и наиболее недоступных стран Внутренней Азии».¹

Прошедшая экспедиция и все ее невзгоды, по словам Пржевальского, казались теперь каким-то страшным сном. Весь первый день они почти ничего не могли есть, не спали всю ночь. Совершенно отвыкшим от европейской жизни, им казалось сначала все странным — мебель, зеркало, тарелки, вилки и пр. Самый вид их был далеко не европейский: сапог нет, вместо них — разорванные унты; сюртук и штаны все в дырах и заплатах, фуражки похожи на старую тряпку, рубашки представляли скорее лохмотья. На другой день путешественники помылись в бане и ослабели до того, что едва держались на ногах. Только на третий день они, наконец, пришли в себя, могли спокойно спать и есть с волчьим аппетитом.²

---

¹ Монголия и страна тангутов, стр. 380—381.

² Один из биографов (М. А. Энгельгардт: Н. Пржевальский, его жизнь и путешествия, СПб., 1891, стр. 38) говорит: «Так кончилась достопамятная экспедиция, одна из замечательнейших экспедиций нашего века, единственная в своем роде как по мужеству участников, которое было бы названо сумасшествием, если бы не увенчалось успехом, так и по громадности результатов, достигнутых с нищенскими средствами».

Результатами трехлетнего путешествия Пржевальского являются: 1) Глазомерная съемка около 6000 км пути в масштабе 10 верст в 1 дюйме (1/420000); было определено 18 пунктов по широте, что вносило существенное изменение в предшествующие путешествию карты. 2) 146 пунктов определены гипсометрически, что давало солидную основу для суждения о рельефе. 3) Собраны ценнейшие данные о климате Центральной Азии, причем за все время путешествия не только велись метеорологические наблюдения по три и по четыре раза в день, но измерялась температура во множестве водоемов, а в Ала-шане даже в каждом колодце. Эти материалы составили ценнейший вклад в наши познания физической географии Азии вообще. 4) Собраны обширные зоологические коллекции: 127 видов млекопитающих, из них 37 крупных, 300 видов птиц в числе 1000 экземпляров, 80 экземпляров пресмыкающихся и рыб и до 3500 экземпляров насекомых.¹ 5) Составлен гербарий из 500 слишком видов растений в 5000 экземпляров.² 6) Собраны обстоятель-

---

¹ «Коллекция Пржевальского содержит большое число еще малоизвестных и весьма редких или даже совершенно новых видов и видоизменений животных, ученая обработка которых, без сомнения, многим обогатит науку. Кроме того, при своей обширности и при тщательности, с которою отмечены места нахождения, она даст возможность существенно пояснить географическое распределение животных всей Средней и Северной Азии» (Извлечение из протокола майского заседания Академии Наук в 1874 г.).

² «Пржевальский исследовал до сих пор еще неизвестную западную Монголию и вывез оттуда приблизительно 500 пород, из которых полагаю, около 200—250 в Монголии еще не найденных, а также немало еще вовсе не описанных. При этом еще удалось вновь открыть вывезенное Гмелином в прошлом столетии загадочное растение *Rugionium cognatum*, никем впоследствии не найденное и в русских коллекциях не существовавшее, и собран сверх того еще новый вид того же рода. Еще важнее и интереснее для науки растения из Гань-су, где никто доселе не собирал. Всего здесь собрано 405 пород, из которых окажутся, по моему мнению, новых около 20%. В практическом отношении самая важная находка здесь бесспорно настоящий ремень, *Rheum officinale*, которого привезены засушенные экземпляры и семена». (Отзыв акад. Максимо-

ные сведения о монголах, тангутах, дунганах и далдах, что составило немаловажный вклад в этнографическое изучение этих народностей.

«Таким образом путешествия Н. М. Пржевальского, — говорит М. И. Венюков в отчете Географического общества за 1874 г., — на пространстве от Далай-нора до верхних частей Ян-цзе-кьяна есть географический подвиг, который в летописях науки должен бы занять одно из важнейших мест, если бы даже ограничиваться только посещением тех стран, которые сейчас перечислены. Но отважный наш путешественник не ограничился обогащением естествознания и географии тех местностей, которые хотя отчасти были видены и описаны немногими его предшественниками. Нет, он совершил переход в 1000 верст из Ала-шаня в Ургу, т. е. поперек всей Гоби, и притом по самому большому ее диаметру, на что доселе не решался никто».

В начале 1874 г. Пржевальский был уже в Петербурге. Посыпались награды: Географическое общество присудило ему Константиновскую медаль (высшая награда Общества), Парижское Географическое общество — золотую медаль, Французское министерство народного просвещения — «Пальму Академии».¹ Берлинское Географическое общество избрало его членом-корреспондентом. Вместе с тем последовало и материальное вознаграждение за понесенные труды: ему была дана пенсия в 600 руб., ежегодное содержание по службе в Главном штабе определено в 2250 руб. Кроме того, зоологическая коллекция была приобретена у него

вча о ботанических коллекциях Н. М. Пржевальского. Цитировано, как и предыдущее примечание, по отчету Географического общества за 1874 г., стр. 105, 107, 108).

¹ Орден этот дается за большие ученые заслуги, носится на груди и состоит из двух золотых ветвей, пальмовой и лавровой.

за 10 000 руб. Академией Наук, возместив, таким образом, затраты на экспедицию из собственных средств путешественника. Из этой суммы Пржевальский 2000 руб. передал своему помощнику Пыльцову.¹

Первые дни пребывания в столице были сплошным торжеством: поздравления и овации сыпались со всех сторон, и Пржевальский стал героем дня столичной жизни. Будучи человеком совершенно не тщеславным, Николай Михайлович крайне тяготился всяким выражением праздного любопытства и внимания и старался избегать бывать в обществе.

«От приглашений и знакомств нет отбоя, — писал он одному из своих товарищей. — Верите ли, до того надоели расспросами, что я иногда просто и жизни не рад». Тем более досадна была вся шумиха популярности, что Пржевальский торопился с писанием книги — отчета о своем путешествии, которую он задумал в широком плане. Все описание должно было, по его предположениям, охватить не только рассказ о ходе экспедиции и дать географическую характеристику пройденных стран, но и ученое описание зоологических и ботанических коллекций — все это должно было уложиться в три тома. Рукопись первого тома — «Монголия и страна тангутов» — общее описание путешествия с картами маршрутной съемки, он закончил уже в октябре, труд колоссальный, принимая во внимание частые перерывы в работе. Издание всего сочинения приняло на себя Географическое общество.

Несколько неожиданно для Пржевальского обработка коллекции птиц для второго тома оказалась для него работой довольно неприятной. Не будучи специалистом-систематиком, не имея подготовки академического зоолога, Николай Михайлович должен был взяться за систематическое описание птиц своей коллекции, в которой оказалось 20 совер-

---

¹ Товарищ его по путешествию, М. А. Пыльцов, вскоре женился на сводной сестре Николая Михайловича.

шенно новых видов (два из них принадлежали к новым родам), а всего насчитывалось 289 видов.

Первый том был отпечатан ко времени торжественного заседания Географического общества. По отзыву рецензента М. И. Венюкова, и наша русская, и все европейские литературы имеют немного книг, написанных так увлекательно и в то же время с соблюдением научной строгости содержания.

Второй том составил из очерка климата, написанного самим Пржевальским, его же описания птиц; остальные части были написаны акад. Штраухом (пресмыкающиеся и земноводные) и проф. Кесслером (рыбы). Этот том был окончен в апреле 1876 г., с опозданием ровно на год против планов Николая Михайловича. К этому тому приложены прекрасно исполненные, в красках, рисунки некоторых из описанных видов, а также даны рисунки самых интересных млекопитающих, встречающихся в Монголии и Тибете.

Третий том — описание растительности — так и не увидел света в том виде, как предполагал сам путешественник, но все же обработка его ботанических сборов появилась в изданиях Академии Наук, и акад. Максимович в основном выполнил обещание, данное Пржевальскому в первый же день их знакомства.¹

Глава 10

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

ВОСТОЧНЫЙ ТЯНЬ-ШАНЬ. ЛОБ-НОР. АЛТЫН ТАГ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Почти трехлетний промежуток времени отделяет второе путешествие Пржевальского в Центральную Азию от первого. И предыдущие и последующие его экспедиции следовали одна за другой в более короткие сроки.

Легко понять, почему это так случилось.

---

¹ См. библиографическую заметку в приложении.

Пржевальский привез из Тибета и Монголии такие научные сокровища и в таком количестве, что освоение этого материала требовало огромного напряжения сил и очень много времени. Как мы уже знаем, Николай Михайлович привлек к разработке своих ботанических и зоологических сборов первостепенные ученые силы: акад. Максимовича и Штрауха, проф. Кесслера, но он решил и сам принять участие в научной работе описанием части своих коллекций — орнитологической. Помощь и советы такого талантливого и крупного ученого, как Н. А. Северцов, постоянное содействие Тачановского сильно помогли путешественнику в этой его новой роли кабинетного ученого; но все же понадобилось почти два года для написания специальной части отчета (2 том «Монголия и страна тангутов»).

Кроме того, 3 года путешествий в исключительно тяжелых условиях потребовали такой затраты нервной энергии, что необходимо было много времени для возмещения растроченных сил, даже для богатырской природы Пржевальского.

Основательная передышка крайне нужна была и потому еще, что замыслы его о новой экспедиции были грандиозны.

14 января 1876 г. Пржевальский подал докладную записку Географическому обществу с проектом путешествия в Центральную Азию, в ту ее часть, которая расположена между бассейном оз. Лоб-нор и Гималаями. Наименьший срок, по предположению Николая Михайловича, — два года; но если окажется необходимым, то это время может продлиться еще на один год. Стоимость всей экспедиции исчислялась путешественником в 24 740 руб.

Совет Географического общества с величайшей готовностью пошел навстречу новому плану путешественника и сделал все возможное для быстрейшего его осуществления.

Очень быстро — через 2 месяца после подачи проекта — последовало разрешение на командирование Пржевальского на два года в Центральную Азию.

Для Николая Михайловича важнейшим и труднейшим вопросом был подбор помощников и участников экспедиции. Пыльцов, женившийся на сестре Пржевальского, выходил в отставку и принять участие в путешествии уже не мог. Николай Михайлович возлагал надежды на первого своего сотрудника (по уссурийскому путешествию) — Ягунова, но этот юноша, к великому горю путешественника, незадолго до новой экспедиции утонул, купаясь в Висле. Найти таких отличных помощников, как Пыльцов и Ягунов, было необыкновенно трудно, хотя желающих принять участие в экспедиции с прославленным путешественником было много.

Требования к участникам путешествия были очень высокие. «Николай Михайлович просил втолковать каждому желающему с ним путешествовать, что он ошибется, если будет смотреть на путешествие, как на средство отличиться и попасть в знаменитости. Напротив, ему придется столкнуться со всеми трудностями и лишениями, которые явятся непрерывною чередою на целые годы; при этом его личная инициатива будет подавлена целями экспедиции; он должен будет превратиться в бессловесного исполнителя и препаратора (по деланию чучел), собирателя топлива, караульного по ночам и пр.; он должен начать с того, чтобы сидеть по целым дням в музее, учиться делать чучела, а затем идти на тысячу лишений и опасностей. Человек бедный, свикшийся с нуждою и притом страстный охотник был бы всего более подходящим спутником и скорее мог бы понять, что путешествие не легкая и приятная прогулка, а долгий, непрерывный и тяжелый труд, предпринятый во имя великой цели». «Желательно было бы, — прибавлял при этом Пржевальский, — чтобы юноша поехал по увлечению, а не из-за денег. Особенной грамотности и дворянской породы от юноши не требуется».¹

Выбор Пржевальского пал, прежде всего, на сына одного из служащих Академии Наук — Эклона. По обширности пред-

¹ Н. Ф. Дубровин. Н. М. Пржевальский. 1890, стр. 198.

принимаемого путешествия одного помощника было недостаточно, и Николай Михайлович усиленно искал второго. Сын соседки по имени, Повало-Швейковский, молодой офицер, понравился путешественнику и был зачислен в состав экспедиции. Иринчинов и Чебаев, участники первого путешествия, пожелали принять участие и в этом, таким образом ядро сотрудников было сформировано, «но к сожалению, — говорит Пржевальский, — на этот раз я был далеко не так счастлив в выборе спутников, как в прошлую экспедицию». В самом начале путешествия пришлось исключить из состава экспедиции некоторых из казаков, и — что было особенно неприятно — прапорщика Повало-Швейковского. Это была первая (и единственная, надо сказать) неудача в выборе сотрудников; в дальнейших своих путешествиях Пржевальский имел прекрасных помощников, и из этих его «птенцов» выросли самостоятельные крупные путешественники — В. И. Роборовский, П. К. Козлов.

Исходным пунктом экспедиции был избран г. Кульджа, и здесь окончательно сформировался караван, состоявший из 24 верблюдов и 4 верховых лошадей.

Первоначальный план заключался в том, чтобы сходить на оз. Лоб-нор, обследовать его и прилегающий район насколько возможно, а затем вернуться в Кульджу, сдать собранные здесь коллекции и, забрав остальные запасы, двинуться в Тибет.

Прекрасным августовским утром 1876 г. караван выступил из Кульджи, направляясь долиной р. Или к высокому нагорью Юлдус.

Первые дни путешественники шли долиной р. Или, вверх по ее течению. Деревни, сады, орошаемые арыками поля раскинулись по всему протяжению реки; густые заросли тростника, лозы и облепихи окаймляли берега. Сама долина, шириною километров 20, представляла собой равнину с глинистой солонцеватой почвой, поросшей полынью и дырисуном

(*Lasiagrostis*). Или — быстрая река, шириною около 70 м; название свое получила после слияния двух рек — Текеса и Кунгеса, в долины которых и направлял свой путь караван наших путешественников.

Окраинные горы имеют большею частью мягкие, округленные формы и вовсе лишены лесной растительности. Дальше, по верхнему течению Кунгеса, по мере увеличения высоты местности, меняется и характер гор и весь вообще ландшафт. Горы принимают более суровые формы, появляются еловые леса, волнистая степь долины покрыта превосходной и разнообразной травой. По самому берегу Кунгеса начинаются рощи лиственных лесов с преобладанием в них осокори и яблонь, с густым подлеском из шиповника, боярки, черемухи, жимолости и калины. На песчаных и галечных местах появляется тамариск, а острова реки густо поросли высокою лозою и облепихой, перевитых диким хмелем. По скатам гор и лесным лугам — всюду густейшие и высокие, до двух метров, труднопроходимые заросли травы, переплетенные выюнком и повиликой. Пржевальский со своими спутниками пришел на берега Кунгеса в начале сентября, трава в это время большею частью полегла и посохла, деревья и кустарники носили уже осенний наряд, но все же богатая природа местности соблазнила его пробить некоторое время в этом благодатном уголке Тянь-шаня.

«Весьма характерным явлением лесов Кунгеса, да, вероятно, и других лесных ущелий северного склона Тянь-шаня, служит обилие фруктовых деревьев — яблонь и абрикосов, дающих вкусные плоды. Абрикосы, или как их здесь называют, урюк, поспевают в июле; яблоки же — в конце августа. Мы как-раз застали на Кунгесе время созревания яблоков, которые густо покрывали деревья и целыми кучами валялись на земле. На охоте случалось иногда целую сотню шагов итти по яблочному помосту. Но все это пропадает непроизводительно для человека: гниет или съедается кабанами, медведями, маралами и косулями, собирающимися иногда на Кунгес в большом количестве из окрестных гор.

В особенности любят лакомиться яблоками кабаны и медведи; последние очень часто наедаются до того, что здесь же, под яблоней подвергаются рвоте».¹

Охота за зверями оказалась довольно удачна: было добыто несколько прекрасных экземпляров. Особенно ценным вкладом в коллекцию была шкура старого темнобурого медведя, свойственного Тянь-шаню с отличающегося от обыкновенного медведя длинными белыми когтями передних ног.²

С долины Кунгеса экспедиция направилась на реку Цанма. Разница высот была довольно ощутительна — метров на 600. По берегам р. Цанма тянутся леса с исключительным преобладанием тяньшанской ели (*Picea schrenckiana*), а взамен яблони и абрикоса появляется рябина. К югу от Цанма расположился хребет Нарат. Горы не достигают здесь пределов вечного снега, но все же носят вполне альпийский, дикий характер; вершины их, изборожденные голыми отвесными скалами, образуют узкие и мрачные ущелья; южный склон их безлесен.

Дальнейший путь шел к нагорью Юлдус, в обетованную страну для скотоводов. Имя это в переводе означает звезда. Здесь везде превосходные пастбища, особенные ценные еще тем, что летом нет ни мошек, ни комаров. «Место прекрасное, прохладное, кормное, только жить господам да скотине», простодушно говорили нашим путешественникам.

Юлдус представляет собою обширное плато, вытянутое с востока на запад на несколько сот километров, и делится

¹ От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор, стр. 5.

² Этот вид описан Северцовым под названием *Ursus leucopus*, причем он соединяет его с гималайским медведем в один вид. Пржевальский, однако, настаивает, что это два отдельных вида. Проф. Д. Н. Кашкаров рассказывает (Животные Туркестана. Ташкент, 1931, стр. 395—396) об интересном способе охоты этого медведя на коз, козлов, а при случае и на человека. Зайдя по склону горы повыше намеченной жертвы, он скатывается на ничего не подозревающего животного тяжелые каменные глыбы весом до 200 кг. Был случай, что медведь скатывал их ежедневно на поставленную у подножья горы юрту и заставил перенести ее на другое место.

на две части: Большой и Малый Юлдус. Разделяющий их хребет местами переходит за снеговую линию. В той и другой части котловины протекают реки Бага-юлдус-гол (Малый Юлдус) и Хайду (Хайдын)-гол (по Большому Юлдусу). Воды этих рек направляются в оз. Баграч-куль. Горы, окаймляющие котловину Юлдуса, скалисты и малодоступны. С их гребней открывается великолепный вид на котловину: огромная площадь покрыта бесчисленными блестящими поверхностями небольших озерков, сверкающими в ясные, солнечные дни, как алмазы или звезды на небосклоне. Отсюда и название — Юлдус, звезда. Растительность Юлдуса носит совершенно степной характер, с преобладанием кипца и некоторых солянковых. Деревьев нет, кустарники представлены караганом, двумя-тремя видами ив и *Potentilla*. Животный мир Юлдуса весьма богат, особенно млекопитающими. Из крупных зверей здесь водятся медведи (два вида), архары (горные бараны, в том числе знаменитый белогрудый *Ovis polii*), тэке (горные козлы), козули и, что замечательно при отсутствии лесов, маралы. Кабаны, волки, лисицы, множество грызунов дополняют список животного населения этого благодатного края.

Три недели охотился здесь Пржевальский. В коллекцию было добыто более десятка прекрасных экземпляров (в их числе 2 самца горного барана *Ovis polii*). Многочисленными стадами встречаются тут и горные козлы, забирающиеся обыкновенно на самые недоступные, дикие высоты скалистых гор. Маралы, за отсутствием лесов на Юлдусе, держатся на тех горах, где растут низкие кустарники. Любопытно, что этот зверь здесь лазит по скалам не хуже архара, и Пржевальскому случалось не раз ошибаться, принимая издали за архара марала, стоящего на вершине высокой скалы.

Не беден Юлдус и пернатым населением, но во второй половине сентября большой добычи Николай Михайлович уже не нашел.

Важнейшей задачей второго путешествия Пржевальского в Центральную Азию было изучение оз. Лоб-нор и бассейна Тарима, и затем исследование Тибета. Идея маршрута на Лоб-нор зародилась у Николая Михайловича, как мы уже знаем, во время его первой экспедиции под влиянием рассказов проводников-монголов о географической связи Цайдама и Лоб-нора. Кроме географического интереса, маршрут этот представлял для Пржевальского-натуралиста огромную важность: Лоб-нор — место обитания дикого верблюда, известного ученому миру только по рассказу Марко Поло, путешественника XIII столетия.

Район был настолько мало исследован вообще, что одно только нанесение его на карту, заполнение «белого пятна», должно было представлять огромную научную заслугу.

Восточный, или Китайский, Туркестан, в пределы которого направилась экспедиция Пржевальского, представляет географически ясно ограниченную область. Местное название области — Джетышар, «семиградие», по числу важнейших семи городов; у европейцев — Кашгария. С трех сторон, с севера, запада и юга, Кашгария ограничена горными хребтами систем Тянь-шаня, Памира и Куэн-луня и представляет обширную котловину, возвышающуюся средним числом немного более 1000 м над уровнем океана. На северо-востоке русскими исследователями открыта замечательная Люкчунская впадина, с отметкой 160 м ниже уровня океана.¹ Главная артерия этого замкнутого бассейна — р. Яркенд-дарья, под именем Тарима впадающая в озеро Лоб-нор. Хотя это озеро лежит в юго-восточном углу страны, тем не менее падение всей площади направлено на север, о чем свидетельствует течение рек — Яркенд-дарьи, Хотана и др. На северо-востоке тянется длинный отрог Тянь-шаня — Курук-таг. Между северной оградой Тибета, хребтом Алтын-таг и Курук-тагом остаются ворота, шириною в два дня караванного пути, посредством которых Кашгарская котловина сообщается

---

¹ По В. А. Обручеву (см. «Центральная Азия» в БСЭ, т. 59).

с соседней, вышележащей Хамийской пустыней. Значительную часть Кашгарской котловины занимает песчаная пустыня Такла-макан, самая труднодоступная часть Центральной Азии. Только в долинах немногих рек (Хотан-дарья, Керия-дарья, Ния) встречаются значительные тополевые (*Populus euphratica*) леса¹ и камышковые заросли; вся остальная пустыня, покрытая переносными песками, образующими местами огромной высоты барханы, совершенно лишена органической жизни. Часть пустыни, залегающая между Хотан-дарьей и Лоб-нором, до настоящего времени еще совершенно неисследована; западный ее участок (Яркенд-дарья — Хотан-дарья) пройден шведским путешественником Свенном Гедином, встретившим воду только в самой западной части пустыни.

Движение экспедиции к озеру Лоб-нор встретило серьезное препятствие в недоверчивом отношении со стороны властителя Кашгарии Якуб-бека, прозванного местным населением Бадуалетом (счастливец).

Слухи о прибытии русских всполошили туземное население и вызвали подозрения Якуб-бека, не доверявшего (и не без основания) русскому правительству. Пржевальского и его спутников заставили семь дней ждать разрешения двигаться дальше поселения Харамото, где они были остановлены.

---

¹ «Достоинно замечания, что эта обширная пустыня со всех сторон окаймлена почти непрерывной полосой тополевого леса. На северо-западе, севере и северо-востоке окружающая ее лесная полоса тянется непрерывной лентой по долине Яркенд-дарьи, на юго-востоке по долине Черчен-дарьи, и на юге и юго-западе по области лёссовых бугров, граничащей с подгорными щебне-галечными пустынными равнинами. В этой области грунтовые воды сочатся с гор на небольшой глубине и питают древесную растительность, которая без их живительного действия не могла бы существовать в столь сухой стране. В той же области чаще, чем в других местах котловины, встречаются источники, поддерживающие нижнее течение всех иссякающих во внутренней пустыне рек». (Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. под начальством М. В. Певцова, ч. I, стр. 62). Певцов находит, между прочим, что пустыню Такла-макан, далеко не повсюду покрытую песком, следовало бы именовать каменисто-песчаную.

В г. Корла их встретил один из приближенных Якуб-бека, Заман-бек, со свитою, который имел поручение «охранять» экспедицию, на самом же деле следить за нею и всячески препятствовать продвижению и сношениям с туземцами. Обстоятельство это крайне затрудняло научную работу Пржевальского, но делать нечего, приходилось мириться с самой неблагоприятной для исследований обстановкой. Для того, чтобы вынудить Пржевальского отказаться от дальнейшего путешествия, экспедицию повели к Тариму самой трудной дорогой, заставив переправляться вплавь через две довольно большие и глубокие реки: Конче-дарью и Инчике-дарью. От такого купанья в холодной воде (морозы по утрам доходили до -17°) верблюды сильно пострадали, да и людям такие ванны были далеко не полезны.

От Корла до Тарима расстояние около 100 км; местность у подножия невысокого, но безводного и бесплодного хребта Курук-тага представляет волнистую равнину, покрытую гравием или галькою и совершенно лишенную растительности. За этой полосой расстилаются необозримой гладью пустыни Тарима и Лоб-нора. «Лобнорская пустыня, — говорит Пржевальский, — самая дикая и бесплодная из всех виденных мною до сих пор в Азии — хуже даже Алашанской». По самому берегу Тарима узкой каймой идут тополевые леса. «Трудно представить себе, что-либо безотраднее этих лесов, почва которых совершенно оголена и только осенью усыпана опавшими листьями, высохшими, словно сухарь, в здешней страшно сухой атмосфере. Всюду хлам, валежник, сухой, ломающийся под ногами, тростник и соленая пыль, обдающая путника с каждой встречной ветки (деревья тополя до того пропитаны солью, что на изломах часто можно видеть выступивший сплошной соленый налет). Иногда попадаются целые площади иссохших деревьев, с обломанными сучьями и опавшей корою. Эти мертвецы здесь не гниют, но мало-помалу разваливаются слоями и заносятся пылью.¹

¹ От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор, стр. 19.

Обширные площади поросли здесь также джидой и кендырем, из волокон которого туземцы изготовляют грубую ткань для будничных одежд и белья, а также все рыболовные снасти.¹

По обоим берегам Тарима рассыпаны озера и болота, где растут высокие тростники и куга (Турһа). Цветов, зеленой травы лугов нет и в помине в этих унылых местах.

Так же беден и животный мир бассейна нижнего Тарима. Пржевальский дает полный список фауны млекопитающих и насчитал всего 16 видов. Только кабаны и зайцы, местами тигр, встречаются в большом количестве, все же остальные животные попадают сравнительно редко. Но за то в этой фауне можно отметить уникал: дикого верблюда — животное, свойственное исключительно этому месту. Пржевальский дает в своем отчете, по расспросным сведениям, обстоятельное описание этого интересного животного.

Главное местожительство диких верблюдов находится в песках Кум-таг, к востоку от оз. Лоб-нор; в песках нижнего Тарима и в горах Курук-таг этот зверь также изредка попадает, а еще реже — в песках по р. Черчен-дарье.² За 12 лет до путешествия Пржевальского вблизи Лоб-нора и в предгорьях Алтын-тага дикие верблюды были весьма обыкновенны. Проводник экспедиции уверял, что в те времена ему удавалось видать стада по несколько десятков, а однажды даже более сотни экземпляров. Охота на зверя производилась только поблизости от Лоб-нора, но коренное место обитания его — пески Кум-таг — по своей дикости и бесплодности совершенно недоступно, и никто не отваживался проникать туда. Верблюды могут благополучно обитать в самой дикой и бесплодной пустыне, лишь бы подальше от человека. Летом

---

¹ Кендырь — очень ценное прядильное растение, произрастающее обильно у нас в СССР (в Средней Азии) и теперь культивируемое. В дореволюционное время в отсталом хозяйстве царской России эта полезная культура совершенно не использовалась.

² По сведениям других путешественников, впрочем, и здесь нередко.

в сильные жары они оставляют пески пустынь и направляются в высокие долины Алтын-тага, переваливая иногда и на южную сторону хребта. Хорошие водопой в горах и обилие бударганы и других солончаковых растений обеспечивают им наилучшие условия. Зимой верблюды держатся исключительно в пустыне.

Дикий верблюд, в отличие от домашнего, «у которого трусость, глухость и апатия, — по выражению Пржевальского, — составляют преобладающие черты характера», отличается превосходно развитыми внешними чувствами и сметливостью. Зрение у него чрезвычайно острое, слух весьма тонкий, а обоняние развито до удивительного совершенства. Животное слышит малейший шорох шагов, издалека разглядит крадущегося охотника и может учуять его очень издалека. Заметив опасность, верблюд уходит быстрым бегом, не останавливаясь, за десятки, а то и сотни километров. Единственный встреченный Пржевальским и раненый им верблюд бежал не менее двадцати километров без перерыва и спасся только тем, что направился в ущелье, расположенное далеко в сторону от пути экспедиции. Замечательно, что это неуклюжее и крупное животное способно отлично лазить по горам. «Мы видали не один десяток раз, — говорит путешественник, — верблюжьи следы и помет в самых тесных ущельях и на таких крутых склонах, по которым очень трудно взобраться даже и охотнику. Здесь верблюжьи следы мешаются со следами кукуяманов и архаров. До того странно подобное явление, что как-то не верится собственным глазам».

Бегают дикий верблюд, как и домашний его собрат, очень быстро и почти всегда рысью; на большом расстоянии он без труда обгонит и хорошую скаковую лошадь.

«По всему вероятно, — заключает свое описание Пржевальский, — сыпучие пески к востоку от Лоб-нора составляют с незапамятных времен коренное местожительство диких верблюдов. Конечно, в древности район их распространения

мог быть гораздо шире, но теперь за описываемыми животными остался лишь самый недоступный уголок среднеазиатской пустыни».¹

Самому Пржевальскому не удалось добыть ни одного экземпляра верблюда, и он отправил за большие деньги на поиски зверя местных охотников. Охотникам посчастливилось убить самца-верблюда и самку, причем совершенно неожиданно приобрели молодого из утробы убитой матери; этот молодой должен был родиться на следующий день, по заключению охотников. Отлично препарированные шкуры и черепа этих 3 верблюдов были доставлены Пржевальскому в полной сохранности и явились самой драгоценной частью коллекции, вывезенной из Лоб-норской экспедиции. Нечего и говорить, насколько рад был Николай Михайлович приобрести шкуру животного, о котором сообщал еще Марко Поло, писал Паллас и другие, но которого не видел ни один европеец.

Из Корла, следуя нижним течением Тарима, экспедиция дошла до поселения Чархалык, открыв по пути неизвестную до того реку Черчен-дарья, впадающую, как и Тарим, в оз. Кара-буран. Отдохнув неделю в этом поселении и оставив здесь с тремя казаками большую часть багажа, Пржевальский с Эклоном отправились на охоту за дикими верблюдами в горы, расположенные к югу от Лоб-нора. Экскурсия в эти горы — хребет Алтын-таг — обманула охотничьи ожидания путешественников, но принесла обильные плоды в научном отношении: география обогатилась ценнейшими данными об окраине северо-западного Тибета, до того

---

¹ От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор, стр. 44. В описании третьего путешествия Пржевальский дает более обширный ареал (район распространения) дикого верблюда (Хампийская пустыня, Джунгария, северо-западный Цайдам), но пески Кум-таг все же остаются главным центром обитания.

совершенно неизвестной и изображавшейся на картах очень неправильно.¹

Северный склон хребта удалось исследовать на протяжении около 500 км, и на всем этом пространстве Алтын-таг служит окраинной высокого плато к стороне более низкой Лобнорской пустыни. Узкой, неясной полосой, чуть заметной на горизонте, начинает виднеться хребет километров за полтора от гребня передних гор; когда путешественники пришли в деревню Чархалык, Алтын-таг встал перед ними громадной стеной, в юго-западной части переходившей даже за пределы вечного снега. К стороне пустыни хребет образует отроги и разветвления с неширокими долинами, поднятыми на высоту почти 3500 м; соседние вершины возвышаются над ними метров на 600—900. К югу расстилается высокое плато, поднятое над уровнем моря не менее 3800 м.

Алтын-таг характеризуется своим крайним бесплодием и угрюмым видом. Растительность ютится по дну ущелий. Здесь растет тамариск, в сырых местах тростник, изредка попадается дырисун, хармык, кое-где тогрук (вид тополя) и шиповник. Если к этому списку добавить еще низкий и корявый саксаул, мы почти полностью исчерпаем список флоры этих неприветливых гор. Пржевальский отмечает любопытный факт: несмотря на все бесплодие Алтын-тага, здесь летом 1876 г. появилась саранча, которая объела все листья и метелки тростника, лучшей поживы не нашлось. При этом саранча поднималась в горах до 2800 м абсолютной высоты.

Небогатый животный мир Алтын-тага очень интересен в том отношении, что носит сильно выраженный тибетский характер и не похож на фауну Тарима и Лоб-нора; здесь водятся куку-яманы, дикие яки, белогрудый аргали — млекопитающие, свойственные исключительно Тибету и достигающие здесь северной границы своего распространения.

---

¹ В высшей степени интересна для сравнения карта высот Внутр. Азии, сост. Н. А. Северцовым и напечатанная в Известиях Геогр. общ. в 1873 г.

В начале февраля 1877 г. Пржевальский вернулся на Лоб-нор для изучения этого загадочного озера и наблюдения за пролетом птиц.

Река Тарим в нижнем своем течении образует сильный рукав, Кюк-ала-дарью; в этот рукав впадает довольно глубокая Конче-дарья. На широте 39.5° Тарим образует своим разливом мелководное оз. Кара-буран, длиною 30—35 км и шириною 10—12 км; глубина его не более 1 м, и только изредка попадаются небольшие омуты в 2—2.5 м. Русло Тарима резко обозначается в озере почти на всем протяжении.

По выходе из Кара-бурана Тарим быстро уменьшается в размерах, так как жители отводят в стороны для целей рыбоводства воды этой реки. Горячее дыхание пустыни в свою очередь действует на воды реки, обессиливая ее, и здесь борьба оканчивается: пустыня одолевает реку. Но перед своею кончиною бессильный уже Тарим образует разливом последних вод обширное тростниковое болото, известное с древних времен под именем оз. Лоб-нор (местное название — Кара-хошун).

В длину это озеро вытянулось около 100 км; ширина не превосходит 20. Направление его — с юго-запада на северо-восток. Весь водоем сплошь покрыт густым и высоким, до 6 м, тростником; везде в тростниках рассыпаны небольшие площадки чистой воды, но южный берег представляет полосу чистой воды шириной от 1 до 3 км. Глубина озера от 1 до 1.5 м, вода пресная, солоновата только в ямах и у самых берегов с солончаковой почвой, лишенной растительности. Эти солончаки облегают весь Лоб-нор, на юге километров на 8—10 ширины, на востоке доходя до песчаной пустыни. Рыба в озере водится в изобилии и составляет главный жизненный ресурс населения.

Лоб-нор был исследован Пржевальским только в западной и южной его части, так как передвижение (на челноках туземцев) чрезвычайно затруднительно в мощных зарослях высокого тростника толщиной в 2.5 см. Северо-восточная часть озера совершенно неизвестна даже самим лобнорцам;

значительно позже исследования русских путешественников коснулись и этих берегов, и очертания его на картах перестали наноситься гадательно.

Надо заметить, впрочем, что точность нанесения на карту гидрографии пустынных областей Средней Азии весьма условна: карты соответствуют действительности только к моменту съемки. В очень короткие сроки энергичными процессами размывания рыхлой почвы очертания берегов реки и всех вообще водоемов сильно изменяются, реки меняют русло на протяжении многих километров, озера и болота усыхают, или же, наоборот, вследствие обильных осадков в соседних хребтах, питающих всю водную сеть пустыни, расширяются. Так, периодически меняет свои очертания и Лоб-нор.

Первым ученым исследователем Лоб-нора явился Пржевальский, но озеро и прилегающая к нему пустыня были известны еще в древности. В XV столетии через Лоб-нор проехало посольство из Китая в Герат, а за два столетия раньше здесь проходил венецианец Марко Поло, рассказы которого и китайские летописи были единственным источником сведений об этом крае.

Как и во всех предыдущих своих экспедициях, Пржевальский уделял самое пристальное внимание изучению животного мира страны, особенно птицам. Оз. Лоб-нор и вообще бассейны Тарима представляли особый интерес: если бы не существовало Таримской системы, пути пролета птиц в Средней Азии были бы несомненно иные. Для птиц не находилось бы тогда места отдыха на их далеком и трудном пути от Индии до Сибири и берегов и островов Ледовитого океана.

Ожидание обильного пролета птиц не обмануло путешественников.

Уже в первых числах февраля появились у западного края Лоб-нора (места стоянки) чайки, турпаны, серые гуси, белые и серые цапли, шилохвосты. Вслед за этими первыми гонцами начался огромный валовой пролет уток-красноносок и шилохвостей. «Целые дни, с утра до вечера, почти без перерыва

неслись стада, все с запада-юго-запада и летели далее к востоку, вероятно, отыскивая талую воду, которой в то время было еще очень немного. Достигнув восточного края Лоб-нора и встретив здесь снова пустыню, прилетные утки поворачивали назад и размещались по многочисленным, еще закованным льдом озеркам и заводям Лоб-нора. В особенности много скоплялось птицы там, где на грязи растут низкие солянки, чего именно всего обильнее и было вблизи стоянки. Сюда каждодневно, в особенности с полудня до вечера, собирались такие массы уток, что они, сидя, покрывали словно грязью большие площади льда, поднимались с шумом бури, а на лету издали походили на густое облако. Без преувеличения можно сказать, что в одном стаде было тысячи две, три, быть может даже четыре или пять тысяч экземпляров. И такие массы встречались вблизи друг друга, не говоря уже о меньших стайках, беспрестанно сновавших во всех направлениях. В течение дня положительно не выдавалось минуты, чтобы нельзя было заметить, да и не одну, а несколько стай, то местных, то прилетных... Не десятки, не сотни тысяч, но, вероятно, миллионы птиц явились на Лоб-нор в течение наиболее сильного прилета, продолжавшегося недели две, начиная с 8 февраля. Сколько нужно было ежедневно пищи для всей этой массы!»

Направление перелета было всегда, с замечательным постоянством, с запада-юго-запада, значительно реже с юго-запада или запада; ни одной птицы не было с юга, от гор Алтын-тага, — новое доказательство, что пролетные птицы часто летят не по кратчайшему (меридиональному) направлению, но избирают хотя и более длинные, окольные, но зато более выгодные пути. Повидимому, пролетные стаи не решаются пускаться из-за Гималая прямо на север, через высокие и холодные пустыни Тибета, но перелетают пустыню там, где она всего уже.

В высшей степени интересное замечание о весенней жизни Лоб-нора делает Пржевальский в своем отчете, замечание, свидетельствующее о тонкой наблюдательности путешествен-

ника, глубококом проникновении в жизнь природы и умении художественно передать свои впечатления. После живого описания валового пролета птиц на Лоб-норе он говорит:

«Казалось бы, что с прилетом огромной массы пернатых созданий озеро Лоб-нор должно было бы ожить от своей зимней мертвечины, но странное дело! вся эта куча перелетных птиц мало придала жизни здешним местам. Правда, глаз наблюдателя всюду близ воды видел движение и суету, целый птичий базар, но воздух весьма мало оглашался радостными песнями и голосами весны наших стран. Все пернатые гости держались кучами, не играли, не веселились, зная, что здесь для них только временная станция, что впереди еще лежит далекий, трудный путь. Раннее утро, поздний вечер и теплый, ясный день не оглашались на Лоб-норе теми песнями и звуками, которые для любителя природы дороже всякой музыки, выше всех наслаждений. Не радостным и живительным, но болезненным дыханием веяла здешняя ранняя весна. Только сидя на льду, стаи глухо бормотали, словно рассуждали о предстоящем отлете на север».¹

Недолго оживлялись берега Лоб-нора птичьим гомоном и суетой. Уже в начале марта начался массовый отлет, и через неделю озеро опустело.

Февраль и март — весенние месяцы на широте Лоб-нора, но растительная жизнь все еще дремала, несмотря на прибывавшее тепло. В феврале термометр днем в тени показывал +13.6°, но ночи были холодные, и к восходу солнца температура падала до —15.6°. Уже в самом конце марта кое-где зазеленели ростки тростника да на тогруке потемнели и надулись почки. Страшная сухость воздуха и ночные холода были причиной такого позднего пробуждения растительности. Во время частых в марте бурь мельчайшая пыль толстым слоем садилась на тростник и кустарники, в которых нельзя было шагу ступить без того, чтобы не залепило глаза. Солнце светило в такой атмосфере тускло, как сквозь дым. Воздух

---

¹ От Кульджи за Тянь-шань, стр. 60—61.

был постоянно густым и тяжелым для дыхания, а утренние и вечерние зори длились гораздо долее, чем это бывает при ясном небе.

Стоянкой у Лоб-нора заканчивалась первая часть задач экспедиции. Почти все это время работа шла в очень тяжелых физических и моральных условиях. Суровый климат, крайне резкие смены тепла и холода, бури и мельчайшая пыль, постоянно державшаяся в воздухе, не всегда удовлетворительное питание¹ — все это истощало силы путешественников и завершилось несносной болезнью — «зудом тела», как называл Пржевальский, Pruritis scroti, по диагнозу врачей, не дававшей покою ни днем, ни ночью. Так же тяжелы были и моральные условия. Китайский Туркестан в те годы охвачен был политической борьбой — дунганским восстанием и борьбой народов, населявших Кашгарию (таранчи, торгоуты) с китайским владычеством. Захвативший власть Якуб-бек (бадуалет) в своей политической игре то заискивал в русском правительстве, рассчитывая на помощь в борьбе с китайцами, то относился враждебно и подозрительно. Население жестоко страдало от деспотического правления бадуалета, от его поборов и казней, и в таких условиях появление русского отряда усложняло обстановку, вносило элемент еще большей тревоги. Все это крайне неблагоприятно сказывалось на отношении к Пржевальскому. Якуб-бек, правда, дал «аудиенцию» нашему путешественнику, уверял его в дружеских чувствах к русским, но фактически надзором Замань-бека экспедиция была связана по рукам и ногам. Все это крайне нервировало Пржевальского, обладавшего вообще темпераментом нетерпеливым и раздражительным, и способствовало усилению его болезни (и некоторых его спутников).

---

¹ «Питаемся, кроме мяса, дзамбою, крупною, как ячменное зерно. Право, у нас лучшею присыпкою кормят свиней. После еды, через час, дзамба разбухает в желудке, и зная это, мы едим подобную прелесть же чересчур». (Из дневника Пржевальского).

В конце марта, после наблюдения над пролетом птиц на Лоб-норе, Пржевальский двинулся обратно прежним своим маршрутом в Кульджу — через Корла, Юлдус и Тянь-шань. Этим маршрутом он шел первый раз осенью; теперь, в весенние и летние месяцы, он сделал дополнительные наблюдения, обогатился новыми сборами зоологических и ботанических коллекций, а в начале июля экспедиция, усталая и оборванная, но с богатой научной добычей прибыла в Кульджу.

«Оглянувшись назад, — заключает свой отчет Пржевальский, — нельзя не сознаться, что счастье вновь послужило мне удивительно. С большим вероятием можно сказать, что ни годом раньше, ни годом позже исследование Лоб-нора не удалось бы. Ранее Якуб-бек, еще не боявшийся китайцев и не заискивавший вследствие того у русских, едва ли согласился бы пустить нас далее Тянь-шаня. Теперь же о подобном путешествии нечего и думать при тех смутах, которые, после недавней смерти бадуалета, начали волновать весь Восточный Туркестан».¹

Возвращение в Кульджу диктовалось двумя мотивами: необходимо было вылечиться от несносной болезни и отдохнуть; и здесь же надо было формировать караван для движения в Тибет, согласно выработанному в Петербурге плану, и избрать маршрут. Пржевальский убедился, что с Лоб-нора пробраться в Тибет невозможно или же очень трудно, особенно в тех условиях, в которых находилась тогда экспедиция. Выбор маршрута был затруднителен еще потому, что по самым удобным и кратчайшим караванным путям расположены китайские города с гарнизонами: Шихо, Манас, Урумчи, а Николай Михайлович старался держаться как можно дальше от поселений. Пржевальский решил избрать обходный путь и направиться на Гучен, минуя торную дорогу.

Подлечившись в течение двух месяцев в Кульдже и снарядившись в новый и трудный путь, Николай Михайлович

¹ От Кульджи за Тянь-шань, стр. 67. Якуб-бек умер при довольно загадочных обстоятельствах, повидимому, отравленный агентами китайского правительства.

выехал со своим караваном в начале сентября, обогнул с севера озеро Эби-нор, прошел по горным тропинкам без проводника, обманувшего его, до гор Саур и оттуда направился в г. Гучен. Здесь, из-за неблагоприятных условий путешествия и бивака, состояние здоровья Пржевальского резко ухудшилось, настолько, что он вынужден был вернуться в пределы России и остановиться в пограничном посту Зайсане. Ехать верхом он не мог и потому купил передок от русской телеги, приделал на него ящик и сел в этот ящик. Можно представить, как удобен был такой экипаж для больного! К несчастью, стояла суровая зима, по ночам замерзала в термометре ртуть, в иные же дни поднимались снежно-пыльные бураны. В конце этого тяжелого (1877) года экспедиция прибыла в Зайсан и расположилась в удобных и просторных квартирах.

Пржевальского и его больных спутников встретили здесь с большой предупредительностью и вниманием. Врачи не обещали скорого излечения болезни, но принятые ими меры — обильное питание и отдых — оказали свое благотворное действие. Далеко не благоприятствовало выздоровлению крайне подавленное настроение Николая Михайловича. «Во всех моих странствованиях по Азии, — жаловался Пржевальский, — это первая неудача... Сегодня (12 апреля н. с. 1878 г.) исполнилось мне 39 лет, — писал он в своем дневнике, — и день этот ознаменован для меня окончанием экспедиции, далеко не столь триумфальным, как мое прошлое путешествие по Монголии. Теперь дело сделано лишь наполовину: Лоб-нор исследован, но Тибет остается еще нетронутым. В четвертый раз я не могу попасть туда: первый раз вернулся с Голубой реки, второй раз с Лоб-нора, третий раз из Гучена и, наконец, четвертый раз экспедиция остановилась в своем начале. Я не унываю! Если только мое здоровье поправится, то весной будущего года снова двинусь в путь».

Еще в Кульдже Пржевальский получил письмо от матери, извещавшее его о смерти дяди Павла Алексеевича.

Скоро и другую вест, более тяжелую, получил Николай Михайлович: пришла телеграмма о смерти матери. Это было жестоким ударом, еще усилившим и без того тяжелое настроение путешественника.

В Зайсане Николай Михайлович получил телеграмму военного министра, предписывавшую отложить путешествие вследствие осложнения наших отношений с Китаем.

Оставив верблюдов и экспедиционное снаряжение в Зайсане, Пржевальский отправился в Петербург, куда и прибыл в начале июня 1878 г.

Научные трофеи Лобнорской экспедиции были богаты: маршрутная съемка от Кульджи вглубь Азии протяжением 1300 км, открытие хребта Алтын-таг, ряд астрономических наблюдений, определивших широту и долготу главнейших пунктов, обильный материал метеорологических наблюдений, давших драгоценные сведения о климате страны. Ботаническая коллекция заключала в себе около 300 видов, в числе 3000 экземпляров, зоологическая: 35 шкур крупных и средних зверей, 50 мелких, 180 видов птиц, 50 рыб и слишком 2000 экземпляров насекомых. Напомним еще о величайшей редкости во всей коллекции: 4 экземпляра диких верблюдов.

Заслуги путешественника получили полное признание со стороны Академии Наук и Ботанического сада, избравших его своим почетным членом. Берлинское Географическое общество присудило ему медаль имени Гумбольдта, — исключительно высокая награда, так же, как и золотая медаль Лондонского Географического общества; Парижское Географическое общество известило его о присуждении золотой медали еще за прошлую экспедицию (в Монголию и страну тангутов).

Попрежнему Пржевальский был замучен приглашениями на обеды и вечера, просьбами прочесть лекции и т. д. Ни охоты, ни времени у него не было для этого, так как по возвращении в столицу и по излечении своей болезни он немедленно же стал хлопотать о новой, или (как он сам считал) о продолжении своей Лобнорской экспедиции. Средства

у Пржевальского оставались от прошлого путешествия; к ним добавилось новое ассигнование в 20 000 руб., этим совершенно обеспечивалась возможность хорошо обставленной экспедиции.

Нелегкий вопрос о сотрудниках облегался тем, что два участника Лобнорской экспедиции, Эклон и Иринчинов, зарекомендовавшие себя безукоризненными работниками, включались в состав нового путешествия. Скоро был найден и второй помощник, очень удачный выбор Николая Михайловича остановился на товарище Эклона по гимназии В. И. Роборовском. Приглашенные еще семь казаков, препаратор и переводчик были зачислены в экспедицию и впоследствии вполне оправдали выбор начальника.

Отчет о Лобнорской экспедиции был составлен Пржевальским еще в Кульдже и переслан в Географическое общество. Торопясь с отправлением в новое путешествие, Николай Михайлович на этот раз ограничился кратким отчетом и не предпринимал обработки своих обширных путевых дневников, отлагая ее до более свободного времени.¹ Отчет этот был переведен на немецкий и английский языки и за границей встретил самую сочувственную оценку.

В начале 1879 г. Пржевальский, в сопровождении своих двух помощников, выехал из Петербурга и в конце февраля (12 марта по н. с.) был уже в Зайсане.

Начиналось третье путешествие в Центральную Азию.

Глава 11

ИЗ ЗАЙСАНА ЧЕРЕЗ ХАМИ В ТИБЕТ И НА ВЕРХОВЬЯ ЖЕЛТОЙ РЕКИ — ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ранним весенним утром, на восходе солнца, караван был готов к выступлению, построившись в походный порядок. Длинная вереница завьюченных верблюдов, разделенных на

¹ Дневники лобнорского путешествия опубликованы в Известиях Географического общества за 1940 г. *Ред.*

три эшелона с небольшими промежутками между ними, в арьергарде имела стадо баранов, предназначенных для продовольствия экспедиции.

Выстроившись на дороге, караван на мгновение остановился: Пржевальский объехал его, внимательно осмотрел, все ли в порядке, и приказал двигаться. Впереди начальник экспедиции со своим первым помощником Эклоном и проводником; в арьергарде второй помощник Роборовский с переводчиком Абдул-Юсуповым и препаратором Коломейцовым. Каждый эшелон сопровождали два казака на верблюдах, один из них вел передового верблюда, другой подгонял заднего; две собаки взяты были в дорогу, одна из них выходила всю экспедицию.

Из Зайсана направление пути было выбрано мимо озера Улюнгур, через г. Булун-тохой, вверх по реке Урунгу и затем на города Баркуль и Хами — важнейший населенный и административный пункт всего этого обширного района.

Дорога от Зайсана до Улюнгура шла по широкой долине Черного Иртыша, ограниченной с юга массивным хребтом Саур с вечно снеговой группой Мус-тау; на севере видны в туманной дымке красивые очертания Алтая.

Оз. Улюнгур имеет около 130 км в окружности, глубина его довольно значительная и вода светлая и вполне пригодная для питья. С востока оно принимает довольно значительную р. Урунгу, устье которой представляет собой болото, покрытое высоким и густым тростником. На северо-востоке Улюнгур отделяется невысоким и узким (4—5 км) увалом от Черного Иртыша — стало быть, от бассейна Оби и Ледовитого океана.

Озеро было еще сплошь покрыто льдом, и ожидания Пржевальского наблюдать здесь пролет птиц не оправдались; видели лишь валовой пролет лебедей, которые большими стадами летели не на север, но на запад, повидимому, в обход Алтая, покрытого еще в это время обильным снегом.

Единственная река, впадающая в Улунгур, — Урунгу, истоки которой лежат в южном Алтае. Среднее и нижнее течение служит северной границей Джунгарской пустыни и не имеет здесь ни одного, хотя бы маленького притока. Наиболее плодородная часть расположена по нижнему течению, километров на 70 от устья.

Прилегающая к реке пустыня везде усыпана острым щебнем и кое-где прорезана оврагами с сухими руслами дождевых потоков. Там и сям можно встретить уродливые кустики саксаула, бударганы; по скатам холмов пестрят дикие луки, нередко встречается один из видов ревеня. Весною, летом, поздней осенью пейзаж здесь почти не меняется, и только резкие климатические перемены отмечают времена года: сильные зимние морозы заменяются страшными летними жарами, и этот переход весной делается так быстро, что промежуток трудно уловить.

Так же бедна и животная жизнь. Изредка встретится бесшумная ящерица, быстро пролетит со своим обычным криком стайка бульдуруков или плавно пронесется коршун, высматривающий добычу. «Мертво, тихо кругом днем и ночью. Только частые бури завывают на безграничных равнинах и еще более дополняют безотрадную картину здешних местностей».¹

Среднее течение Урунгу отличается от нижнего множеством ущелий, тянувшихся иногда на десятки километров. Там, где глинистые или скалистые береговые обрывы отходят в сторону, местность представляет собой зеленеющий оазис. Стоянки экспедиции приурочивались обыкновенно к этим местам, и путешественники отдыхали от снежных буранов и холодов Саура и безжизненных берегов оз. Улунгура. В пологих ложбинах встречались уже цветущие тюльпаны и молочай, полуденное тепло достигало $+16.8^{\circ}$, и даже вода в Урунгу в это время (середина апреля нового стиля) имела

---

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 18.

+13.0°, «так что можно было с грехом пополам купаться», — замечает Пржевальский.

Река изобиловала рыбой (голавль, окуни, караси, лини и пескари), и случалось, что небольшой экспедиционной сетью за одну тоню вылавливали 80—90 кг головлей, все, как один, 30.5 см длиной.

На средней Урунгу провели целую зиму 1878—1879 г. киргизы, убежавшие от притеснений русского царского правительства в пределы Китая, и Пржевальский описывает по свежим следам зимовку бежавших киргизов. Вначале они попробовали (дело было поздней осенью) двинуться из Булунгохоя прямой дорогой к Гучену. Пустыня, однако, оказалась непроходимой, и партия вынуждена была возвратиться на Урунгу и здесь провела зиму, испытав страшное бедствие от бескормицы для скота. Зимовые кочевья киргизов встречались экспедиции чуть не на каждом шагу на большом протяжении, километров на 150, по течению Урунгу, и на всем этом пространстве положительно не было и следов какой-либо травы: съедено было все дочиста, до тростника и тальника включительно. Множество деревьев было повалено, кора их шла на корм баранам, а нарубленными со стволов щепками кормились коровы и лошади. От такой пищи скот издыхал во множестве, и путешественники встречали возле стойбищ целыми десятками трупы баранов. Многочисленные волки, убежавшиеся со всех окрестностей, не могли поедать такого количества трупов, которые поэтому гнили и наполняли заразой местность. По всей долине почти сплошной массой лежал помет проходивших здесь тысячных стад.

Караван Пржевальского, к счастью, проходил этим несчастным районом во второй половине апреля, когда подросла уже молодая трава и корму для выючных животных нашлось достаточно, иначе движение их чрезвычайно затруднилось бы.

Недалеко от поворота на Гученскую дорогу начинается верхнее течение Урунгу, которая образуется из 3 рек: Чингил, Цаган-гол и Булугун. Пржевальский миновал поворот Гучен-

ской дороги и направился в город Баркуль сначала через отроги Южного Алтая, а затем напрямик через пустыню.

У верховьев Урунгу и слагающих ее рек местность принимает уже гористый характер: сюда надвинулся своими отрогами Южный Алтай; молодая трава и тальник только еще начинали зеленеть. Невдалеке от реки Булугун расположено небольшое оз. Гашун-нор, около которого экспедиция остановилась на четверо суток и отлично поохотилась на кабанов в зарослях лозы и тростника по берегам Булугуна.

Дальнейший путь экспедиции лежал через Джунгарскую пустыню, расположенную между Алтаем на севере и Тянь-шанем на юге. На западе эта обширная пустыня резко ограничивается целым рядом горных хребтов (Саур, Семиз-тау, Орхочук, Джаир и Майли), на востоке, суженная сходящимися отрогами Алтая и Тянь-шаня, непосредственно примыкает к степям и пустыням Гоби.

В восточной и северной частях Джунгарии большая часть поверхности состоит из острого щебня и гравия, на юге раскидываются сыпучие пески, перемежающиеся обширными солончаками и мелкими солеными озерами, в особенности в окрестностях оз. Аяр-нор. На северо-западе и на западе преобладают залежи лёссовой глины.

Гидрография Джунгарской пустыни очень бедна. На севере протекает, как мы уже знаем, река Урунгу; на юге, с гор Тянь-шаня бегут многочисленные речки, но они исчезают вскоре по выходе на равнину, оплодотворяя лишь узкую подгорную полосу. Только два притока оз. Аяр-нор и одна речка, впадающая в Эби-нор, пробегают на некоторое расстояние по южной части пустыни. В западной части лежит также соленое оз. Орху, а в северо-западном углу — Улюнгур, упомянутое нами выше. Во время случайных летних ливней, а весною при быстром таянии зимних снегов, образуются кратковременные потоки, вырывающие иногда глубокие русла и разливающиеся небольшими озерами на глинистом грунте.

Климат Джунгарии носит все характерные черты сухого континентального климата Центральной Азии. Главнейшей

характеристикой служат: резкие контрасты зимнего холода и летнего жара; огромная сухость воздуха при малом количестве атмосферных осадков; наконец, — обилие бурь, в особенности весною. Наилучшим временем года надо считать осень, как и для всей Центральной Азии. Погода почти постоянно стоит в это время года ясная и тихая, сильных жаров нет, как и больших холодов. В течение всего октября, по наблюдениям Пржевальского (1877), было только два облачных дня. Четыре раза за месяц падал снег, один раз — дождь, но всегда в небольшом количестве. В полдень 11 октября максимум был $+15.0^{\circ}\text{C}$ в тени; во второй половине этого месяца минимум достигал -23.0° . В ноябре и декабре погода стояла большею частью ясная, бурь почти не было, но морозы в первых же числах декабря были очень сильные, ртуть в термометре по ночам замерзала, охлаждение переходило, следовательно, ниже -40.0° .

Осадков немного, и выпавший снег едва прикрывает землю; но далее к северу, в особенности ближе к Сауру, снежный покров достигал 5—8 см толщины, местами наметены были сугробы снега до 60—90 см. Вообще Джунгарская пустыня, под близким влиянием Сибири, обильнее атмосферными осадками, чем лежащие под той же широтой средние части Гоби. Чем континентальнее климат, тем значительнее абсолютная высота пояса туч и обильных осадков. По наблюдениям Северцова, на северных склонах Тянь-шаня пояс снеговых туч достигает абсолютной высоты 1500—3000 м. Южнее истоков Черного Иртыша пояс снеговых туч поднимается гораздо выше, местами едва захватывая гребень хребта. В южной же части Западной Монголии воздух уже до такой степени сух, что от равнин до высочайших точек пересекающих ее гор нигде не встречается пояса, обильного осадками, будь то дождь или снег.¹

¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. 1914 г., т. I. СПб., стр. 409.

Весна в Джунгарской пустыне наступает рано, оголенная песчаная почва быстро нагревается солнцем, на этой широте стоящим довольно высоко уже в феврале. Пржевальский наблюдал температуру в $+27.2^{\circ}$ уже в апреле, но утренние морозы, даже в последних числах этого месяца, доходили до -7.8° (у оз. Гашун-нор). В низкой котловине р. Урунгу Пржевальский отметил 8 апреля -22.5° , а следующей ночью шла снежная крупа. В середине мая термометр опускался до -2.5° , 11 мая температура даже в полдень не поднялась выше $+7.7^{\circ}$.

Самую характерную черту климата Центральной Азии вообще, в частности и Джунгарии, составляют сильные и частые бури, идущие почти исключительно с запада и северо-запада. Осенью этих бурь не бывает, или же очень редко, летом наблюдаются нечасто, но зимою и в особенности весною они бывают чрезвычайно часто. Картина этих бурь отличается замечательным постоянством и правильной периодичностью. Начинается буря чаще всего с девяти-десяти часов утра и почти всегда стихает к вечеру. Сила ветра достигает огромной напряженности, причем атмосфера наполняется тучами пыли и песка до такой степени, что совершенно затемняет солнце. В 1879 г. таких бурь Пржевальский наблюдал в апреле 10, в первой половине мая — 7; кроме того, 6 раз за этот период ветер достигал значительной силы, близкой к силе бури.

Такая правильная периодичность этого явления, постоянство в направлении ветров заставляют думать, что помимо общих, главных причин, обуславливающих в этой части Азии воздушные течения, есть и причины местные, определяемые особенностями физико-географического характера этих стран.

Флора Джунгарии очень бедна и во многом напоминает наиболее бесплодные части пустынь Гоби. Богаче всего растительность на песчаной почве, беднее — если к песку применяется немного лёссовой глины; самыми бесплод-

ными являются солончаки, а также площади, покрытые щебнем. В горных группах растительность всегда богаче, чем в низинных равнинах. Видовой состав растительности очень невелик: саксаул, дырисун, эфедра, хармык, золотарник, реомюрия, полынь, ремень, каллигонум, некоторые солянки, например кохия, калиднум и др., — вот почти полный инвентарь флоры этих пустынь. Ранней весной путешественник встретит иногда в распадках холмов прелестные цветки тюльпана, среди общего бесплодия пустыни они кажутся каким-то недоразумением, аномалией. К списку надо прибавить еще кое-какие злаки.

Истинными «дарами» азиатской пустыни по справедливости можно считать саксаул и дырисун. Саксаул почти всегда растет на песке и разбросанно, «врассыпную», или же небольшими рощами. Рядом с живущими экземплярами обыкновенно валяются и иссохшие, и саксауловый лес всегда имеет безрадостный вид. Древесина растения тяжелая и крепкая и до того хрупкая, что даже большой ствол разлетается на части при ударе обухом топора. На постройки саксаул не пригоден, зато горит он превосходно, даже сырые ветки; цветет в мае мелкими, чуть заметными желтыми цветочками; семена тоже мелкие, плоские и крылатые, серого цвета, густо усаживают ветви и поспевают в сентябре. В саксауловых зарослях находят себе приют и пищу волки, лисы и в особенности песчанки, которые могут, повидимому, обходиться без воды, питаются влажными ветками растения. Дикие верблюды, харасульты и зайцы также пользуются саксаулом. Из птиц в зарослях саксаула оседло держатся саксаульный воробей и саксаульная сойка. В период полета в зарослях находят для себя временный отдых и кое-какую пищу многочисленные мелкие пташки.

Еще более важное значение для обитателей пустыни имеет так называемый дырисун (*Lasiagrostis splendens*). Это растение к северу доходит до 48° с. ш.; южная его граница, по исследованиям Пржевальского, проходит немного южнее 36° с. ш. по окраине северного Тибета к Цайдаму. В долине

Желтой реки, у Ордоса, дырисун растет всего обильнее, хотя и небольшими площадями; на Куку-норе и в Цайдаме он довольно редок, а в северном Тибете, Гань-су и на Тариме не наблюдался нашим путешественником. Растение это принадлежит к злакам, почву избирает для себя глинисто-соленую, но настоящих солончаков избегает. Кусты дырисуна обыкновенно развешиваются немного в стороны длинными и не густыми серовато-коричневыми метелками. Дырисун укрывает под своими метелками довольно большое население: тут ютятся куропатки, фазаны, перепела, жаворонки; сюда же забегают лисы, волки, барсуки и зайцы. Растение это многообразно используется: китайцы делают из него летние шляпы и метелки, киргизы плетут прочные циновки, которыми обставляют бока своих войлочных юрт, а домашний скот находит в нем превосходный корм.

Фауна Джунгарской пустыни не богата видами, но Джунгария замечательна, как единственное на земном шаре местообитание дикой лошади, «лошади Пржевальского» (*Equus Przewalskii*). Огромную сенсацию в ученом мире произвело открытие Пржевальским в пустынях Джунгарии этого нового вида животного — дикой лошади. Николаю Михайловичу не удалось самому убить зверя, привезенный им экземпляр добыт им совершенно случайно, был подарен начальником Зайсанского поста А. К. Тихоновым, который, в свою очередь, приобрел его у охотника-киргиза. Но все же и Пржевальскому посчастливилось встретить два стада диких лошадей и охотиться на них, хотя и безрезультатно.

Добытый Пржевальским экземпляр (самец, возраст — около трех лет) был описан зоологом И. С. Поляковым, признан им как вид новый, неизвестный науке, и получил название *Equus Przewalskii* — лошадь Пржевальского.

Десять лет спустя после 3-го путешествия Пржевальского наука обогатилась четырьмя экземплярами диких лошадей, привезенных известными русскими путешественниками, братьями Грумм-Гржимайло, которым удалось очень счастливо поохотиться за ними и сделать драгоценные наблюдения.

Еще позже экземпляры диких лошадей доставлены были в Зоологический музей Академии Наук и в Московский Зоологический сад и другими путешественниками: Козловым, Роборовским, Клеменцем и Шншмаревым, во всех этих случаях животные приобретались покупкою у киргизов-охотников.

Вопрос о дикой лошади и в настоящее время не разрешен наукой окончательно; и место ее в зоологической системе и ряд вопросов об образе жизни, повадках, точное местобитание, — остаются спорными и открытыми. Различают следующие вариации лошади Пржевальского: 1) юго-восточная, с черной мордой, черной гривой и черным хвостом (обитает около Цаган-нора); 2) западная, со светлой мордой, с каштаново-светлыми ногами и с красно-бурой гривой и хвостом (обитает около реки Урунгу); 3) южная, с мордой светлой, ногами черными (обитает в Алтае, к югу от Кобдо).

Данные о положении лошади Пржевальского в систематике сводятся к следующему. 1) Профессор Анучин считает лошадь Пржевальского формой одичавшей. Против такого предположения имеются веские возражения Тихомирова. Позднейшие наблюдения Тихомирова, Заленского, Клеменца хотя и указывают отсутствие «однородности типа» у исследуемой формы, но, с другой стороны, признаки, резко отличающие лошадь Пржевальского от обыкновенной лошади, несомненно существуют. 2) Ноак указывает на сходство лошади Пржевальского с пони. 3) По мнению Тихомирова, лошадь Пржевальского должна занимать среднее место между домашней лошадию и другими дикими однокопытными. 4) Заленский ставит описываемую форму ближе к общему прародителю лошадей и ослов, чем ныне живущие другие виды лошадей и ослов.

Более веские данные — так резюмируется проблема в современном учебнике зоологии — относительно лошади Пржевальского дают гипотезы Тихомирова и Заленского. Что же касается предположений Анучина, то его мнение осно-

вано на очень незначительном материале, а потому является пока мало убедительным.¹

Около оз. Гашун-нор Пржевальский простоял четверо суток, и отсюда экспедиция направилась к г. Баркуль, лежащему у северного подножия восточной части Тянь-шаня. Вся местность к югу от Алтая и до предгорий Тянь-шаня представляет высокую пустынную равнину, по которой разбросаны большею частью невысокие горы: Байлык, Кукусырхе, Хара-сырхе. В первой половине мая, днем, погода становилась уже жаркой, но по ночам термометр часто опускался ниже нуля и даже 21 мая (н. с.) температура была -2.5° , и вода на болоте у стоянки замерзла. И почти каждый день путешественников донимали бури. Если же выпадала хорошая, ясная и тихая погода, и пыль оседала из воздуха, — можно было наблюдать за десятки и сотни километров прекрасную картину горных хребтов Тянь-шаня, особенно вершину Богдо-ула, видневшуюся на расстоянии 250 км. Причины такой дальности, а вместе с тем и обманчивости обозреваемых расстояний Пржевальский видит в следующем: во-первых, в разреженности, сухости, следовательно, в прозрачности воздуха, в особенности на больших высотах; затем в отсутствии большей частью промежуточных предметов; наконец, в контрасте равнин и гор, обыкновенно являющихся рядом, без постепенного перехода.²

В предгорьях Тянь-шаня впервые в Джунгарии, — от оз. Гашун-нор, — встретилось и население — китайцы, оседло живущие возле ключевых ручьев и трудолюбиво занимающиеся земледелием. Проводник-торгоут плохо знал дорогу в горах, водил наугад, и караван блуждал понапрасну целых два перехода.

Вообще иметь хорошего проводника в Центральной Азии

¹ Акад. Н. М. Кулагин. Зоология. М., 1938, стр. 373—375.

² Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 45—46.

редко удается путешественнику. Напуганное население уклоняется от этой обязанности, а незнание языка еще более усложняет положение. «Поэтому, — говорит Николай Михайлович, — все расспросы, в особенности про окрестную страну, ее производительность, быт населения и т. п., из девяти раз на десять приводят к совершенно отрицательным результатам. Даются показания ложные, а если проводник глуп, да притом еще усердствует отличиться перед своим начальством, то обыкновенно рассказывает совершенную галиматью. При этом нужно правду сказать, что расспросы через проводника также немало влияют на суть самого рассказа. Такое неудобство чувствуется всего сильнее при разговоре о предметах более или менее отвлеченных. Тут нужно сначала втолковать своему толмачу, а затем уже не мало ждать, пока он, конечно, по своему разъяснит монголу и получит от него ответ, который также передает по своему разумению. В результате обыкновенно получается такая ахиня, что только махнешь рукою и перестанешь понапрасну тратить время».

Город Баркуль расположен под самым Тянь-шанем, на равнине и состоит, как большая часть городов в Восточном Туркестане, из двух частей: военной и торговой; каждая из них обнесена глиняной стеной, но внутри этих стен немало также пустырей и развалин — результат дунганского восстания. В город был послан переводчик Абдул Юсупов с одним из казаков, принятые не очень дружелюбно, но проводника до Хамийского оазиса все же дали. Вместе с проводником явились и шестеро солдат — конвой, крайне мешавший экспедиционным работам, хотя предназначался он для «почета» и помощи путешественникам.

В такой обстановке делать маршрутную съемку было невозможно, и Пржевальский примирился с этим только потому, что года за три до него проходили Матусовский (1875) и Рафаилов (1877), снявшие путь от Баркуля до Хами.

На третьем переходе караван подошел к перевалу Тянь-шаня. После однообразной пустынной Джунгарии горный ландшафт Тянь-шаня был чрезвычайно приятен. Вокруг

теснился густой лес; зеленые луга, пестреющие различными цветами, пение птичек явились на смену солончакам пройденной пустыни. Решено было здесь передневать, и остаток дня и весь следующий день были посвящены экскурсиям и охоте; нового и интересного встретилось много. Гребень Тянь-шаня во всей своей массе поднят так высоко, что отдельные, даже самые большие, вершины мало выдаются из общего уровня. Долин здесь вовсе нет, короткие, узкие и скалистые ущелья избородили бока хребта, придавая ему дикий, альпийский характер. Подножия северного склона Тянь-шаня луговые; на высоте приблизительно 1800 м появляются хвойные леса, густо одевающие горные склоны. На уровне 2700—2800 м появляются уже альпийские луга. Нижняя зона лесов состоит из сибирской лиственницы, повыше встречается ель (*Picea schrenckiana*), а по дну ущелий изредка попадает один из видов тополя.

В ущельях, как обыкновенно в горах, по гранитным валунам бегут быстрые, светлые ручьи с прекрасной водой. Узкою, но густою каймою по берегам их растут различные кустарники — жимолость, шиповник, лоза, крыжовник, черная смородина; тут же можно встретить обыкновенный и казачий можжевельник, рябину, шомпольник. Обширные площади лесов верхнего пояса истреблены пожарами, и в хаосе обгорелых деревьев трудно пробираться не только человеку, но и зверю. Из крупных зверей здесь водятся маралы, а в альпийской области живут архары (горные бараны) и тэке (горные козлы).

Южный склон Тянь-шаня, хотя спускается более полого, чем северный, но имеет еще более дикий вид, гораздо беднее лесами и вообще бесплоднее.

Через несколько дней пути караван остановился в городе Хами, важном пункте всей части Китая и центре Хамийского оазиса.

Природа оазиса (естественные флора и фауна) очень бедны. Пржевальский мог собрать в свой гербарий всего 37 видов цветущих растений, крупных зверей совсем не нашел

здесь, а птиц насчитал 32 вида. Окрестная пустыня кишела зато ящерицами, среди которых оказалось несколько новых видов, а также множество фаланг попадалось чуть ли не на каждом шагу. Укушение этого членистоногого бывает иногда смертельным и во всяком случае причиняет жестокие боли. Не один раз путешественники ловили этих страшных животных в своей палатке, даже в постелях; к счастью, никто из каравана укушен не был.

Коренные жители оазиса — потомки древних уйгуров, смешавшиеся впоследствии частью с монголами, частью с выходцами из Туркестана. Сами себя они называли таранчами (от слова тара — пашня), в переводе — землепашцы. Национальная одежда хамийцев состоит из широкого халата и особенной шапки, имеющей форму митры, надеваемой на затылок. Шапка эта составляет важную часть костюма хамийца, украшается вышитыми цветами и шьется обыкновенно из сукна или цветного бархата, красного или зеленого. Этот головной убор носят одинаково и мужчины и женщины; последние вместо халата носят длинный балахон, а поверх него — кофту без рукавов. Мужчины бреют головы, а женщины носят свои роскошные волосы заплетенными в две косы после замужества, в одну — до замужества. По своей наружности хамийки довольно красивы, по отзыву Пржевальского: все черноглазые, чернобровые и черноволосые, с прекрасными белыми зубами, роста среднего. Замуж выходят рано, часто лет двенадцати. На улице ходят без покрывала и вообще пользуются большой свободой.

Тотчас по приходе в Хами к Пржевальскому явились китайские офицеры с приветствием от командующего войсками и военного губернатора, имевшего титул Чин-цай, с присоединением слова да-жень, т. е. большой человек. Вечером Николай Михайлович отправился к нему с визитом и был встречен довольно парадно. На другой день Чин-цай в свою очередь отдал визит и пригласил всех членов экспедиции на парадный обед.

«На парадный обед, — описывает Пржевальский, — приглашены были также высшие местные офицеры и чиновники, так что набралось человек тридцать. Офицеры младших чинов прислуживали и подавали кушанья. Обед состоял из шестидесяти блюд, все во вкусе китайском. Баранина и свинина, а также чеснок и кунжутное масло играли важную роль; кроме того, подавались и различные тонкости китайской кухни, как то: морская капуста, трепанги, гнезда ласточки-саланганы, плавники акулы, креветы и т. п. Обед начался сладкими, окончился вареным рисом. Каждое кушанье необходимо было хотя отведать, да и этого было достаточно, чтобы произвести такой винегрет, от которого даже наши ко всему привыкшие желудки были расстроены во весь следующий день. Вина за столом не было, по немнению его у китайцев; но взамен того подавалась нагретая водка двух сортов: очень крепкая и светлая (шань-дзю) и более слабая, цветом похожая на темный херес (хуань-дзю); та и другая — мерзость ужасная. Китайцы же пили ее в достаточном количестве из маленьких чашечек и, как всегда, подпив немного, играли в чет и нечет пальцев, причем проигравший должен был пить. Наше неумение есть палочками, а в особенности питье за обедом холодной воды, сильно смешили китайцев, которые, как известно, никогда не употребляют сырой воды».¹

Хами состоит из 3 городов: таранчинского и двух китайских, старого и нового. Между этими частями города расположены огороды, поля и (в то время, вскоре после дунганского восстания) разоренные жилища. Каждый из этих городов обнесен зубчатой стеной, в сущности простой глиняной оградой квадратной формы, с угловыми башнями для продолжного обстреливания стен этой «крепости».

В обоих китайских городах было довольно много лавок, торгующих пекинскими товарами. Дороговизна даже на

---

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 75.

местные продукты такая, что Николай Михайлович ограничился закупкою провизии на 1 месяц и корма для пяти верховых лошадей; но и эта простая торговая операция отняла целых 5 дней, благодаря всевозможным формальностям, связывавшим процедуру закупок.

1 (14) июня завьючили верблюдов и двинулись в путь по хорошо уезженной дороге, ведущей из Хами в г. Ань-си. Первые 40 км пути лежали по местности довольно плодородной, только в одном месте залегла голая галька и дресва; большею же частью дорога шла местами с хорошей растительностью: на песках в изобилии встречался джантак, (*Alhagi camelorum*), мохнатый тростник, *Psamma villosa* и много *Synanchium acutum*, а на солончаковых равнинах изредка попадался цветущий кендырь. В одном месте встретился даже небольшой лес из разнолистного тополя-тогрука (*Populus diversifolia*). Джантак составляет любимый корм верблюдов, и Пржевальский дал возможность отдохнуть и хорошо подкормиться верблюдам каравана, разбив бивак на месте, где в изобилии имелось это растение.

В расстоянии около 40 км от оазиса начинается страшная пустыня Хамийская, которая залегла между Тянь-шанем с севера и Пань-шанем с юга, сливаясь на западе с пустыней Лоб-нора, а на востоке с центральными частями Гоби; расстояние от предгорий северной и южной окраины составляет немного больше 300 км. Орография местности такова: в своей середине пустыня представляет обширное вздутие (120 км в поперечнике), приподнятое на 1500—1600 м и перерезанное на северной и южной окраинах двойным рукавом хребтов Бей-шань. К северу и к югу от этого вздутия местность представляет собой волнистые и бесплодные равнины с двойными покатосями; в северной части (между Тянь-шанем и Бей-шанем) наименьшая покатость имеет абсолютную высоту 750—800 м, в южной (между Бей-шанем

и Нань-шанем) — 300—320 м (долина реки Булюнцзир) На южной равнине лежит и оазис Са-чжеу.¹

С третьего перехода караван вступил в пределы знаменитой пустыни Хами.

В отдалении временами вырисовываются причудливые миражи, а на горизонте отчетливо видно течение раскаленного воздуха, изменявшее очертание предметов вдаль. Часто по дороге и по сторонам ее пробегают вихри, поднимающие и крутящие столбы соленой пыли.

Щебень, галька и гравий устилают поверхность на всем видимом пространстве. Нет и намека на какую-нибудь растительность. Не видно также и животных; даже ящерицы и насекомые не попадают на глаза путникам. По дороге и вдаль от нее справа и слева валяются кости лошадей, мулов и верблюдов, полузанесенные пылью.

До самого оазиса Са-чжеу нет нигде хорошей воды: в плохих колодцах по всему пути вода соленая, иногда даже горько-соленая. Некоторое разнообразие в ландшафт этого утомительного маршрута вносят горы Бей-шаня. По ущельям и долинам встречается, хотя и бедная, растительность. Замечательной находкой здесь был новый вид хармыка *Nitraria sphaeogosa*, описанный впоследствии Максимовичем. Этот густоветвистый кустарник, в полметра высотой, был усыпан беловатыми прозрачными ягодами величиной в крупную

---

¹ Позднейшими работами русских ученых-путешественников (Потанина, Грумм-Гржимайло, В. А. Обручева) строение этой части Центральной Азии представляется значительно более сложным, чем наша орографическая характеристика, взятая из описания Пржевальского. Здесь не место входить в большие подробности. Скажем лишь, что заслуга Г. Е. Грумм-Гржимайло — его тщательные исследования Бей-шаня, о котором он говорит, как «о горной стране, бывшей материком в эпоху существования Ханхайского моря, как о системе гор, выдвинутой горообразовательными силами на поверхность земли в самые отдаленные эпохи и с тех пор отставшей в своем росте от соседних хребтов Тянь-шаня и Нань-шаня». (Описание путешествия в Западный Кигай, т. II, стр. 137). Громаднейший и ценнейший научный материал о географии Центральной Азии имеется в монументальных трудах акад. В. А. Обручева.

горошину. Внутри эти ягоды пустые и состоят лишь из продолговатого сухого зерна, окруженного тонкой, как бумага, оболочкой.

Перейдя сухое русло реки Булюнцзир, экспедиция вышла уже из пределов Хамийской пустыни и вступила в северную окрестность оазиса Са-чжеу.

Глава 12

ИЗ ЗАЙСАНА ЧЕРЕЗ ХАМИ В ТИБЕТ И НА ВЕРХОВЬЯ ЖЕЛТОЙ РЕКИ — ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

(Продолжение)

Расположенный на высоте 1128 м у северной подошвы исполинского хребта Нань-шаня, оазис Са-чжеу представлял самый резкий контраст с только что пройденной Пржевальским пустыней. В тени пирамидальных тополей, ильмов, ив, среди многочисленных садов плотно сосредоточено китайское население. Тщательно обработанные поля размещаются квадратными площадками между отдельными фанзами. Благодаря хорошо сооруженным арыкам, берущим воду из реки Дан-хэ, прекрасные урожаи здесь обеспечены от всяких случайностей погоды. Сеется более всего пшеница, горох, ячмень и лен; в меньших размерах — кукуруза, рис, чечевица, фасоль, конопля, арбузы и дыни. В садах чаще всего разводят яблони, груши и абрикосы.

Дикорастущих представителей флоры, однако, здесь немного. Наиболее обыкновенные — джантак, солодка, кендырь, касатик; тамариск и мохнатый тростник селятся на солончаковых необработанных площадках. К этому списку надо прибавить еще саксаул, — этим и исчерпываются растительные богатства оазиса.

Животный мир Са-чжеу также не разнообразен. Засеянные хлебом поля нередко страдают здесь от антилопы харасульта, делающей набеги из соседних пустынь. Птиц Прже-

вальский насчитывает всего 29 видов и отмечает любопытный факт: в оазисе совершенно отсутствуют перепела, полевые жаворонки, мухоловки, иволги, хотя местные условия для них были бы самыми благоприятными.

На южной стороне оазиса, не далее, как километров 5 от зеленеющих садов и полей стоит высокая гряда сыпучих песков. Эти холмы песков уходят далеко на запад, достигая песчаной пустыни Кум-таг; в Лобнорскую экспедицию Николай Михайлович подходил к этой пустыне с запада и был тогда от Са-чжеу в расстоянии каких-нибудь 300 км.

Дальнейший план Пржевальского состоял в том, чтобы идти в горы Нань-шаня, в течение месяца или полутора месяца исследовать его и, подыскав проводника, двинуться через Цайдам и Тибет. С проводниками дело обстояло, однако, очень плохо: власти Са-чжеу оказали экспедиции самый холодный прием, категорически отказали в проводнике в Тибет и с большим трудом можно было уговорить их, чтобы дали его хотя бы до гор Нань-шаня.

Ранним утром 21 июня караван тронулся с места стоянки.

Войдя в ущелье, отделяющее сыпучие пески от первых уступов хребта Нань-шаня, неожиданно встретили прекрасный ручей, с рощею могучих ильмовых деревьев. Это было, как выяснилось потом, священное место буддистов, называемое китайцами Чэн-фу-дун, т. е. «тысяча пещер». Действительно, в громадных обрывах наносной почвы западного берега ущелья были выкопаны на протяжении почти километра несколько сотен больших и малых пещер. Расположены они в два яруса, в южном конце прибавлен еще третий; сообщаются между собой посредством лесенок, довольно ветхих. Заведующий всей этой «святыней» монах сообщил, что пещеры сооружены очень-очень давно, при династии Хань. Работа была, повидному, очень трудная: в отвесном обрыве надо было выкопать пещеру и оштукатурить ее внутри глиною. Верхние своды пещер и стены их покрыты изображениями божков. Малые пещеры имеют длину 8—10 м, ширину 6—8 м и высоту 8 м; большие пещеры

вдвое больших размеров. В каждой пещере против входа помещен в сидячем положении Будда, в больших пещерах поставленный по середине на особом возвышении; по бокам и позади его помещены скульптуры меньших размеров и не столь важного ранга, как Будда. В одной из пещер, самой большой, поставлен Будда огромных размеров: 28—30 м вышины. Это изображение Будды обезображено дунганами-мусульманами. Некоторые скульптуры поставлены в лежачем положении. Все это сделано из глины, с примесью тростника.

«Перед входом в главные пещеры, — описывает Николай Михайлович, — а иногда внутри их помещены глиняные же изображения разных героев, часто с ужасными, зверскими лицами. В руках они держат мечи, змей и т. п.; в одной из пещер такой герой сидит на слоне, другой на каком-то баснословном звере. Кроме того, в одной из пещер поставлена большая каменная плита, вся исписанная по-китайски, сверху ее и на сторонах видны какие-то крупные надписи, непонятные для китайцев, как нам сообщал провожавший хэшен (монах)... Таинственный мрак царствует в особенности в больших пещерах; лица идолов выглядывают какими-то особенными в этой темноте. Понятно, как сильно должна была действовать подобная обстановка на воображение простых людей, которые некогда, вероятно во множестве, стекались сюда, чтобы поклониться воображаемой святыне».¹

Осмотрев пещеры, и сделав трудный обход сыпучих песков, Пржевальский вышел на равнину возле ключа Да-чуань, откуда дальнейший путь лежал, по уверению проводников, только на р. Дан-хэ. Оказалось, маршрут этот умышленно намечен проводниками, конечно, по предписанию властей Са-чжеу, в надежде, что экспедиция отступит перед трудностями движения в горы и вернется в Са-чжеу. Расчет, разу-

---

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 102.

меется, не оправдался: Николай Михайлович прогнал проводников и решил сам искать путь в горы, до которых было уже недалеко. Для этого были снаряжены два разезда на верховых лошадях: в один из них послан был Иринчинов с препаратором Коломейцовым, в другой отправился сам Пржевальский с Урусовым. Этот простой, очень удачный по результатам способ впоследствии практиковался много раз и всегда с большим успехом. Снаряжение в такой «поход» бралось несложное: небольшой котелок для варки чая, немного дзамбы — вот и все; войлок из-под седла должен был служить постелью, седло — изголовьем. С такой легкой «амуницией» можно было пробраться решительно везде, в самых недоступных и диких горах, в трудных местах сходя с лошади и пробираясь пешком. Делая километров пятьдесят в день (летом), в три — четыре дня можно обследовать большой участок и разыскать удобный путь. «Главное, — замечает Пржевальский, — делаешься сам хозяином пути и не нуждаешься в проводниках, по крайней мере в тех местах, где этих проводников затруднительно или вовсе невозможно достать».

В свою Лобнорскую экспедицию Николай Михайлович сделал, как помнит читатель, важное географическое открытие: исследованием громадного хребта Алтын-тага определена неизвестная до тех пор связь между Куэнь-лунем и Нань-шанем и выяснилось в общих чертах положение северной ограды всего Тибетского нагорья. В результате этого открытия Тибет обогатился придатком почти на 3 градуса широты; Цайдам оказался замкнутой высокой котловиной, а Куэнь-луень, протянувшийся, по старым картам, от верховьев Яркенд-дарьи внутри собственного Китая — только западной своей частью оградил высокое Тибетское плато к стороне низкой Таримской пустыни. Открытый Пржевальским Алтын-таг, оказывается, служит оградой Тибетского плато и соединяется с одной стороны с Куэнь-лунем посредством Тогуз-

дабана, с другой — с Нань-шанем, протянувшимся от Са-чжеу до Желтой реки.¹

Таким образом, непрерывная гигантская ограда хребтов тянется от Желтой реки до Памира; эта ограда отграничивает собою с севера самое высокое поднятие Центральной Азии и делит ее на две резко различающиеся части: Тибетское нагорье на юге и Монгольскую пустыню на севере. «Нигде более на земном шаре нельзя встретить, — говорит Пржевальский, — на таком обширном пространстве столь резкого различия двух рядом лежащих стран. Горная гряда, их разделяющая, часто не превосходит нескольких десятков верст в ширину, а между тем по одну и по другую ее сторону местности, совершенно различные по своему геологическому образованию и топографическому рельефу, по абсолютной высоте и климату, по флоре и фауне, наконец, по происхождению и историческим судьбам народов, здесь обитающих».²

Нань-шань, самый восточный отрезок великой горной цепи, тянется от верхней Хуан-хэ к западу и состоит из нескольких параллельных хребтов, образуя грандиозную альпийскую страну, более всего расширенную к северу и северо-западу от оз. Куку-нор. Долина реки Бухайн-гол отделяет Нань-шань от Южно-Кукунорского хребта. В своей расширенной части горы местами переходят за пределы вечного снега; наиболее суживаются они на меридиане Са-чжеу, близ снеговой группы Анембар-ула.

В 100 км восточнее этой группы (также на главной оси гор) встает громадный вечно-снеговой хребет, простираясь более чем 100 км в направлении от запада-северо-запада к востоку-юго-востоку. С востока к этому хребту примыкает под некоторым углом другая горная цепь, несколько мень-

---

¹ Более детальное изучение упомянутых горных систем было предпринято Пржевальским же в его четвертом путешествии, о чем будет сказано дальше, и целым рядом позднейших путешествий и русских и (в меньшей степени) иностранных ученых.

² Из Зайсана через Хаму в Тибет, стр. 110—111.

шая по длине, но также приподнятая за пределы вечного снега, этот хребет южной своей частью упирается в пустыню северного Цайдама, около оз. Ихэ-цайдамин-нор. У местных жителей ни тот, ни другой хребет не имеют своего названия; на европейских картах ни названий, ни самих хребтов тоже не было. Пользуясь правом первого исследователя, Пржевальский назвал, там же на месте, снеговой хребет, протянувшийся по главной оси Нань-шаня, хребтом Гумбольдта, а другой, расположенный под углом к первому — хребтом Риттера — в честь известных ученых географов первой половины XIX века.¹

Средний пояс северного склона Нань-шаня имеет совершенно пустынный характер; горные скаты везде круты, местами почти отвесны; орошение, вследствие сухости климата, очень бедное, поэтому лесов нет, и флора вообще бедна, в особенности по высоким равнинам между цепями гор. Только в самом соседстве с альпийским поясом появляются мелкая полынь, ковыль, бударгана, дырисун; тут же найден новый вид реомюрии. На горных скатах среднего пояса Нань-шаня растут те же невзрачные представители флоры, с добавлением некоторых *Salsola*, астрагала, курильского чая и кипца. В горных долинах растительность несколько богаче: здесь мы находим тамариск, хармык, красивый сабельник, тальник, облепиху. Эти кустарники нередко обвиты ломоносом, с его густой шапкой желтых цветов. Из трав можно встретить некоторые злаки (*Hordeum pratense*, *Triticum strigosum*), лапчатку, колокольчик, *Adenophora gmelini*, местами ремень и хорошенькую генециану. В долинах попадаются ключи, около которых ютится тро-

---

¹ «В китайских географиях, — замечает Николай Михайлович, — быть может и существуют названия для новооткрытых хребтов, но европейская география, во всяком случае, не знала их» (до Пржевальского). Положение хребта Риттера было определено точнее позднейшими путешественниками и исправлена ошибка Пржевальского, считавшего хребет Риттера идущим под прямым углом к хребту Гумбольдта. См. превосходную карту Роборовского и Козлова экспедиции 1893—1895 гг.

стник, а на болотистых лужайках растут несколько видов лютика, синий зверобой и некоторые другие растения, любящие влагу.

Животная жизнь гор Нань-шаня не разнообразна и не богата.¹ Из крупных зверей следует отметить куланов, которые здесь живут местами в большом количестве.

Заметно богаче растительный мир альпийского пояса Нань-шаня. Этот пояс можно разделить на 3 части: область альпийских лугов, область каменных россыпей и область вечного снега.

Альпийские луга Нань-шаня всего привольнее раскидываются там, где они укрыты от сильных ветров горами и при этом орошены горными речками или хотя бы ключами. Пржевальский нашел здесь пестрый ковер цветов, иногда сплошь покрывавший значительные площади, так как в июле, когда экспедиция была в этих горах, стояла отличная погода и была пора самой энергичной жизни альпийской зоны.

Выше 3800 м альпийское поле лугов переходит в каменные россыпи, в нижней части которых встречается довольно разнообразная горная флора.

На высоте 4480 м начинается уже пояс вечного снега.

Из крупных зверей в альпийской области водятся кукуяматы и дикий як. Охоты на них оказались неудачными: животных было мало.

Метеорологические наблюдения в горах Нань-шаня навели Пржевальского на ряд мыслей об общем характере климата Центральной Азии, мыслей, представляющих собой крупное научное обобщение.

Самое характерное в климате сачжеуского Нань-шаня — его сухость. Даже в альпийской области дожди падают редко; в течение июля дождливых дней насчитывалось всего 8, и только 3 из них были с сильными дождями. Погода большею частью стояла ясная, воздух был наполнен

---

¹ Более поздние исследования Роборовского и Козлова дали иную картину.

пылью, поднятой из соседней пустыни. Ветры, умеренной силы, дули почти исключительно с северо-запада, чаще всего днем, часов с 10 утра до заката солнца. Температура днем в июле (в среднем поясе гор) поднималась до $+20.0^{\circ}$ в тени; ночи — всегда прохладные. Росы в горах не падало вовсе, даже в альпийской области. Грозы очень редки.

Если помнит читатель, климат гор Гань-су (восточная часть Нань-шаня) имеет совершенно иные черты. Там летом постоянные дожди и затишья или ветры юго-восточные; часты также и жары — так было в июле. В западном же Нань-шане сачжеуском ветры преобладают северо-западные, гроз почти не бывает, дожди редки, и сухость воздуха очень велика.

Такое несходство в климате двух смежных областей Пржевальский объясняет тем, что восточный Нань-шань находится под влиянием летнего юго-восточного китайского муссона, который осаждаёт здесь свою последнюю влагу и прекращается. На верховьях же Хуан-хэ и частью на оз. Куку-нор сильные летние дожди приносятся западо-юго-западными ветрами из Тибета. Это, по мнению Пржевальского, — юго-западный индийский муссон, приносящий свою влагу из-за Гималаев. Район распространения этого муссона не захватывает местностей, лежащих к западу от Куку-нора; западный Нань-шань, как и Алтын-таг, вероятно, находятся вне области периодических дождей. Эти местности подвержены непосредственному воздействию пустынь Хамийской и Лобнорской. Сильно нагревающийся летом в пустынях воздух образует восходящий ток и обусловливает движение воздушных масс в западном Нань-шане северо-западного направления, а в верхнем поясе южного склона Тянь-шаня — южного и юго-западного. И еще признак объединяет эти две области (Тянь-шань и западный Нань-шань): ветры одинаково сухи и одинаково слабы по своей напряженности.

Климатические контрасты западного и восточного Нань-шаня заставили Пржевальского пристальнее вдуматься в географическую физиономию всего этого района.

«Если будем продолжать сравнения восточного и западного Нань-шаня, то найдем еще большую между ними разницу. В общем, восточный Нань-шань весьма походит на соседние горы западного Китая, тогда как сачжеуский Нань-шань представляет, подобно Алтын-тагу, хребет центрально-азиатской пустыни.

«При одинаковом почти направлении с запада на восток, с небольшим притом уклонением к югу, сачжеуский Нань-шань выше, нежели Нань-шань восточный и поэтому гораздо обильнее вечными снегами. Притом здесь везде высокие пустынные долины, которых нет в восточном Нань-шане (обширная равнина, залегающая в восточном Нань-шане по р. Чагрын-гол, представляет плодородную степь, а не пустынное плато, каковыми являются почти все значительные долины сачжеуского Нань-шаня). Этот последний изобилует скалами, состоящими из гнейса, сланцев, известняков и фельзита; изредка встречается красный гравий. В сачжеуском же Нань-шане скал очень мало; каменные породы в среднем и нижнем поясе гор замаскированы наносною галечною и лёссовою почвою. В альпийской области хребта Гумбольдта исключительно преобладает крупно-зернистый гранит, которого нет в восточном Нань-шане».¹

Дальнейшее сравнение обеих частей Нань-шаня укрепляет в мысли о их несходстве. Прежде всего это относится к растительности: восточный Нань-шань, в особенности на своих северных склонах, покрыт густыми лесами разнообразных деревьев и кустарников; альпийская его область богата рододендронами и превосходными лугами. В западном Нань-шане нет ни одного дерева, всего с десятков видов большею частью уродливых кустарников, а среди трав мало разнообразия даже в альпийской области. В горах западного

¹ Из Зайсана через Хами и Тибет, стр. 120—121.

Нань-шаня Пржевальский собрал всего 120 видов цветущих растений (в лучшую пору летнего сезона), в восточном же им добыто около 450 видов. Общими той и другой части Нань-шаня оказались очень немногие виды.

То же самое надо сказать и о фауне. Восточный Нань-шань, правда, как и западный, не богат млекопитающими, но зато леса Гань-су полны различных птиц, в особенности певчих. В горах восточного Нань-шаня (Гань-су) найдено 150 видов пернатых, в западном — всего 59 и, что особенно важно, всего 28 видов оказались общими для обеих частей Нань-шаня. В реках Гань-су водятся рыбы, в речках западного Нань-шаня их вовсе нет.

«Вообще, — заключает свой географический обзор Пржевальский, — Нань-шань близ Са-чжеу и тот же Нань-шань к северу и северо-востоку от озера Куку-нора так различны по своему топографическому и отчасти минералогическому характеру, в особенности же по климату, флоре и фауне, как будто это горы двух совершенно различных систем, удаленных между собою на тысячи верст... Взамен тенистых лесов, пахучих лужаек и светлых ручьев, густо обросших кустарниками; взамен неумолкаемого пения птиц, как то некогда было в горах Гань-су, мы встретили в сачжеу-ском Нань-шане дикие каменные россыпи, голые глинистые горы и серые безжизненные долины. Не на чем было отдохнуть глазу, нечего послушать для уха... Только однообразный шум горных потоков нарушал гробовую тишину здешних местностей, а из живых звуков изредка слышалось хлопотанье каменных куропаток, карканье ворона или пискливый крик клушицы; в альпийской же области раздавался громкий голос уларов и свист сурков.¹

---

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 122. Горная система Нань-шаня простирается еще далеко на восток от маршрута Пржевальского. Вся эта сложная страна далеко еще не изучена даже в крупных чертах.

На большом протяжении с запада на восток тянется северо-восточный уступ Тибетского нагорья — Цайдам, знакомый уже Пржевальскому по его первому путешествию, когда он направлялся к северному Тибету с оз. Куку-нор. На этот раз путешественник вступал в эту страну с севера, со стороны Сыртынской долины. Отсюда Цайдам ограждается хребтами, принадлежащими к системам Нань-шаня и Алтын-тага; с юга еще более рельефной границей служит громадная цепь гор (в западной части называемая Бурхан-будда), которая тянется далеко к востоку под различными названиями, достигая гор, расположенных в верховьях Хуан-хэ.

При весьма значительной длине (свыше 800 км) Цайдам ширину имеет в восточной своей части около 100 км; приблизительно такая же ширина его и в западной части, в середине же он расширяется довольно заметно; вся площадь таким образом приобретает яйцевидную форму. Вся эта страна поднята на высоту 2900—3400 м над уровнем моря и состоит из двух довольно резко различающихся между собой частей; на юге — более низкая и совершенно ровная, изобилующая ключевыми болотами, почти сплошь покрытая солончаками, а на севере состоит из местностей гористых, в общем более возвышенных, с большими совершенно бесплодными площадями глинистыми, галечными, иногда солончаковыми.

Население этой страны составляют монголы, принадлежащие к олютам (как и кукунорцы). В восточном и южном Цайдаме часто встречается помесь с тангутами, изредка — с китайцами.

Одеждою как мужчин, так и женщин служат халаты, изготовляемые из войлока. Панталоны из бараньих шкур носят только зимою; рубашек и нижнего белья вообще не носят. Баранья шапка с отвороченными полями служит им головным убором зимою, летом же обвертывают голову красным кушаком наподобие чалмы. Женские и мужские костюмы почти ничем не отличаются. Главное занятие

жителей — скотоводство: разводят баранов, лошадей и рогатый скот; в меньшем количестве содержатся здесь яки и верблюды. Летом, когда в болотах Цайдама появляются мириады насекомых, стада угоняются в окранные горы, осенью же возвращаются в равнины на болотистые луга и откармливаются выросшею в течение лета травой.

В период дунганского восстания, когда связи с китайцами резко нарушились, цайдамцы занялись частью и земледелием: возле оз. Курлык-нор, на реках Номохун-гол, Булунгир стали сеять ячмень и пшеницу, дающие довольно хороший урожай. Хлеб идет на приготовление дзамбы для собственного пропитания. Обычную пищу составляют: чай, молоко, масло и (у зажиточных) баранина. Важным подспорьем служит также хармык, ягоды которого едят свежими и сушат впрок.

Соседство хара-тангутов и нголоков доставляет немало беспокойства цайдамским монголам. Стойбища их нередко подвергаются нападениям и разграблению этими племенами, носящими общее имя орынгыи. Нападающие отнимают скот, хлеб и разное имущество. Для защиты от набегов монголы в каждом хошуне выстроили нечто вроде крепостей, огражденные глиняными стенами загородки квадратной формы, «хырмы». Сюда складываются лишние пожитки, запасы хлеба и загоняется скот, когда пройдет слух о готовящемся нападении. Если успевают скрыться за этой примитивной оградой, орынгыи, не пытаясь даже взять штурмом или осадой столь слабую «крепость», едут обыкновенно далее, рассчитывая захватить где-нибудь врасплох, что нередко и удается им. В этих разбоях в огромной степени повинна китайская администрация, так как в случае столкновений за каждого убитого орынгыи монголы должны платить большой штраф его семейству, — таков закон, установленный амбанями (губернаторами), с которыми грабители делятся своей добычей. Население, не успевшее во время набега скрыться со своим добром за стенами «хырмы», прячется в зарослях тамариска и хармыка, загоняет туда же скот,

а хлеб и лишние пожитки зарывает в землю. Орынгыны, однако, имеют волчье чутье и нередко разыскивают скот, забирают его и гонят восвосяи.

Лучшим местом во всем северном Цайдаме является равнина Сыртын. Эту равнину, впрочем, правильнее было бы отнести к системе Нань-шаня, так как она составляет его южный уступ, — собственно переход к Цайдаму. Здесь лежат два больших соляных озера: Бага-сыртын-нор и Ихэ-сыртын-нор; питаются эти озера водами снеговых хребтов Анембарула, Гумбольдта и Ритера. В промежутках между озерами, в небольших ямках, залегают соль слоями в 5—10 см толщины, чисто белая и отличного вкуса. В восточной части сыртыньских болот, на их окраинах, на влажной глинисто-песчаной почве в изобилии растет колосник (*Elymus junceus*). Во множестве здесь водятся куланы и хара-сульты. Довольно много встретили путешественники и птиц, особенно радовали их громкие и мелодичные песни тибетских жаворонков. В этих благоприятных для скотоводства местах живет довольно много монголов, встретивших Пржевальского очень приветливо. Закупили здесь баранов, масла, молока и даже приискали хорошего проводника, вызвавшегося итти с караваном до ставки курлыкского князя (бэйсе); проводить их в Тибет, однако, отказались из страха перед князьями.

Через день по прибытии путешественников на р. Балгынгол приехал с противоположной стороны озера Курлык-нор и местный князь. При свидании, после обычных взаимных расспросов о благополучии пути, состоянии стад и т. п., Пржевальский, не теряя времени, сразу же перевел разговор на тему о проводниках, верблюдах, продовольствии и т. д. К крайнему удивлению и огорчению Николая Михайловича, бэйсе начал отказывать во всем, под разными предлогами. Весьма возможно, что князь не только выполнял волю китайского начальства, но и действительно был небогат. «Но все же, чтобы сразу покончить эту вздорную болтовню, — рассказывает Пржевальский, — я велел своему толмачу монгольского языка и главному дипломату при всех сношениях с монго-

лами, уряднику Иринчинову, передать князю, что уже не в первый раз путешествую в этих местах, знаю хорошо, что в Тибет из Цайдама постоянно ходят монголы и что, опираясь на свой пекинский паспорт, я не только прошу, но даже требую от бэйсе, конечно, не даром, снабдить нас проводником и всем необходимым на дальнейший путь. Срок такого ультиматума был назначен на завтра. В противном случае я грозил князю, во-первых, жаловаться на него в Пекин (конечно, бесполезно), а во-вторых, отнять силою необходимое нам продовольствие». Переводчик Иринчинов от себя еще добавил относительно ожидающей князя экзекуции.

На другой день последовал тот же упрямый отказ удовлетворить требование, «... и, — рассказывает Пржевальский, — тогда я разругал князя и его ближайших советников, велел им убираться вон из моей палатки и грозил тотчас же прибегнуть к еще более крутым мерам». Выгнанный из палатки князь и его приближенные, отойдя немного, уселись в кружок, несколько времени советовались и объявили, что готовы исполнить требование, за исключением проводника в Тибет, обещая довести караван до соседнего князя Дзун-засака.

В течение двух дней шла закупка войлочной юрты, 15 баранов, 6 пудов дзамбы, 15 пудов ячменя и разных мелочей сваржения.

По пути к Дзун-засаку экспедиция исследовала довольно обширное оз. Тосо-нор, где встретилось довольно много уток, турпанов и лебедей. Окружность озера — около 100 км.

На одном из переходов Пржевальский отметил в своем метеорологическом дневнике характерную черту климата этих мест: 1 (13) сентября жара (в тени) доходила до $+26.8^{\circ}$. Тем не менее, в следующую ночь при сильной буре с юго-запада, повалил снег. 2 (14) сентября утром буря свирепствовала с такой силой, что, несмотря на крайне неудобную стоянку, караван все же не мог двинуться с места до полудня. В полдень ветер сразу стих, и путешественники могли двинуться дальше.

Вскоре экспедиция добралась до главной реки Цайдама — Баян-гол, «богатой реки». Берега реки довольно густо поросли кустарниками, среди которых преобладали хармык (*Nitraria schoebergi*) и тамариск (*Tamarix pallasii*). Оказалось здесь же много рыбы, из них два новых вида (род *Netastichilus*), а также встретился новый вид фазана, впервые добытый Пржевальским в свою первую экспедицию в Центральную Азию.

Свидание с владетельными князьями Дзун-засака и Бурун-засака доставило Николаю Михайловичу немало неприятностей, но настойчивость и решительность путешественника в конце концов увенчались успехом: были добыты и верблюды, и продовольствие, и проводники в самый Тибет.

«Грандиозная природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны, — ознаменовали себя тем же духом подавляющей массивности и в обширном нагорье, наполняющем южную половину центральной части этого континента и известном под именем Тибета. Резко ограниченная со всех сторон первостепенными горными хребтами, названная страна представляет собою, в форме неправильной трапеции, грандиозную, нигде более на земном шаре в таких размерах не повторяющуюся, столовидную массу, поднятую над уровнем моря, за исключением немногих окраин, на страшную высоту от 13—15 тыс. футов (3952—4560 м). И на этом гигантском пьедестале громоздятся сверх того обширные горные хребты, правда, относительно невысокие внутри страны, но за то на ее окраинах развивающиеся самыми могучими формами диких альпов. Словно стерегут здесь эти великаны трудно доступный мир заоблачных нагорий, неприветливых для человека

по своей природе и климату и в большей части еще совершенно неведомых для науки».¹

Такими широкими чертами характеризует континент Азии Пржевальский, — путешественник и ученый, более чем кто-либо другой приподнявший завесу над таинственной и запретной областью Центральной Азии. Трижды предпринимал он свои ученые походы на Тибетское нагорье, и наука обязана ему первыми надежными и точными сведениями по географии этой страны и достоверными материалами о ее природе, — животном и растительном мире.

Общий характер Тибета, это, — по счастливому выражению Пржевальского, — отсутствие в его строении мелкой мозаики, «широко-размашистый план» его сложения.

В крупных чертах Тибет может быть разделен на три очень между собою различающиеся части: северную, представляющую сплошное столовидное плато, южную, с ее высокими долинами верховьев Инда, верхнего Селледжа и верховьев Брамапутры, и восточную, заключающую в себе альпийскую страну, далеко вдающуюся внутрь собственно Китая.

Наименее исследованной частью Тибета надо считать, пожалуй, и до настоящего времени восточную; в меньшей степени это относится к южной части. Наилучше изученным является район северного в некоторой части и северо-западного Тибета трудами, главным образом, русских ученых.

На юге резко очерченной границей Тибета служит величайшая горная цепь земного шара — Гималаи, на севере окаймляет его сплошная система гор Алтын-тага и Нань-шаня, а становым хребтом является величественная цепь Куэнь-луня, которую можно грубо разделить на три части: западный, средний и восточный Куэнь-лунь, причем последний почти целиком выходит уже за пределы Тибета, простираясь на территории собственно Китая. Еще Рихтгофен (China, I, стр. 225) делит Тибет меридиональной линией от оз. Тенгри-

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 174.

нор до верховьев Желтой реки на две половины; к западу от этой линии залегает сплошной массой плато, лишенное резкого рельефа на своей поверхности и не имеющее, кроме небольшой восточной части, вод, стекающих в море. Это классическая бессточная область, пустынная и пустынно-степная. К востоку от указанной черты местность, понемногу теряя свой столовидный характер, представляет собой грандиозную альпийскую страну, где хаотически переплетаются системы Куэнь-луня, китайских и индо-китайских хребтов.

Северная ограда Тибета (и Цайдама) слагается из Яркендской дуги, Русского хребта, Алтын-тага и Анембар-ула. Начиная, примерно, с 84—85 меридиана (от Гринича к востоку), под острым углом к северной ограде, идут хребты Узун-таг, Тогуз-дабан — Чимен-таг, Южно-Цайдамский, Колумба, Пржевальского; и далее, смыкаясь с системами среднего и восточного Куэнь-луня — хребты Бурхан-будда, Марко Поло, Куку-шили, Думбуре, Баин-хара-ула. Самой южной цепью в этом грандиозном сплетении хребтов являются горы Тан-ла, — крайний пункт в Тибете, которого достигал Пржевальский. С этого хребта берет начало Ян-цзы, Голубая река, под названием Мур-усу. Южнее располагается область внутренних озер Тибета («священный» Тенгри-нор, Чаргун-чо и др.), а с гор Тан-ла Николай Михайлович мог уже видеть сверкающие вершины Трансгималаев и Гималаев, дающих начала священным рекам Индии — Брахмапутре, Инду и Гангу. На берегу реки Уй-мурени, по-тибетски Ки-чю, расположен город Лхасса — столица Тибета и резиденция далай-ламы, главы буддистов.

В северо-восточной части Тибета лежит альпийское оз. Куку-нор и вздымается колоссальная система гор Наньшаня.

Обратимся теперь к нашим путешественникам.

Перед отправлением в Тибет караван сформировался из 35 верблюдов и 5 верховых лошадей, был взят достаточ-

ный запас продовольствия и нанят проводник по рекомендации цайдамских князей, — рекомендации весьма лукавой и нечестной, как оказалось впоследствии. Желание князей отклонить Пржевальского от дальнейшего путешествия было так сильно, что они еще раз предприняли попытку остановить его, когда экспедиция уже подошла к р. Номохун-гол. К стоянке Николая Михайловича из Дзун-засака прислали нарочного с предложением итти в западный Цайдам, в Тайджинерский хошун, для устройства облавы на медведей, которых в это время было действительно много на Баянголе; там же князья обещали найти лучшего проводника. Предложение это исходило из тонкого расчета: подметив охотничью страсть Пржевальского, хотели охотой отвлечь его от нежелательного маршрута. Но Николай Михайлович не поддался. Так же не остановили наших путешественников запугивания разбойниками, поджидающими караван в горных ущельях, глубокими снегами, которые, по местным приметам, должны были выпасть в Тибете предстоящей зимой, разными болезнями, подстерегающими их на непривычных высотах. Немало и других бед сулили им цайдамские монголы. Все эти ухищрения оказались, однако, бессильными и не поколебали твердой решимости отважных путешественников.

12 (24) сентября 1879 г. бивуак возле хырмы Дзун-засака в южном Цайдаме был снят, и караван направился к ущелью р. Номохун-гол, в обход высокого перевала через хребет Бурхан-будда.

Оставив позади себя хребет Бурхан-будда, экспедиция пришла в урочище Дынсы-обо, лежащее на высоте 3982 м. «Таким образом, — пишет Пржевальский, — мы попали телерь на Тибетское плато или, вернее, на последнюю к нему ступень со стороны Цайдама. Характер местности и всей природы круто изменился. Мы вступали словно в иной мир, в котором прежде всего поражало обилие крупных зверей, мало или почти вовсе не страшившихся человека. Невдалеке от нашего стойбища паслись табуны куланов, лежали

и в одиночку расхаживали дикие яки, и в грациозной позе стояли самцы оронго; быстро, словно резиновые мячики, скакали маленькие антилопы-ада. Не было конца удивлению и восторгу моих спутников, впервые (кроме урядника Ирнчинова, бывшего со мною в северном Тибете зимою 1872—1879 гг.) увидевших такое количество диких животных».¹

По долине среднего течения р. Шуги оказались хорошие пастбища, привлекавшие массу травоядных зверей.

Долина реки интересна не только обилием животных: имея только километров пять ширины, местами же и того менее, она тянется на протяжении более 100 км в прямом западном направлении ровной площадкой исполинской дороги между двумя громадными хребтами гор, Гурбу-гундзуга и Гурбу-найджин с одной стороны и Марко Поло — с другой. Восточным перевалом эта долина выходит на плато Чюм-чюм, поднятое на огромную высоту около 5000 м; во все время дальнейшего пути по Тибету местность не спускалась уже нигде ниже 4300 м.

«Неприветливо встретило нас могучее нагорье, — пишет Пржевальский в своем отчете. — Как теперь помню я призывавшую до костей бурю с запада и грозные снеговые тучи, низко висевшие над обширным горизонтом, расстилавшимся с перевала Чюм-чюм; как теперь вижу плаксивую физиономию нашего проводника, бормотавшего, стоя рядом со мной, молитвы и сулившего нам всякие беды. Кто знает, думалось мне тогда, что ожидает нас впереди? Лавровый ли венок успеха или гибель в борьбе с дикою природою и враждебными лодьями?»

Положение было действительно трудное.

За перевалом Чюм-чюм проводник заявил, что дальше он дорогу знает плохо, так как очень уже давно не ходил по ней.

«Худо впереди будет; все мы погибнем, лучше теперь

---

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 202.

назад вернуться», — твердил монгол в ответ на расспросы и понукания.

В довершение бед, в ночь на 3 (15) октября выпал глубокий снег. Караванные животные не могли отыскивать себе корма, голодали, и с голоду верблюды съели несколько выючных седел, набитых соломой. Крайне трудно приходилось и путешественникам. Единственное топливо в Тибете, — аргал, — покрыт был снегом, отыскать его было очень трудно, а когда находили — разжечь его было очень хлопотливо: отсыревший, он горел слабым огнем. Приходилось сидеть или в дыму, или в холодной юрте без огня; с большими трудностями варили чай и мясо для еды. Часто поднималась метель, и караван должен был останавливаться, отойдя каких-нибудь 8—9 км от прежнего бивака. К счастью, после одного из переходов нашли место, обильное травой, так что не надо было сильно тревожиться за участь караванных животных. «Тем не менее, положение наше становилось весьма серьезным, — рассказывает Николай Михайлович. — Выпавший снег не таял, а ночной мороз вдруг хватил на 23°. Трудно было надеяться, что все это скоро кончится; наоборот, следовало ожидать еще худшего в будущем. Тем более, что ежедневно мимо нашего стойбища проходили большие стада зверей, в особенности яков, которые направлялись на юго-восток в более низкую и теплую долину Мур-усу. «Звери предчувствуют тяжелую зиму и уходят отсюда», — говорил наш проводник. «Худо нам будет, погибнем мы», — говорил он, вместо того, чтобы посоветовать что-либо в данном случае. Впрочем, он попрежнему постоянно давал один совет — возвратиться в Цайдам, но об этом я не хотел и слышать. «Что будет, то будет, а мы пойдем далее», — говорил я своим спутникам и к величайшей их чести все, как один человек, рвались вперед. С такими товарищами можно было сделать многое!».

От нестерпимого блеска снегов разболелись у всех глаза. Казаки завязали глаза синими тряпками, а монгол проводник прядью волос из черного хвоста дикого яка. Этот способ

защиты глаз, употребляемый монголами и тангутами, оказался самым действительным.

Небольшими переходами равниной р. Напчитай-улан-мурень скоро добрались до хребта Куку-шили. По ночам мороз достигал 20°, но днем солнце светило и грело довольно сильно; от действия солнечных лучей кое-где начали показываться проталины. На проталинах поймали с десятка маленьких юрких ящериц, несколько раз видели пролетных птиц — турпанов, диких гусей (*Anser indicus*), даже горихвосток и песочников. Особенно обрадовались путешественники встрече с медведями, еще не ложившимися в спячку (знак, что морозы и непогоды не предвещали еще скорого и прочного наступления зимы) вопреки предсказаниям цайдамцев.

Драгоценной добычей в этих горах явились медведи-пищухеды (*Ursus lagomys*), новый для того времени вид. Пржевальский предлагал дать ему имя *Ursus hipernefes*, медведь заоблачный, так как он обитает на плоскогорьях не ниже 4200 м абсолютной высоты. От нашего обыкновенного медведя он отличается главным образом качеством меха и цветорасположением. Грудь у него рыжеватобелая; от нее через плечи на загривок, на половину обхватывая с передней стороны холку, проходит широкая белая полоса. Голова светлорыжая, морда еще светлее. Ноги почти черные, когти белые. Окраска медведицы гораздо светлее, так как концы волос на ее туловище более длинные и почти белые. Вышина медведя самца около 1 м 10 см.

Питается этот медведь травами и более всего пищухами (*Lagomys*), которых он усердно выкапывает из нор.

В болотах Цайдама в августе созревают ягоды хармыка, и медведи во множестве спускаются с соседних гор полакомиться вкусной пищей.

С горами Куку-шили связан печальный эпизод путешествия.

Проводник-монгол все хуже и хуже выполнял свои обязанности, раздражал Пржевальского своей бестолковостью,

вялостью и незнанием дороги (настоящим или притворным, трудно сказать). Наконец, после нескольких особенно тяжелых блужданий, терпение Пржевальского истощилось и он решился на жестокую меру: монголу дано было немного продовольствия и приказано убираться, куда знает. Путешественники решили идти вперед, разъездами отыскивая путь. «Правда, подобное решение, — говорит Николай Михайлович, — представляло в перспективе много риска и трудов, но иного исхода при данных обстоятельствах не было. Все равно, незнающий пути вожак нас только бы обманывал и бог знает куда бы завел; затем, при встрече с тибетцами несомненно бы оклеветал. Теперь же, уповая лишь на самих себя, мы поневоле должны были осторожно ориентироваться в пути, и если могли ошибаться, то по крайней мере неумышленно. Нельзя утвердительно сказать: нарочно ли, или по действительному незнанию пути, завел нас проводник в трудную местность гор Куку-шили. Всего вернее, что плохой вожак, — когда наверное имелись в Цайдаме десятки людей, отлично знающих путь в Лхассу, — послан с нами для того, чтобы вести нас кое-как, изморить наших верблюдов и через то принудить возвратиться в Цайдам.

«... Как бы то ни было, но положение наше в это время оказалось весьма трудным. Прискорбно было даже подумать, что от какого-нибудь негодяя, не стоящего доброго слова, зависел довольно много успех славного дела, для которого уже было понесено столько трудов и лишений. Но видно такова участь всех моих путешествий в Центральной Азии, что судьба каждого из них не один раз должна была висеть на волоске».¹

---

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 219—220. Мы считали необходимым довольно подробно остановиться на этом эпизоде путешествий Пржевальского. Суровая мера, принятая путешественником, требует разъяснения и оправдания. Изгнание проводника в пустынях Тибета представляет тяжелый случай. Приводимая нами выдержка из отчета Николая Михайловича вскрывает, нам кажется, «психологическую» и деловую обстановку этого эпизода. Во всяком случае, не личное раздражение, не

Глава 13

ИЗ ЗАЙСАНА ЧЕРЕЗ ХАМИ В ТИБЕТ И НА ВЕРХОВЬЯ ЖЕЛТОЙ РЕКИ — ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

(Окончание)

Без проводника, разъездами отыскивая путь, экспедиция, пройдя хребет Думбуре и Цаган-обо, вышла к берегам Мур-усу — в верховье знаменитой Голубой реки, Ян-цзы-цзяна. Долина этой реки имеет климат значительно более мягкий, чем пройденные путешественниками горы и нагорья, а растительность довольно сносную. Здесь вволю поохотились на диких яков, куланов и антилоп. На правом берегу верхнего течения Мур-усу местность постепенно начинает повышаться к югу и образует здесь обширное плато, быть может, одно из самых высоких в северном Тибете. По гребню плато тянется с востока на запад вечно снеговой хребет Тан-ла; этим же именем обозначается обыкновенно и самое плато. Тан-ла разделяет собой истоки величайших рек восточной Азии: Ян-цзы-цзяна с одной стороны, Меконга и Салуэна — с другой.

Здесь впервые с Цайдама путешественники встретили кочевое население: то были еграи — одно из тангутских племен. Вот как рисует Пржевальский внешний облик этого народа: длинные, косматые, на плечи падающие волосы, плохо растущие на усах и бороде; угловатая физиономия и голова, темносмуглый цвет кожи, грязная одежда, сабля за поясом, фитильное ружье за плечами, пика в руках, всегда верхом. Живут еграи в черных палатках из грубой шерстяной ткани. Основное их занятие — скотоводство; разводят яков, баранов и лошадей, необыкновенно выносливую породу, привыкшую лазить по самым неприступным горам.

каприз и не мгновенный порыв гнева продиктовали Пржевальскому его решение. Интересы огромной важности дела и боевая обстановка — вот что определяло поведение путешественника.

Подъем на Тан-ла, продолжавшийся 8 дней, был мучительно труден. Нужно было двигаться по обледенелой тропинке и местами, при переходах через голый лед, посыпать песок или глину для вьючных верблюдов, иначе они совсем не могли двигаться. От трудностей пути пали 4 верблюда. На жестоком морозе трудно было делать съемку, и Пржевальский поморозил несколько пальцев обеих рук. Герончевскими усилиями путешественники достигли, наконец, гребня Тан-ла. В ознаменование такого важного события, на вершине одной из гор, остановившись, сделали залп из берданок и трижды прокричали «ура».

Этот торжественный момент омрачен был событием, оставившим недобрую память и у путешественников, и у туземного населения.

Еграи с первой же встречи с караваном Пржевальского соблазнились мыслью поживиться около них. С каждым днем они становились смелее и, наконец, решились действовать в день перевала через Тан-ла, — это было 7 (19) ноября (1879). Последив некоторое время за караваном, еграи, в числе 15—17 человек, явились к стойбищу путешественников под предлогом продажи масла. Пока шла торговля, один из еграев украл у переводчика Абдул-Юсупова складной ножик, висевший у него на поясе. Юсупов потребовал вещь обратно, но еграи внезапно выхватил саблю и ударил ею по левой руке Абдула; клинок прорубил шубу и халат и только немного повредил руку. В этот же момент другой еграи бросился на Юсупова с копьем; к счастью, находившийся рядом Роборовский успел схватить копье и сломать его прежде чем нанесен был удар. Началась свалка. Еграи взяли за свои копья, сабли и пращи, зажгли фитили у ружей и бросились за ближайшую скалу, чтобы оттуда удобнее стрелять; часть еграев схватилась с казаками врукопашную. Все это было делом одной минуты. Пржевальский сначала не хотел применять огнестрельного оружия, но когда из-за скалы полетели камни, бросаемые из пращей, раздались выстрелы и засвистели пули через головы путешественников —

Николай Михайлович приказал казакам стрелять. Загремели скорострелки, после первого же залпа еграи бросились на уход. Четверо еграев было убито, несколько ранено, остальные бежали в горы. Остаток дня еграи ездил по гребням ближайших гор — взад и вперед, наблюдая за караваном и готовясь к новому нападению.

Решительные события разыгрались в следующее же утро.

Ранним утром уже все зашевелилось в лагере путешественников. Лишь только взошло солнце, бивуак был снят, и три эшелона каравана были поставлены один за другим. Впереди, с винтовками в руках и с револьверами у пояса, шли компактной кучкой путешественники; в сумке у каждого было по сто патронов. В таком боевом порядке двинулись к ущелью — самому опасному пункту. Издали в бинокль можно было разглядеть фигуры стрелков-еграев, усевшихся с фитильными ружьями на скалах, мимо которых должен был проходить караван. Конные еграи заняли самое ущелье, другая конная партия расположилась на скате горы прямо против ночевки и шла параллельно движению каравана, а третья конная партия еграев составляла арьергард, чтобы атаковать в случае отступления.

В такой «диспозиции» двигался караван километра два. Средняя (параллельная) партия была уже в расстоянии семисот шагов, недалеко оставалось и до той кучи, которая заслонила вход в ущелье. Сокращать еще больше расстояние до «неприятеля» не было расчета, так как тем самым обесценивалось важнейшее преимущество путешественников — дальнобойные скорострельные ружья. Медлить тем более было опасно, что еграи на своих отличных конях могли в несколько мгновений подскочить к каравану. Пржевальский решил не медлить. Раздалась его команда: «На семьсот шагов поставь прицелы! Огонь!» и двенадцать пуль ударили в ближайшую кучку еграев. Немедленно же последовали второй и третий залпы. Еграи врассыпную бросились в горы, некоторые слезли с коней, прикрывая себя телами лошадей. Подняв прицелы на 1200 шагов, дали залп в кучку, сидевшую

у входа в ущелье, и взяв самый верхний прицел, — следующим залпом рассеяли и эту партию. Подходя к самому ущелью скорым маршем, стрелков-еграев на скалах уже не обнаружили, они также, как и арьергард, следовавший вначале за караваном, исчезли бесследно.

Экспедиция могла продолжать свой путь.

На южном склоне Тан-ла были найдены минеральные ключи в двух местах, на расстоянии 13 км один от другого. Температура верхнего минерального ключа оказалась (11 декабря) $+32^{\circ}$.

В нижних ключах наибольшая температура была $+52^{\circ}$. У ключей, где температура была не очень высока ($19-20^{\circ}$), красовались, несмотря на зиму, зеленые водоросли, толклись мошки и играли рыбки (*Nemachilus stoliczkai* и *Schizopygopsis*, новый вид). Такие же минеральные ключи имелись и в других частях южного склона Тан-ла.

На р. Сан-чю встретились первые кочевья тибетцев. На втором переходе от этой реки путешественники встретили трех монголов, среди которых один оказался, к великой радости Пржевальского, старым знакомцем: это был Дадай, из Цайдама, которого Николай Михайлович знал с первого своего путешествия. Так же был обрадован встречей и Дадай. Но вместе с тем, эти монголы, направлявшиеся из Лхассы, принесли тревожную весть: они сообщали, что тибетцы решили не пускать наших путешественников к себе. По дороге в Лхассу выставлены были пикеты, на границе владений далай-ламы собраны были солдаты и милиция, а местным жителям воспрещено под страхом смертной казни продавать что-либо пришельцам. Кроме того, навстречу были посланы два тибетских чиновника, с конвоем в десять солдат, чтобы узнать все подробно и донести об этом в Лхассу.

Вскоре Пржевальский встретил чиновников, которые обратились к нему с вопросами: кто они такие и зачем идут в Тибет? Николай Михайлович отвечал, что они — русские,

идут в Тибет затем, чтобы посмотреть эту неизвестную страну, узнать, как живут в ней люди, какие водятся звери и птицы, какая растительность и т. д. Чиновники объявили, что дальше пустить их не могут и предложили ждать на этом месте до получения решения самого далай-ламы, к которому будет послан нарочный с изложением всех обстоятельств дела. Ответ обещали дать через 12 дней. На эту комбинацию, поразмыслив, Пржевальский согласился и на много дней обосновался лагерем, в смутной надежде на благоприятный результат переговоров. Был ноябрь, наступила самая суровая зимняя пора.

Пржевальский сознавал, что остановка, независимо от развивавшихся событий, нужна, даже необходима им самим. Путешественники крайне утомились, два казака болели, один из них потерял голос, так что почти не мог говорить целый месяц. Животные также сильно устали. При дальнейшем движении, если бы оно оказалось возможным, необходимо было сменить в этом месте верблюдов на вьючных яков, как это делают монголы-богомольцы, идя в Лхассу, так как верблюды не могли идти с громоздкой кладью по дороге, которая предстояла впереди. Наконец, «совершенно бесцельно было бы, — сознается Пржевальский, — ломить вперед наперекор фанатизму целого народа. Положим, если бы достать вьючных яков или, в крайнем случае, бросить часть кладя, взять наших усталых верблюдов, то можно было продвигнуться еще немного вперед при том обаятельном впечатлении, какое производили мы на туземцев, но какую цель мог иметь подобный поход? Все мы должны были бы держаться в куче, постоянно сторожить и, быть может, не один раз пускать в дело свои берданки. Научные исследования при подобных условиях были невозможны. Притом мы, конечно, сильно рисковали бы собой и во всяком случае надолго оставили бы по себе недобрую память. Лучшим исходом при подобных

обстоятельствах было остановиться и ждать ответа из Лхассы. Так мы и сделали».¹

Вынужденную стоянку у горы Бумза (высота 5200 м) Пржевальский использовал в научных целях, насколько только позволяла обстановка. Прежде всего его внимание привлекли тибетцы, кочевавшие по близости лагеря.

По наружному виду тибетцы не похожи ни на китайцев, ни на монголов, но отчасти напоминают наших цыган. Рост мужчин средний, редко высокий, грудь впалая, сложение вообще не сильное; цвет кожи темносмуглый или даже светлокофейный; череп продолговатый, сжатый с боков, поэтому лицо вытянутое; переносица вдавлена, а нос всего чаще прямой и тонкий; глаза большие, черные и неглубоко посаженные; скулы выдаются немного; подбородок выдающийся и передние зубы широкие и редкие, растительность на лице слабая, да притом борода и усы обыкновенно выдергиваются. Волосы на голове черные, длинные, сбитые клочковатыми прядями. Женщины разделяют волосы на голове пробором, заплетают в мелкие косички и связывают на высоте плеч двумя поперечными лентами, украшаемыми, смотря по состоянию, кораллами, бирюзой, бубенчиками, серебряными или медными бляхами. Кроме того, тибетки носят в ушах серьги и на руках кольца.

Одежда тибетцев зимою состоит из бараньей шубы, у зажиточных покрытой далембой — красной шерстяной материей. Шубу подпоясывают так, что образуется мешок, складочное место для мелких вещей, которые носят всегда с собой: кисет с табаком, чашка, иногда даже платок, в который сморкаются. Рубашек и панталон не носят; вместо последних надевают овчинные наколенники. Материалом для сапог служит грубая шерсть, которую расписывают красными и зелеными полосами; подошвы кожаные, чулок не имеют. Голову покрывают бараньей или лисьей шапкой, или же связывают красной шерстяной материей; часто ходят с непокры-

---

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 249—250.

той головой. У мужчин за поясом обычно заткнута сабля (скорее меч по форме) и тут же торчит длинная трубка; сбоку висит мешочек с разной мелочью и ножик.

И летом, и зимой жилищем тибетцев служит черная палатка, сделанная из грубой материи, сотканной из волос яка.

Затруднительность, а иногда невозможность зажечь намоченный дождем аргал вынуждает тибетцев питаться чаще всего сырым бараньим, реже — яковым мясом. Вокруг очага усаживаются члены семьи и каждому из них хозяин бросает по куску сырой говядины; такое же угощение предлагают и гостю. Разрезав своим ножом на мелкие части полученный кусок, начинают есть окровавленное мясо; иногда же, захватив от куска зубами край его, отрезают эту часть у самых губ ножиком. В меню тибетцев входит иногда и суп из бараньих или яковых костей; для этого кости, сохранявшиеся в течние трех или четырех месяцев, предварительно толкутся и затем варятся, навар этот считается лакомым и полезным для здоровья блюдом. Чай с молоком и маслом и сушеный творог (чура по-тибетски) составляют немаловажную часть питания; очень любят тибетцы также вскипяченное скисшее молоко, так называемый тарык.

Основное (в описываемом районе даже исключительное) занятие тибетцев — скотоводство; южнее, ближе к Лхассе, занимаются и земледелием. Разводят больше всего яков и баранов, несколько меньше — лошадей и козлов. Домашний як — драгоценное для Тибета животное; здесь он имеет прекрасные условия своего существования: обильный корм, много воды и пролады в разреженном воздухе нагорья и гор. Очень нетребовательный к пище як довольствуется местной тибетской осокой и другими немногими травами, мелкими, едва поднимающимися от земли и до того жесткими от иссушающего действия ветров, что даже як, с его шершавым, грубым языком, вынужден бывает не щипать, а лизать эту траву. Молоко яка очень хорошего качества, а изготовляемые из него чура, масло и тарык очень питательны и вкусны. Як превосходно служит и для перевозки

тяжестей и даже для верховой езды. Он отлично идет, вычным или верховым, по самым трудным и опасным тропинкам и даже по льду, по которому он катится на своих копытах, как на коньках. Недостатком животного является его злобный, свирепый нрав, сильно затрудняющий завьючивание.

Тибетские лошади, в отличие от яка, нрава смиренного, роста они небольшого; по горам ходят прекрасно, довольствуясь самым скудным кормом.¹

Об обычаях тибетцев Пржевальский мог узнать очень немного, так как население боялось входить в какие-либо отношения с пришельцами. При посещении обмениваются так называемыми хадаками — небольшими отрезками белой или зеленоватой шелковой материи. При встрече и прощании снимают шапки, наклоняют слегка голову и немного высовывают язык. В разговорах жестикулируют пальцами рук, причем поднятый большой палец означает одобрение или хорошее качество вообще, мизинец — наоборот, средние пальцы выражают и среднее качество вещи.

В то время, как Пржевальский и его товарищи остановились у самого порога Лхассы в ожидании ответа от далай-ламы, между русским посланником в Пекине и китайскими властями шла дипломатическая война путем переписки.

Русский уполномоченный добивался, чтобы китайское правительство оградило путешественников от возможных неприятностей, угрожавших экспедиции на негостеприимной территории Тибета. Китайские министры отвечали, что Пржевальский уже три месяца, как вышел из Цайдама и двинулся

---

¹ Бараны тибетцев служат, между прочим, и как вычные животные: с кладью в 10 кг они могут проходить огромные расстояния без заметного утомления. Известный пундит Наин-Синг в своем путешествии из Ладака в Лхассу (1873) вез багаж на 26 баранах. Четыре из этих баранов выдержали весь путь — более 2000 км.

в Тибет и никаких известий о нем не имеется. Между тем тангуты, по китайским сведениям, выслали несколько сот лам-воинов в местности, пограничные Тибету, чтобы преградить дальнейший путь. Вместе с тем, добавляли министры, в тех местах часто появляются большие шайки, в тысячу и более человек, непокорных тангутов, которые производят грабежи и разбои, и китайское правительство бессильно удерживать их даже с помощью войска. «Понстинге нельзя нам, — писали министры, — вполне гарантировать путешественнику защиту и покровительство. Притом же, теперь как-раз подошло время, когда снег заваливает горы до такой степени, что на всю зиму и весну прекращается всякое сообщение, и пройти через горы нет никакой возможности».

Русский поверенный в делах отвечал в свою очередь, что все эти указания — пустые отговорки, что ежегодно караваны богомольцев идут в Лхассу именно осенью, т. е. в то самое время, когда проходил эти местности и Пржевальский со своими товарищами. «Если там могут проходить такие караваны, — писал он, — то нет причины, чтобы не прошли и несколько, хотя мирных, но хорошо вооруженных для своей защиты путешественников. Опасения, подобные выраженным теперь, высказывались и раньше насчет пути от Са-чжеу на Цайдам, причем все власти единогласно утверждали, что на этом пути нет даже вовсе тропинок. Однако, — не без ехидства добавляет дипломат, — экспедиция благополучно прошла эту местность, открыв таким образом путь, который, как видно, до сих пор не был известен даже властям почтенного государства, и тем, конечно, оказала последним услугу».

Относительно высылки тибетцами вооруженных сил на границу далайламских владений наш посланник выражал крайнее удивление: «Каким образом жители Тибета, составляющие часть китайского государства, могут посылать солдат против путешественников, идущих с разрешения правительства и с билетом, им выданным? Я уверен, что власти неверно поняли переданный им слух, который, если бы он

оказался справедливым, конечно, побудил бы их немедленно же принять надлежащие меры против бунтовщиков. Иначе можно было бы подумать, что Тибет — страна совершенно независимая и тогда характер отношений к ней соседней несомненно изменился бы».

Пока шла эта дипломатическая переписка, в России и даже во всем цивилизованном мире начали появляться самые тревожные известия: прошел слух, что вся экспедиция и сам начальник ее, хорошо знакомый всему свету своими географическими подвигами, погибли в тибетских пустынях. 14 января в Петербурге была получена телеграмма пекинского посланника следующего содержания: «По словам китайцев, Пржевальский, прогнав будто бы заблудившегося проводника, остался в начале октября один в неизвестной пустыне. С тех пор известия о нем нет». В газете «Голос» появилась заметка (1880, № 176), что «по известиям из Верного, Пржевальский находится в плену у китайцев». В очередном номере журнала «Исторический Вестник» (1880, № 5, стр. 215) сообщалось: «Недавно, через иностранные, конечно, газеты, мы с прискорбием узнали, что с Пржевальским случилось что-то недоброе; один из проводников его, вернувшийся в Зайсан, уверяет, что ничего дурного с нашим путешественником не случилось до тех пор, пока он с ним не расстался, но с другой стороны толкуют о том, что весь конвой от Пржевальского разбежался, что проводники его покинули и, наконец, что караван ламайских богомольцев, к которому, будто бы, пристал наш путешественник, вернулся без него; в австрийских газетах, по сведениям, полученным от путешествующего по внутреннему Китаю мадьярского графа Сечени, стали говорить, что наш соотечественник ограблен, убит... Утешает лишь то, что наша пекинская миссия ничего о гибели Пржевальского не знает. Ливингстона искали, — с горечью добавляет журнал, — Пайера искали, Норденшельда искали, а Пржевальского никто искать и не думает. Стоило бы, однако, позаботиться о его судьбе, в особенности

в тот момент, когда Китай становится прямо во враждебные отношения с Россией».¹

Между тем, ничего не подозревавший о слухах, связанных с ним, Пржевальский томился у горы Бумза в ожидании посольства далай-ламы. В окрестном населении, как и в первое его путешествие в Центральной Азии, создавались легенды о путешественниках. Проход без проводника, разгром еграев давали пищу самым фантастическим представлениям. Говорили, что русские трехглазые (повод к тому давали кокарды на фуражках), что ружья их стреляют на день пути и без перерыва сколько угодно раз, что сами пришельцы неуязвимы, знают все наперед и так сильны в волшебстве, что железо превращают в серебро. По секрету сообщалось, что это серебро, когда путешественники уйдут, вновь превратится в железо. В последнем «волшебстве» нельзя не заподозрить руку китайских властей, которые таким образом отпугивали туземцев от всяких торговых сделок с пришельцами.

Обстановка лагеря была вполне благоприятная: была и вода, и корм для животных, и топливо, но все же путешественники тяжело переживали эти дни вынужденного бездействия. К тому же здоровье большинства было неважное. Между тем, надо было нести ночные дежурства из опасения предательского нападения. Продовольственные запасы были крайне скудные, и только после встречи с цайдамцем Дадаем положение несколько улучшилось: с его помощью закупили баранов и масла, 5 пудов дзамбы и полпуда сквернейшего чая, который монголами назывался мото-цай, т. е. деревянный чай, так как его распаренные листья действительно вполне походили на листья старого веника. Продовольствие, имея

---

¹ Чрезвычайно поучительно сопоставить этот факт с теми условиями, в которые поставлены ученые экспедиции в Советском Союзе в наше время. Грандиозные эпопеи Челюскинцев, Папанинцев, дрейф «Седова», Герсончский полет «Родины» — вписывают яркие страницы в историю новой социалистической науки.

в виду предстоящий обратный путь, приходилось сильно экономить, ограничиваясь весьма скромным ежедневным пайком. Спутники Пржевальского безропотно переносили тяжелое положение.

На пятнадцатый день стояния у горы Бумза приехали, наконец, из Напчу двое тибетских чиновников и объявили, что в Напчу прибыл со свитой посланник далай-ламы, что по болезни он сам приехать в лагерь не может и вместе с тем осведомляет, что по решению Номун-хана, правителя Тибета, и других важных сановников страны, путешественников в Лхассу пускать не велено.

Пржевальский через переводчиков передал чиновникам, что так как не они же уполномочены тибетским Номун-ханом объявить мотивы и решение не пускать экспедицию далее, то он желает непременно видется и переговорить с самим посланником главы правительства; затем просит чтобы о прибытии экспедиции тотчас дали знать китайскому резиденту в Лхассе и от него привезти дозволение или запрещение идти к столице. Наконец, Николай Михайлович решительно заявил, что если через два-три дня тибетский посланник не явится самолично в лагерь, то он сам пойдет в Напчу для переговоров. Эта угроза двинуться в Напчу произвела такое впечатление, что посланник сразу же выздоровел и на другой день явился к стоянке экспедиции в сопровождении двух важных сановников и представителей всех 13 аймаков (областей) Тибета.

На торжественном свидании посланник Тибета подтвердил решение правительства не пускать пришельцев в священную столицу далай-ламы. Николай Михайлович заявил, что он подчиняется решению властей, но требует письменного подтверждения, с объяснением мотивов запрещения. Посланцы пришли в ужас от такого требования, но Пржевальский категорически объявил, что завтра же он выступает со своего бивуака и, если требуемой бумаги у него не будет, он пойдет в Лхассу; если же она будет дана — направится назад.

Утром следующего дня бумага была вручена Николаю Михайловичу.

«Хотя мы достаточно сроднились с мыслью — пишет Пржевальский, — о возможности возврата, не дойдя до Лхассы, но в окончательную минуту такого решения крайне тяжело мне было сказать последнее слово: оно опять отодвигало заветную цель надолго, быть может навсегда, и завершало неудачею все удачи нашего путешествия. . . Невыносимо тяжело было мириться с подобною мыслью и именно в то время, когда все трудности далекого пути были счастливо поборены, а вероятность достижения цели превратилась уже в уверенность успеха. Тем более, что это была четвертая с моей стороны попытка пробраться в резиденцию далай-ламы: в 1873 г. я должен был, по случаю падежа верблюдов и окончательного истощения денежных средств, вернуться от верховья Голубой реки; в 1877 г., по неимению проводников и вследствие препятствий со стороны Якуб-бека кашгарского, вернулся из гор Алтын-таг за Лоб-нором; в конце того же 1877 г. принужден был по болезни возвратиться из Гучена в Зайсан; наконец, теперь, когда всего дальше удалось проникнуть в глубь Центральной Азии, мы должны были вернуться, не дойдя лишь 250 верст до столицы Тибета».¹

Действительно, вполне понятна едкая горечь такого решения для знаменитого путешественника: экспедиция почти достигла заветнейших целей, была уже на ближайшей дороге к таинственному городу, манившему своей полной неизвестностью, недоступностью и громадным значением для сотен миллионов последователей религии Будды. Последняя стоянка Пржевальского у горы Бумза на берегу ключа Ниер-чунгу располагалась в недалеком расстоянии от гор Самтын-кансыр, откуда в хорошие, ясные дни можно иногда обозреть хребты Трансгималаев. С северного склона Тан-ла воды ручьев собираются в Мур-усу, т. е. в Голубую реку; с южного склона берет начало река Зача-цампо, впадающая в озеро

---

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 275, 277.

Митык-джансу, служащее стоком и многих других рек, вытекающих из северных Гималайских гор. Из этого же озера вытекает р. Нап-чу — у монголов Хара-учу, носящая в Индо-Китае название Салуэна. С восточного склона Тан-ла берут начало речки, которые, сливаясь, образуют могучую водную артерию Азии, известную под именем Меконга.

И вот, из этого интереснейшего географического узла должен был повернуть назад путешественник, героическими усилиями пробившийся к самому сердцу Азии.

Более всего на обратном пути внушало тревогу состояние животных. Половина верблюдов была слаба, ненадежна, в еще худшем положении были лошади. Помощь нового проводника-приятеля Дадая была очень существенна: он помог приобрести четырех верховых лошадей, крайне необходимых; кроме того, несколько лошадей было обменено на стоянке. Беспокоила Пржевальского еще и мысль о возможности нападения еграев. Частью из этих опасений, частью по соображениям научных интересов экспедиции, обратный маршрут путешествия не полностью повторял старую дорогу каравана: Николай Михайлович, по указаниям Дадая, решил выйти в равнины Цайдама долиной Найджин-гола, оставив к востоку старый маршрут по р. Номохун-гол; таким образом, хребты Думбуре и Кушу-шили экспедиция перевалила в их более западных частях.

Опасения относительно еграев, к счастью, не оправдались: нигде не встретили их стойбищ: ни на минеральных ключах, ни на том месте, где было произведено нападение раньше. Только дважды заметили в горах, вдали, несколько всадников, которые быстро исчезли. В долине речки Чю-нагма, притока Мур-усу, между небольшими горными цепями Кангин и Цаган-обо повернули к западу, потом направились к северу и подошли к высокому перевалу хребта Думбуре. На радостях, что избавились от еграев, Пржевальский позволил себе

большое удовольствие поохотиться за альпийскими куропатками (или горными «индейками») — уларами.

Эта замечательная птица является исключительно жителем высоких гор, притом самого верхнего, альпийского их пояса. Густое оперение достаточно защищает ее на огромных высотах, и улары не боятся и благополучно проводят долгие зимние ночи при 30° мороза. Питается эта птица исключительно растительностью альпийских лугов: корнями трав и их свежими листьями; чеснок и лук составляют ее любимейшее кушанье. В тихую погоду в ясные дни улары любят сидеть на голых скалах без движения; в холодную и пасмурную погоду они начинают бегать в поисках корма с утра до вечера. Главными врагами уларов являются орлы и другие хищники.

В горах Цаган-обо каравану пришлось остановиться на четверо суток по случаю болезни казака Гармаева, который заболел, повидимому, тифом. Крепкий организм одолел болезнь, и на пятые сутки Гармаев кое-как мог уже ехать верхом.

Новый (1880) год встретили на северной окраине хребта Думбуре.

Здесь, между прочим, Пржевальский сделал интересное наблюдение: вода в верховьях р. Хапчик-улан-мурени оказалась соленой; еще в 1873 г. Николай Михайлович нашел соленую воду в низовье реки Напчитай-улан-мурень, а в это свое третье путешествие такую воду испробовал в р. Думбуре-гол.

Переход через хребет Марко Поло совершен был в очень тяжелых условиях. Ночью поднялся сильнейший снежный буран с морозом в 23°. Корму для животных в этом месте не имелось; они томились от голода и дрожали от холода. Юрта и казачья палатка за ночь были занесены снегом и песком, ветер пронизывал даже войлок, не было спасения от него ни на минуту. По утрам, когда обычно заводились хронометры, их едва можно было держать в руках, до того они охладелись ночью, несмотря на то, что лежали в изго-

ловьи у Пржевальского и были завернуты в лисий мех. Топлива (аргала) невозможно было отыскать, запасного было очень немного, да и зажигать его в такой ветер почти невозможно.

По поводу трудного положения с кормом для животных Пржевальский делает любопытное замечание о качестве тибетской лошади. «Положим, для верблюдов это дело (голодовка) привычное, но для лошадей — не совсем. Тем из этих лошадей, которые ели мясо, мы дали по куску говядины; затем свели на ночь всех четырнадцать наших коней в кучу и высыпали им мешок пуда в два куланьего помета, собранного дорогою. Голодные лошади с радостью бросились на такую пищу и живо подобрали весь помет. Тем и должны были удовольствоваться на всю долгую, морозную ночь; на завтра же опять итти под верхом целый переход.

«Но и баснословно же выносливы степные лошади вообще, а тибетские в особенности! Целые тысячи верст они выхаживали с нами, обыкновенно на самом скудном подножном корму, не только летом, но даже зимой; пили всякую воду; случалось, выносили продолжительную жажду — и все-таки оказывались бодрыми; иногда даже не похudevшими заметно. Так, например, одна из подобных лошадей сходила взад и вперед из Кульджи на Лоб-нор; затем, после двух месяцев отдыха, прошла от той же Кульджи по Чжунгарии до г. Гучена и обратно в Зайсан, — словом, сделала под верхом 4 тыс. верст, притом большею частью по пустыням, и почти не устала. Моя верховая лошадь — подарок Якуб-бека кашгарского, свезла меня из г. Курля в Кульджу, отсюда до Гучена и в Зайсан; затем целый год ездила здесь под верхом у казака; потом снова подо мной прошла из Зайсана в Тибет до места нашего оттуда возврата, т. е. до ключа Ниер-чунгу; обратно перетащила меня через северное Тибетское плато и лишь перед выходом в Цайдам устала и была отдана монголам на р. Найджин-голе. Притом нужно заметить, что в короткие зимние дни верховые лошади экспедиции, за исключением дней, не имеют достаточно времени

в тот момент, когда Китай становится прямо во враждебные отношения с Россией».¹

Между тем, ничего не подозревавший о слухах, связанных с ним, Пржевальский томился у горы Бумза в ожидании посольства далай-ламы. В окрестном населении, как и в первое его путешествие в Центральной Азии, создавались легенды о путешественниках. Проход без проводника, разгром еграев давали пищу самым фантастическим представлениям. Говорили, что русские трехглазые (повод к тому давали кокарды на фуражках), что ружья их стреляют на день пути и без перерыва сколько угодно раз, что сами пришельцы неуязвимы, знают все наперед и так сильны в волшебстве, что железо превращают в серебро. По секрету сообщалось, что это серебро, когда путешественники уйдут, вновь превратится в железо. В последнем «волшебстве» нельзя не заподозрить руку китайских властей, которые таким образом отпугивали туземцев от всяких торговых сделок с пришельцами.

Обстановка лагеря была вполне благоприятная: была и вода, и корм для животных, и топливо, но все же путешественники тяжело переживали эти дни вынужденного бездействия. К тому же здоровье большинства было неважное. Между тем, надо было нести ночные дежурства из опасения предательского нападения. Продовольственные запасы были крайне скудные, и только после встречи с цайдамцем Дадаем положение несколько улучшилось: с его помощью закупили баранов и масла, 5 пудов дзамбы и полпуда сквернейшего чая, который монголами назывался мото-цай, т. е. деревянный чай, так как его распаренные листья действительно вполне походили на листья старого веника. Продовольствие, имея

¹ Чрезвычайно поучительно сопоставить этот факт с теми условиями, в которые поставлены ученые экспедиции в Советском Союзе в наше время. Грандиозные эпопеи челюскинцев, папанинцев, дрейф «Седова», героический полет «Родины» — вписывают яркие страницы в историю новой социалистической науки.

пощипать даже тот скудный корм, который встречается, так как после перехода, занимающего всегда большую часть дня, кони пускаются на покормку лишь перед вечером часа на два-три, а ночью привязываются на длинные аркань; зерновой же хлеб получают лишь изредка, да и то обыкновенно в самом ограниченном количестве (от 3—4 пригоршней ячменя в сутки). Правда, много лошадей и пропадает в экспедиции, но все-таки каждая из них выносит, более или менее продолжительно, такие трудности, какие и не снились европейским коням».¹

Перед выходом в равнины Цайдама пришлось одолеть трудный перевал хребта Торай, упирающегося в р. Найджингол. По берегу реки пройти было невозможно из-за крутизны. Усталые верблюды сами не могли подняться на гребень перевала, камни и крутизна были неодолимы для обессиленных животных. Пришлось, поднявшись сколько возможно, развьючивать их и на себе носить вверх выюки; затем тащить туда же на веревках наиболее слабых верблюдов. Один из верблюдов так и не мог взойти и был отдан монголам-проводникам.

Наконец, караван вступил в долину Найджин-гола, в Цайдам!

«Назад на Тибет страшно было даже посмотреть: там постоянно стояли теперь тучи и, вероятно, бушевала непогода».

31 января (1880) экспедиция была уже в хирме Дзунзасак — через четыре с половиной месяца после вступления в пределы Тибета. За это время пройдено около 2000 км; из 34 верблюдов вернулись только 13. «Мы сами, — говорит Николай Михайлович, — хотя счастливо вынесли эти трудности, но чувствовали себя истомленными и не добром помнили тибетские пустыни».

---

¹ Из Зайсана через Хамя в Тибет, стр. 294—295.

Дальнейший маршрут повторял приблизительно путь первого путешествия Пржевальского; новым районом исследований было верхнее течение Хуан-хэ и не посещенные раньше южный и северо-восточный берега оз. Куку-нор. Краткий обзор этих экскурсий мы и предложим читателю.

Великая река Китая — Желтая, или Хуан-хэ, до путешествий Пржевальского была мало изучена в своем верхнем течении и совершенно неизвестна в истоках. В третьем путешествии Николай Михайлович мог обследовать только некоторую часть верхнего течения, до истоков же добраться не было никакой возможности; впоследствии, в четвертом путешествии (о чем читатель узнает в своем месте), ему удалось открыть и истоки могучей реки.

Трудность исследований этого района обуславливалась самим характером местности: здесь перед путешественником были высокие трудно доступные горы, степные плато между ними с суровым климатом и лабиринт глубоких ущелий, изрезывающих эти плато. Кроме того, кочевое население этой страны, хара-тангуты, не отличались гостеприимством.

Горные хребты, расположенные здесь, принадлежат к системе восточного Куэнь-луня (а не центрального, как полагал Пржевальский) и имеют направление с запада на восток; снеговой линии достигают они немногими отдельными своими частями, однако имеют дикий, альпийский характер. Бока их обставлены или чрезвычайно крутыми скатами, или отвесными, пробитыми водой, скалами. Речки несутся здесь со страшной быстротой, нагромождая валуны и нередко образуя водопады.

Между параллельно идущими горными хребтами залегают более или менее обширные степные плато, которые прорезываются, как и горы, чрезвычайно глубокими, наподобие коридоров, ущельями, сопровождающими течение каждой реки.

Ущелья, вырытые в наносной лёссовой почве, достигают страшной глубины, не менее 300—350 м. Почти везде такая

пропасть совершенно незаметна со стороны лугового плато, пока не подойдешь вплотную к самому ее берегу. С обрыва на несколько десятков (иногда и сотню) метров идет довольно пологий наклон, за которым опять следуют отвесные обрывы, изборозжденные поперечными трещинами. Оголенные стены обрывов состоят из глины или песка с галькой и мелкими валунами; часто стены обрывов состоят из мощных слоев одной лёссовой глины. С этих стен то и дело валятся вниз камни, особенно после дождя или снега, при сильном ветре часто случаются крупные обвалы. Здесь идут энергичные процессы выветривания, поэтому береговые обрывы приобретают причудливые формы башен, столбов, стен, пирамид и т. п. Редко-редко можно встретить проложенные тангутами тропинки. По берегам речек там и сям видны островки лесов из тополя (новый вид, названный в честь путешественника тополем Пржевальского), облепихи и лозы. По дну растут кустарники, образующие густые заросли; их состав: акация, барбарис, кизиль, жимолость, шиповник, смородина, рябина. В верхних частях ущелий лиственные леса сменяются хвойными с разнообразной травянистой флорой, совершенно отличной от степной флоры соседних плато, но схожей с травяной растительностью ближайших гор.

Проникнуть к берегам Хуан-хэ для их исследования стоило Николаю Михайловичу немалых усилий; надо было одолеть сопротивление китайских властей в лице сининского амбана, снарядить новый караван, подыскать проводников. Последнее не удалось Пржевальскому; от китайского губернатора нельзя было получить проводника, удовлетворяющего хотя бы самым скромным требованиям. Да и вообще амбань настойчиво запрещал итти к берегам Хуан-хэ, и Николай Михайлович успокоил его только выдачей расписки, в которой удостоверял, что предпринимает экскурсию на свой риск и претензий к китайским властям предъявлять не будет в случае неблагоприятного оборота путешествия,

Караван сформировался из 14 вьючных мулов и 17 марта выступил по направлению к Желтой реке.

Перевалив через Южно-Кукунорский хребет, экспедиция вышла к горам Балекун: отсюда уже открывался прекрасный вид на долину Хуан-хэ, широкой и блестящей лентой извивавшейся в темной кайме густых кустарниковых зарослей; с противоположной стороны реки возвышались гигантские обрывы и виднелась мрачная трещина ущелья реки Ша-кугу.

Урочище Балекун-гоми составляет крайний пункт оседлых поселений верхнего течения Хуан-хэ. Далее уже кочевали хара-тангуты.

Около этого урочища Пржевальский разбил свой бивуак на самом берегу Хуан-хэ в густых кустарниках и простоял здесь 10 суток. Научная добыча на этой стоянке была небогатая (и фауна, и флора этой местности оказались бедными в это время года), но Николай Михайлович не терял надежды подыскать проводника, которого, наконец, и получил, правда, почти идиота и полуслепого. Приходилось мириться и с таким вожаком.

Накануне выступления, ночью, можно было видеть на всех береговых возвышенностях огни костров: это было, очевидно, условленным знаком для всех обитателей долины. Как по мановению волшебной палочки, туземцы, действительно, куда-то исчезли. Всюду по пути видны были покинутые стойбища. Опасаясь враждебных действий со стороны пришельцев, жители уководили подальше от реки, в пески левого берега.

Нелегкая задача была пробираться долиной Желтой реки, когда отвесные обрывы стали вплотную подходить то к одному, то к другому ее берегу. Взобравшись на плато, на котором не было ключей, каравану приходилось двигаться большими безводными переходами.

Через несколько дневных переходов пересекли высокий кряж Сян-си-бей, с которого открывался чудный вид на снеговую группу Угуту. В предгорьях этого хребта пробивает себе русло с глубоким ложем р. Бага-горги (по-тибетски

Шань-чо), дно которой лежит более чем на 300 м ниже уровня соседнего плато. В ущелье этой реки встретились становища тангутов, далеко недружелюбно встретивших вначале путешественников; впоследствии, впрочем, отношения наладились довольно мирные, но все же Пржевальскому пришлось некоторое время опять принимать меры военной предосторожности, изнурительные и тягостные для всех членов экспедиции.

В кустарниках и лесах Бага-горги Николай Михайлович с увлечением предавался охоте на ушастых фазанов, — великолепной птицы голубовато-серого цвета, с яркокрасной головой и длинным роскошным хвостом синевато-стальной окраски.

После охот на ушастого фазана бивуак был перенесен к подножию горы Джахан-физа. Лагерь расположился на лугу возле ущелья в 300 м высотыю. Здесь приютилась небольшая кумирня, гыген которой отнесся к путешественникам вполне мирно и даже приказал кочевавшим вблизи тангутам продавать продовольствие. Излечение одного из местных старшин от лихорадки хинином из аптечки экспедиции еще более укрепило дружественные отношения с туземцами, и это позволило более спокойно и обстоятельно исследовать район.

В местных лесах Пржевальский нашел необыкновенное изобилие лекарственного ревеня. Один из корней этого полезного растения, взятый в коллекцию, весил в сыром виде около 10 кг. Ревень, растущий здесь, отличается от наньшанского своими более вырезанными листьями, так что ботаник К. И. Максимович относит его к разновидности типичного *Rheum palmatum*. Надо заметить, что климатические условия верхнего Хуан-хэ чрезвычайно благоприятны для здорового роста ревеня; обильные летние дожди и сильная сухость атмосферы в остальное время дают возможность обильного роста в период вегетации и предохраняют от загнивания в период приостановки растительной жизни.

Из ущелья Бага-горги стоянка была перенесена в ущелье р. Уму. Склоны этой реки замечательны густым лесом исполинских елей, достигающих высоты более 30 м и более метра в диаметре. Густота леса была такова, что между стволами деревьев трудно было пробраться навьюченному мулу.

Поднявшись из ущелья Уму на плато, путешественники встретили здесь ландшафт совершенно иного вида: в изобилии попадался ковыль, слышалось пение полевых жаворонков, прелестный голос степного чекана. Накануне ночью шел дождь, утро было прохладное и сырое.

Но вся эта обстановка крайне резко изменилась, когда караван совершенно незаметно подошел к крутому обрыву ущелья реки Чурмын: под самыми ногами внезапно раскрылась страшная пропасть, на дне которой был иной мир, и растительный и животный. Наверху — степь, покрытая мелкой травой и ковылем, с типичными степными зверями и птицами; внизу — шумящая река, зеленеющий лес, лесные птицы и звери. В странах равнинных такая смена ландшафта происходит на тысячекилометровом пространстве, здесь же всего на 400—500 м вертикального поднятия.

Леса верхнего бассейна Хуан-хэ представляют, в общем, картину невеселую: «в этих лесах, — по мнению Пржевальского, — все является как-то уродливо, как-то выкроено по узкой мерке; все они растут клочками или небольшими площадками, запрятанными в глубоких ямках, вверх, на простор не показывается ни одно дерево, ни один кустарник». Вся эта «уродливость» находит себе простое объяснение в крайностях континентального климата субтропических широт. В тихую, ясную погоду становилось жарко, как летом; вдруг налетает ветер, — вмиг делается холодно; набегают внезапно тучи и проливаются бурным ливнем, становится сыро и душно, либо холодно. Уйдут тучи, выглянет солнце, — сразу же все высыхает, и через час нельзя и представить, что только что прошел ливень. Задует свирепый ветер, — и воздух наполняется тучами пыли, застилающими солнце.

Выяснив невозможность пройти в верховья Хуан-хэ и трудность переправы на правый ее берег, Пржевальский решил вернуться пройденным маршрутом, пройти в оазис Гуй-дуй, осмотреть горный массив Джахар, а оттуда направиться к берегам Куку-нора, чтобы дальше уже следовать пустыней Гоби в родные пределы.

Добравшись до Балекун-гоми, — оживленный пункт, связанный с центром области городом Синин, — Николай Михайлович направил Абдул-Юсупова к амбану, чтобы взять полученную из Пекина на его имя корреспонденцию. Получение писем, газет, журнала «Неделя» было большим праздником для всех членов экспедиции и сильно подняло их настроение.

Небольшой, но плодородный оазис Гуй-дуй состоит из областного города и нескольких сот фанз, разбросанных по окрестностям. Бесчисленные арыки, проведенные от двух небольших притоков Хуан-хэ, орошают превосходно возделанные поля, сады и огороды.

Оазис Гуй-дуй весьма плодороден. Городские жители занимаются здесь торговлей, деревенские — земледелием. Сеют пшеницу, ячмень, лен, горох, бобы; реже — овес, гречиху и коноплю. На полях разводят арбузы и дыни, в садах много груш и абрикосов, есть мелкая черешня.

На полях обыкновенно посажены большие ивы и тополя, которые летом доставляют прохладу и весьма украшают местность.

Из оазиса Гуй-дуй Пржевальский отправился для исследования гор, расположенных к югу от оазиса и известных у туземцев под названием Джахар; в ближайшей к оазису части они носят другое название — Муджик, одноименно с речкой, вытекающей с вершин Джахара.

Подножие гор, по измерению Пржевальского, расположено на высоте 3000 м, и с самого основания здесь растут леса, запрятанные в ущелья. Состав лесов тот же, что и везде на Желтой реке; деревья посажены довольно редко, почва выстлана мхом, нередко попадаются муравьиные кучи; кое-где находили сморчки. Подлесок всюду густой и разнообразного

состава; точно так же не беден и травянистый покров в это время года обильно цветущих растений. Весьма обильный здесь лекарственный ревень тоже был в полном цвету.

Большая часть альпийского пояса, достигающего высоты 4500 м, принадлежит области альпийских трав. На такой высоте период жизни короток — каких-нибудь два месяца. Но и в этот короткий промежуток растениям приходится переносить и морозы, и снег. И замечательно, как приспособились травы к этим невздам климата: такие нежные цветки, как мак, касатик, горошек и другие, будучи ночью засыпаны снегом и заморожены низкой температурой, лишь только взойдет солнце, сгонит с цветков и листьев осевший снег, — вновь разворачивают навстречу горячим ласкам солнечных лучей свои лепестки и продолжают цвести как ни в чем не бывало.

В фауне гор отмечается тот же состав, что и в других хребтах Хуан-хэ; особенно разнообразен здесь мир птиц. Круглый год слышен громкий крик уларов, попадает много ушастых фазанов, много мелких певунов: дрозд Кесслера, пеночки, водяная горихвостка, чарует слух прекрасное пение непальской завирушки. Но особенной приманкой для путешественников явились замечательной красоты голубые чеканы (*Grandala coelicolor*). Эта великолепная птичка, ростом с певчего дрозда, впервые была открыта на Гималаях известным орнитологом Гульдом; после того найдена Давидом в западной Сычуани. Оперение чекана чрезвычайно красиво: крылья и хвост черные, все же остальные перья замечательно нежного яркоголубого цвета, напоминающего цвет лучших сортов голубого шелка.

Птичка эта держится только в высочайших горах и притом в самом верхнем их поясе, на скалах вблизи снеговой линии, где ловит насекомых.

14 июня Пржевальский вместе с Роборовским и одним из солдат предпринял восхождение на ближайшую из снеговых вершин. Граница нетаявшего зимнего снега оказалась

на высоте 4700 м. С достигнутой вершины к востоку виднелись еще две; к югу небольшая снеговая группа, известная у тангутов под названием Мыргыма.

Через два дня путешественники следовали уже опять долиной Хуан-хэ и томились от жары, особенно тягостной после недавних морозов и метелей гор Джахар. Теперь путь их лежал к озеру Куку-нор.

Третий раз подходил к берегам Голубого озера Пржевальский. Северо-западный, западный, частью южный берега были уже нанесены на карту, оставалось доисследовать часть южного, восточного и северо-восточного побережья. Этим и занялся Николай Михайлович по возвращении с гор Джахар.

Широкой равниной р. Ара-гол, перевалив Южно-кукунорский хребет, подошли почти вплотную к самому озеру, — Ара-гол не доходит до Куку-нора, разливаясь недалеко от его берега в три небольших пресноводных озера. Здесь, на пресноводной стоянке, путешественники задержались на четверо суток, наслаждаясь отдыхом и прекрасным купаньем на мелководном берегу Куку-нора. Охотились на горных гусей, турпанов, гагар; ценнейшей научной добычей были найденные здесь яйца черношейного журавля (*Grus nigricollis*). Добыто было 6 экземпляров этих редких птиц и нашли два их гнезда, Вообще Пржевальский заметил, что и прилетные, и местные птицы гнездятся на Куку-норе поздно и улетают рано, это наблюдение вносило некоторую поправку в прежнее его представление о фаунистической бедности района. Николай Михайлович был прежде здесь либо осенью, либо зимой, когда животная жизнь уже замирала на озере. Неправильным было и его представление об отсутствии на Куку-норе мошек и комаров: тех и других было весьма изрядное количество, и они сильно донимали и людей, и животных.

Ботанический сбор, благодаря исключительному усердию Роборовского, был на этот раз особенно полон: небогатая

в общем флора Куку-нора представлена была после экспедиции почти исчерпывающими материалами. Пржевальский обратил здесь, между прочим, внимание на широкое местное использование одного растения, имеющего повсеместное распространение в Западной Европе (и у нас в СССР): это лапчатка гусиная (*Potentilla anserina*), джума по туземному. Это растение доставляет маленькие, удлиненной формы съедобные клубни; при одном корне их бывает обыкновенно несколько. В сыром виде клубни вкусом напоминают свежие орехи; сваренные, очень похожи по вкусу на фасоль или молодой картофель. Если их в вареном виде приправить маслом и солью, — получается вкусное и питательное блюдо. У тангутов джума служит лакомством и составляет любимую еду.

Конечным пунктом кукунорского маршрута было устье реки Балема. Не снятым оставался только небольшой участок береговой линии озера, километров 25, в северной части. Но здесь берег Куку-нора тянулся почти прямой линией на северо-запад, так что его можно было нанести на карту одной засечкой от устья Балема, что и не замедлил сделать Николай Михайлович.

Из зоологической добычи во время стоянки на р. Балеме самой интересной была орнитологическая находка — горный, или индейский гусь (*Anser indicus*). Эта красивая птица водится и у нас, в сыртах Тянь-шаня и на Памире.

От устья р. Балема до кумирни Чейбсен экспедиция шла восемь суток. Целыми днями и ночами путешественников донимали дожди, сырость везде была ужасная, временами становилось холодно, хотя июль давал себя чувствовать в моменты, когда проглядывало солнце. В кумирне Чейбсен Николай Михайлович встретил старых знакомцев (со времени первого своего путешествия и знаменитой стоянки), которые отнеслись к путешественникам очень доброжелательно. Здесь Пржевальский впервые увидел «водяные молельни» — хурды, по-монгольски. Устройство этой молельни несложное; на деревянном столбе, на берегах ручья, вышиною около 1 м,

утверждается большой железный цилиндр, вращающийся силою течения ручья с помощью обыкновенного, горизонтально положенного мельничного колеса. Струя воды приводит в быстрое вращательное движение столб, а вместе с ним и цилиндр. Цилиндр выкрашен чаще всего в красный цвет и испещрен надписями, надо полагать, молитвенного содержания. Внутри цилиндра богомольцами кладутся кусочки бумаги, тряпки, на которых тоже начертаны молитвы, быть может какие-либо пожелания, вся эта «механика» находится в непрерывном движении дено и ношно. Все это хитроумное сооружение помещается на некоторой высоте над водой в деревянном ящике, закрытом с трех сторон, а с четвертой открытым, лишь забранном редкой решетчатой перегородкой; сверху молелья увенчивается двухскатной крышей. Эти сооружения довольно распространены среди буддистов, особенно в Тибете.

Из кумирни Чейбсен Пржевальский направился к Южно-Тэтунгским горам, с которыми у него связано было столько хороших воспоминаний по путешествию 1871—1873 гг. Здесь основательно исследовали довольно большой район, особенно подробно изучая растительность. «Нигде в Центральной Азии, — пишет Николай Михайлович, — не исключая даже Тянь-шаня и верхней Хуан-хэ, я не встречал таких прекрасных и разнообразных лесов... Они покрывают крутые склоны гор и густыми зарослями одевают ущелья, по дну которых везде с шумом бегут быстрые, светлые потоки. Там и сям, среди яркозеленой ливны, выступают голые гнейсовые и гранитные скалы разнообразных, иногда причудливых форм. Всюду тень, прохлада, благодать; притом почти неумолкаемое пение птиц дополняет общую отрадную картину лесной жизни».

Во всем районе Пржевальский насчитал в лесном поясе гор 13 видов деревьев и 36 видов кустарников; если сюда присоединить 12 видов кустарников альпийской области — получим 61 вид деревьев и кустарников, произрастающих в этой части восточного Нань-шаня.

Несколько уступает в богатстве животный мир. Млекопитающих здесь насчитывается 18 видов (не считая домашних животных, которых содержится жителями 11 видов). Несравненно богаче восточный Нань-шань птицами: коллекция Пржевальского заключала в себе 150 видов, из них оседлых 49, прилетающих гнездиться 78 и пролетных 23.

Обследовав Южно-Тэтунгские горы, экспедиция прошла к кумирне Чертынтон, а оттуда — к Северо-Тэтунгскому хребту. Это были последние высокие горы, за перевалом которых предстояли уже совершенно иные ландшафты, иной мир животных и растений, иные климатические условия.

9 августа путешественники спустились с хребта и остановились около г. Даджина. Прохлада гор сменилась теперь жаром и крайней сухостью атмосферы, сильная западная буря в первый же день встретила Пржевальского и его товарищей, — то был уже привет пустыни, у порога которой стоял караван.

Путь через Ала-шань и серединой Гоби Пржевальский выбрал после тщательного размышления. Возвратиться в родные пределы можно было и прежней дорогой — через Цайдам, Хами, Зайсан. Но его пугала трудность этого пути без обновления каравана свежими животными и враждебное отношение властей Са-чжеу; повторение же маршрута 1873 г.: Ала-шань — Гоби — Урга представляло крупный научный интерес, притом в Дынь-юань-ине он рассчитывал подновить караван и запастись вообще всем необходимым для дальнего и трудного пути.

Великая азиатская пустыня, обозначаемая в географии общим собирательным именем Гоби, раскинулась на 50° по долготе (от Памира до Хингана) и на 10° по широте, с юга на север. Естественными границами этой громадной площади служат на севере горные системы Алтая, Хангая, Кентея и хребты Забайкалья, на востоке — меридионально идущий хребет Большой Хинган, на юго-востоке — различные

параллельные и террасами идущие хребты Ин-шаня и др., на юге — величественные цепи Нань-шаня, Алтын-тага, Тогуз-дабана и Куэнь-луня; наконец, на западе великая пустыня вплотную подступает к системе Памира и западных частей Тянь-шаня. Восточные части Тянь-шаня и юго-восточного Алтая глубоко вдаются внутрь Гоби; в юго-восточном углу одиноко высятся хребет Алашанский.

До путешествий Пржевальского представление о рельефе этой оголенной части Азии было очень неточное: думали, что Гоби — однообразная, высоко-поднятая равнина, с одинаковым, приблизительно, ландшафтом на всей огромной площади, с очень бедной природой во всех ее частях. Впервые маршрутами Пржевальского географическая наука обогатилась достоверными материалами об этой великой пустыне, а к концу XIX века работами других русских путешественников утвердилось более точное и ясное представление о большей, чем предполагали, сложности и разнообразии ее строения, ее животного и растительного мира.

Абсолютные высоты Гоби варьируют в довольно широких пределах от 1000 и до 1700 м. Наиболее пониженные части лежат в бассейне Тарима, в Джунгарии и посредине Кяхтинско-Калганского тракта. Исследованиями Грумм-Гржимайло, Певцова и Роборовского открыта замечательная Люкчунская впадина, расположенная ниже уровня океана на 160 м (цифра 298 м А. Стейна вызывает справедливые сомнения).

Почвы¹ Гоби в разных частях неодинаковы. Довольно большую площадь занимают сыпучие пески; залегают они более всего в южной Гоби, от бассейна Тарима через Ала-шань в Ордос. Знаменитая пустыня Такла-макан представляет собой такое же безграничное море песков, как Алашанская «тынгери». В других частях Гоби почва состоит из щебня или гальки, часто с гравием, и наконец — из лес-

¹ Этим термином мы обозначаем, собственно, не почвы в точном, научном смысле, а поверхностный горизонт земной коры, «кору выветривания».

совой глины. Последняя составляет вообще подпочву по всему пространству великой пустыни, иногда же залегает сама по себе в чистом виде, или в виде солончаков — в западной, средней и в южной частях Гоби.

Орошение в большей части Гоби крайне бедное, за исключением северной, частью восточной ее окраины. К наиболее значительным рекам пустыни принадлежат: Тарим, Урунгу и Керулен; в юго-восточном углу выдвигается излучина Хуан-хэ, огибающая Ордос; наконец, на юге можно отметить Эцзин-гол. Озера Гоби почти все соленые, крупнейшие из них: Лоб-нор, два Далай-нора, Аяр-нор и Эбинор (в Джунгарии), Сого-нор. В Ала-шане имеется озеро самосадочной соли Джаратай-дабасу, в Ордосе — Дабасун-нор.

Климат Гоби отличается крайней континентальностью и суровостью. Зимой температура нередко опускается ниже 40° , и это бывает под 45° с. ш. В юго-восточной Монголии, под 42° с. ш. Пржевальский наблюдал в ноябре — 32.7° . Подобные морозы держатся очень продолжительное время, иногда всю зиму. При малом количестве снега, почва охлаждается до -26.5° , как это наблюдал Николай Михайлович 6 декабря 1870 г. возле колодца Улан-обо почти в середине пути из Урги в Калган. Но в тех же местах, где зимой бывают такие морозы, летом наступает страшная жара, достигающая в своем максимуме $36-38^{\circ}$; один раз Пржевальский отметил даже температуру $+45^{\circ}$ (в Ала-шане 3 июля 1873 г.). Оголенная почва пустыни нагревается при этом до $+50-60^{\circ}$; 27 июля в Ордосе была отмечена температура поверхности глины в 2 часа пополудни $+70^{\circ}$.

К этому присоединяется еще крайняя сухость воздуха — до 1% относительной влажности, как то наблюдалось Пржевальским 17 марта 1871 г. близ местечка Хобр в юго-восточной Монголии.

Отличительной особенностью климата Гоби являются еще сильные бури, бывающие особенно часто зимой и весной.

Эти бури почти всегда наполняют атмосферу тучами мельчайшего песка и пыли, совершенно застилающими солнце.

Жара, морозы, засуха, бури, бесплодная почва не благоприятствуют, конечно, развитию богатой растительности. Флора пустыни бедна. Но вместе с тем она отличается чрезвычайным своеобразием растительных форм, оригинальностью ландшафтов. Важнейшее свойство обитающих здесь растений — их крайняя неприхотливость и живучесть.

Общей характерной чертой флоры пустыни является отсутствие в ней деревьев и лугового дерна. Вся растительность Гоби, даже в лучших ее частях, не составляет сплошного покрова, — она рассажена кустиками, почти совсем не прикрываемыми желтоватого и красновато-бурого фона почвы.

В разных частях Гоби имеет неодинаковые типы растительности: несмотря на видимое однообразие физических условий, различные части пустыни сохраняют специальные, приуроченные к данной местности, виды. Наибольшим распространением пользуются хармык и дырисун; широко распространены также тамариск и саксаул. Кендырь и джингил, во множестве растущие на Тариме, совсем не встречаются в восточной половине Гоби; сульхир, изобильный в Ала-шане, не попадается на Тариме; тамариск, в большом количестве растущий на Тариме и в Ордосе, по долине Хуан-хэ, не встречается в средней и северной Гоби и в Ала-шане; *Reignium* (двух видов) встречается исключительно в песках Ордоса и Ала-шаня.

Во многих местах пустыня абсолютно бесплодна и иногда на десятки километров совершенно оголена.

Не может похвалиться Гоби и богатством животного мира. Но фауна пустыни, как и флора, своеобразна и оригинальна, в соответствии с исключительными физико-географическими условиями. Прежде всего, обитающие здесь крупные млекопитающие обладают способностью быстро перемещаться, покрывать в короткий срок огромные пространства; это необходимо и в поисках корма, скудного

в пустыне и разбросанного, и для спасения от преследования. Другая особенность этих местностей — скопление животных по рекам и озерам, в горах, степных полосах, в самой пустыне они встречаются сравнительно редко; здесь только множество беспрестанно снующих ящериц.

Диких млекопитающих в собственно Гоби, включая Ордос и Ала-шань с горами, Пржевальский насчитал 46 видов; в Джунгарии с долиной Урунгу 21 вид, на Лоб-норе с нижним Таримом 20 видов. Замечательно, что из них Джунгарии исключительно свойственны (эндемичны) 8—10 видов, Лоб-нору с Таримом — 8—12 видов.

Наиболее характерными являются для собственно Гоби с Ордосом и Ала-шанем: дзерен, хара-сульта, два вида аргали, куку-яман, горный козел и пищуха; для Джунгарии: дикая лошадь, хулан, джигетай, сайга и дикий верблюд; для Лоб-нора: дикий верблюд, тигр, кабан и марал. Волк, лисица, заяц, песчанки, еж и тушканчики водятся повсеместно. Медведя нигде нет; восточный Тянь-шань, где он водится, не принадлежит Гоби.

«Истинное же богатство Гоби, — замечает Пржевальский, — составляют домашние животные, во множестве разводимые здешними кочевниками. На просторе пустыни, при обилии соли и отсутствии летом мучающих насекомых, а зимою глубокого снега, стада номадов живут привольно и плодятся обильно.

Правда, иногда слишком суровая зима или чересчур жаркое, совершенно без дождей лето, наконец, повальные болезни, производят страшные опустошения среди скота, но эти потери впоследствии быстро и пополняются». Более всего из домашних животных разводятся курдючные бараны, затем — рогатый скот, верблюды и лошади; повсюду встречаются козы, при юртах кочевников — собаки. Яков разводят в горах Ала-шаня и около Урги.

Птиц в Гоби, со включением Таримской и Джунгарской пустынь, Пржевальский нашел 291 вид, из которых оседлых

63, прилетающих гнездиться 142, пролетных и зимующих 86. Несколько видов оказалось новыми.

Ихтиологическая фауна (рыбы) Гобн характеризуется преобладанием карповых и выюнковых.

Такова, в самых общих чертах, география великой азиатской пустыни. Население ее состоит преимущественно из монголов.

С 9 августа до 19 октября шел Пржевальский со своими товарищами от гор Гань-су до Урги, тщательно собирая коллекции и делая метеорологические наблюдения, дополняя свои исследования 1873 г.

Самым резким контрастом с только что оставленными горами явились перед экспедицией картины природы в первые же дни их выхода в пустыню.

«Тяжелое, подавляющее впечатление, — говорит Николай Михайлович, — производит Алашанская пустыня, как и все другие, на душу путника. Бродит он со своим караваном по сыпучим пескам или по обширным глинисто-солончаковым площадям и день за днем встречает одни и те же пейзажи, одну и ту же мертвенность и запустение. Лишь изредка пробежит вдали робкая хара-сульта, юркнет в нору испуганный тушканчик, глухо просвистит песчанка, затрещит саксаульная сойка, или со своим обычным криком пролетит стадо бодуруков... Затем нередко по целым часам сряду не слышно никаких звуков, не видно ни одного живого существа, кроме бесчисленных ящериц... А между тем летнее солнце печет невыносимо, и негде укрыться от жары; нет здесь ни леса, ни тени; разве случайно набежит кучевое облако и на минуту прикроет путника от палящих лучей. В мутной, желтоватосерой атмосфере обыкновенно не колыхнет ветерок; являются только частые вихри и крутят горячий песок или соленую пыль. Вплоть до заката жжет неумолимое солнце пустыни. Но и ночью здесь нет прохлады. Раскаленная днем почва дышит жаром до следующего утра, а там опять

багровым диском показывается дневное светило и быстро накаляет все, что хотя немного успело остынуть в течение ночи».¹

В первом своем путешествии серединою Гоби Пржевальский пришел к заключению, что пролетные птицы избегают эту пустыню; им было замечено всего 24 пролетных вида. На этот раз его ожидала приятная неожиданность: в августе пролетных птиц, преимущественно мелких пташек, оказалось 37 видов; в сентябре в полете насчитывалось 48 видов; наконец, один вид был замечен в октябре. Таким образом, на осеннем полете через пустыню наблюдалось всего 86 видов птиц, иные из них в большом количестве экземпляров. Наблюдения Николая Михайловича в местностях к западу, в пустынях Хами и Лоб-нора, показали, что эти части Гоби избегаются пролетными птицами. Избирая путь через восточную Гоби, птицы сразу попадают в теплый и плодородный Китай и отсюда легко могут следовать далее на юг или же остаться зимовать.

Но не дешево обходится пернатым странникам перелет через пустыню. «Правда, наиболее сильные из них, в особенности лебеди, журавли и гуси, в один мах стараются перенестись через Гоби и потому летят обыкновенно чрезвычайно высоко, в облаках, но более слабые пташки принуждены бывают делать свой перелет станциями, низко над землей, отыскивая удобные уголки для отдыха и покормки. Такими местами служат колодцы, возле которых обыкновенно встречаются лужицы разлитой при водопое скота воды, редкие ключи, озерки, заросли дырисуна, саксаула или бударганы. В столь непригодных для себя местах ютятся пролетные пташки; часто же и таких пристанищ не находят — тогда гибнут от голода, жажды и усталости. В особенности плохо приходится пролетным птицам, если их захватит буря в пустыне; тогда даже сильные летуны останавливаются,

---

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 438.

и случается, что журавли, гуси, утки пережидают непогоду или ночуют в сухих логох и на голом песке. И если в местах своих зимовок, да большею частью и на местах вывода, птицы Северной Азии почти не знают, как птицы Европы, усердного преследования со стороны человека, зато на своих перелетах через пустыню они, по всему вероятно, гибнут в немалом количестве».¹

Зоологическая коллекция Пржевальского получила в горах южнее Хурху существенное и интересное пополнение: им были добыты два экземпляра нового вида аргали, который он предложил назвать *Ovis darwini*, в честь великого натуралиста Чарльза Дарвина. Этот аргали держится в самых бесплодных и безводных местностях; хармык, бударгана, изредка лук — вот корм, который поедается животным в местах своего обитания, где он подолгу обходится без воды.

Новооткрытый аргали оказался необыкновенно живучим: экземпляр, добытый Пржевальским, был пробит пулей из берданки в самое сердце — все-таки еще бежал в гору около 300 шагов.

Переход через Ала-шань сделан был совершенно благополучно. В Дынь-юань-ине, главном городе Ала-шаня, Пржевальский имел дело со старыми знакомыми: умер лишь старый князь, и правителем теперь был старший сын. Средний сын и младший помогали хану править Ала-шанем. «Вернее, однако, — замечает путешественник, — что ни один из князей ничего не делает; жизнь ведут праздную и только часто ссорятся друг с другом. Впрочем — добавляет Пржевальский, — общая забота алашанских князей заключается в том, чтобы правдою и неправдою возможно больше вытянуть со своих подданных».

---

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 445—446.

В Дынь-юань-ине наняли 22 выючных верблюда; усталые лошади тоже были заменены новыми.

Перейдя Галбын-гоби, экспедиция переступила границу Халхи, северной Монголии. Здесь уже начиналась степь. Проходили дни октября, погода становилась суровее, близилось зимнее время; ночью морозы доходили до -13° ; 12 октября замелькали в воздухе снежинки, а пять дней спустя снежный покров был уже 6—7 см глубиной. 19 октября с последнего перевала перед путешественниками раскрылась широкая долина р. Толы, а в глубине этой долины, на белом фоне недавно выпавшего снега, чернели беспорядочно нагроможденные строения Урги.

Так закончилось третье путешествие Пржевальского в Центральную Азию. «Подобно двум первым, — говорит Николай Михайлович в своей книге, — оно представляет собой научную рекогносцировку посещенных местностей. Иного результата наши странствия иметь и не могли, раз по многим пробелам личной нашей подготовки, а затем по самому характеру пройденных стран, где против путешественника нередко встают и люди, и природа, где иногда с винтовкою в руках приходится прокладывать себе путь, а сплошь и кряду сначала заботиться, чтобы не погибнуть от жажды или голода и затем уже справлять научные работы. Но утешительно для меня подумать, что эти быстролетные исследования в будущем послужат руководящими нитями, которые проведут в глубь Азии более подготовленных, более специальных наблюдателей. Тогда, конечно, землеведение и естествознание, в своих различных отраслях, обогатятся сторицею против того, что им дали нынешние наши путешествия».¹

---

7 января 1881 г. Пржевальский со своими помощниками был уже в Петербурге, торжественно встреченный на вокзале

---

¹ Из Зайсана через Хами в Тибет, стр. 467.

представителями Географического общества, академиками, представителями литературы и огромной толпой публики. Весь путь его от Кяхты до столицы был сплошным триумфальным шествием.

Ряд наград получили члены экспедиции и начальник ее: Пржевальскому была увеличена пенсия, он был назначен членом Военно-ученого комитета. Города Петербург и Смоленск избрали его почетным гражданином. Целый ряд ученых обществ русских и иностранных присудили ему те или иные награды. Русское Географическое общество избрало знаменитого путешественника своим почетным членом; то же сделали Венское и Венгерское географические общества, Петербургский университет, Общество естествоиспытателей при нем. Московский университет присудил ему степень доктора зоологии *honoris causa* (чести ради). Петербургская городская дума постановила поместить его портрет, ассигновав на это 1500 руб. (Пржевальский поспешил отказаться от этой чести и просил думу употребить эти деньги на какие-нибудь благотворительные цели).

Чествования, просьбы прочесть лекцию о путешествии, визиты, знакомства, приглашения на обеды и вечера измучили путешественника. К нему постоянно обращались с просьбами дать портрет и автобиографические сведения для различных изданий, просили оказать пособие, похлопотать о доставлении места или пенсии, производства в чин и т. д.

По ходатайству членов Академии Наук была устроена выставка всех коллекций, привезенных в разное время Пржевальским. Выставка имела огромный успех; выручено было около 2000 руб. из сборов за входные билеты, и эту сумму решено было обратить в особый капитал имени Пржевальского.

Отдыхать от шумной и нервной жизни в Петербурге Николай Михайлович ездил в свое Отрадное. Но и здесь ему уже не нравилось: место стало слишком людным.

Пржевальский просил своих друзей и знакомых поискать в глуши подходящее имение, чтобы поселиться подальше от «цивилизации», которую он так не любил. Такое имение скоро нашлось в Поречском уезде Смоленской губернии в расстоянии 80 км от станции железной дороги. Имение называлось «Слобода».

Здесь Николай Михайлович писал свой отчет о третьем путешествии в Центральную Азию и начал собираться в четвертое, оказавшееся последним.

Глава 14

ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ ОТ КЯХТЫ НА ИСТОКИ ЖЕЛТОЙ РЕКИ. ОТПРАВЛЕНИЕ В ПЯТУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ И СМЕРТЬ ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Пржевальский умел работать не только в пустынях и горах Азии, он так же способен был и к усидчивой кабинетной работе ученого: отчет о третьем путешествии был уже закончен в конце 1882 г. и скоро вышел в свет в виде солидного тома почти в 500 страниц, с большим числом иллюстраций, зарисовок с натуры, сделанных его помощником Роборовским. Книга, как и все предыдущие, имела огромный успех и немедленно была переведена на иностранные языки. Показателем успеха этой книги может служить весьма красноречивый факт: Парижская Академия Наук, в нарушение своего устава, не допускавшего библиографических сообщений в своих заседаниях, разрешила сделать доклад в экстренном заседании о только что полученной книге Пржевальского, очевидно, во внимание к ее высокой научной ценности.

В феврале 1883 г. Николай Михайлович представил совету Географического общества проект нового путешествия в северный Тибет, задуманный в еще более широких размерах, чем прежние. Расходы на экспедицию были исчислены

в сумме 43 580 руб.; в мае уже последовало разрешение на отпуск этой суммы. В состав экспедиции включались: 15 казаков и солдат, препаратор, переводчик, фотограф, а всего, вместе с начальником и двумя помощниками, 21 человек. Помощниками Пржевальского были В. И. Роборовский и П. К. Козлов, юноша, завербованный Николаем Михайловичем в Слободе. Молодой Козлов занимал скромную должность в конторе винокуренного завода в Слободе, познакомился с Пржевальским и понравился ему. Поступив вольноопределяющимся в один из армейских полков, он мог, в этом звании, быть зачисленным в экспедицию.

В конце августа (1883) Пржевальский со своими помощниками выехал из Москвы и через Пермь—Тобол—Иртыш—Байкал направился в Кяхту, исходный пункт своего четвертого путешествия.

Задачей нового путешествия ставилось исследование северного Тибета от истоков Желтой реки до Лоб-нора и Хотана, с побочными, если будет возможность, путями, даже до столицы далай-ламы. Эта последняя цель достигнута не была, но вся важнейшая часть плана была осуществлена полностью. В значительной части маршруты нового путешествия повторяли прежние пути Пржевальского, мы при описании совершенно не коснемся их; новым было: достижение истоков Желтой реки и путь к западу от Лоб-нора на Хотан; кроме того, пути в западный и северо-западный Цайдам. Эти маршруты мы и изложим вкратце.

Утром 8 ноября экспедиция двинулась в путь из Урги. В караване состояло 40 завьюченных верблюдов, 14 под верхом казаков, 3 запасных и 7 верховых лошадей. Багажа набралось 300 пудов.

В первые же дни путешественников встретили сильные морозы, снег же покрывал землю лишь тонким слоем, да

и то не сплошь; через 150—200 км от Урги снеговой покров исчез окончательно.

Во время движения экспедиции через северную и среднюю Гоби и по северному Ала-шаню (в ноябре и декабре 1883 г.) путешественники были почти ежедневно свидетелями великолепной вечерней и утренней зари. «В прежние свои путешествия по Центральной Азии, — пишет Пржевальский, — я ни разу не наблюдал здесь такого явления... Вот как происходило это явление в Гобийской пустыне. После ясного, как обыкновенно здесь зимою, дня перед закатом солнца, чаще всего после его захода, на западе появлялись мелкие перистые или перисто-слоистые облака. Вероятно, эти облака в разреженном состоянии висели и днем в самых верхних слоях атмосферы, но теперь делались заметными вследствие более удобного для глаза своего освещения скрывшимся солнцем. Вслед затем весь запад освещался ярkobланжевым светом, который вскоре сверху становился фиолетовым, изредка испещренным теньными полосами. В это время с востока поднималась полоса ночи — внизу темнолиловая, сверху фиолетовая. Между тем, на западе фиолетовый цвет исчезал, вблизи же горизонта появлялся здесь, на общем светlobланжевом фоне, в виде растянутого сегмента круга, цвет яркооранжевый, иногда переходивший затем в светlobагровый, иногда и в темнобагровый или почти кроваво-красный. На востоке тем временем фиолетовый цвет пропадал, и все небо становилось мутнолиловым. Среди изменяющихся переливов света на западе, ярко, словно бриллиант, блестела Венера, скрывавшаяся за горизонт почти одновременно с исчезанием зари, длившейся от захода солнца до своего померкания целых полтора часа. Почти все это время дивная зоря отбрасывала тень и особенным, каким-то фантастическим светом, освещала все предметы пустыни. Утренняя зоря часто бывала также не менее великолепна, но только переливы цветов шли тогда в обратном порядке; иногда же эта зоря начиналась прямо багровым светом. При полной луне описанное явление было менее

резко. В пыльной атмосфере северного Ала-шаня оно наблюдалось нами реже, чем в центральной и северной Гоби».¹

Направляясь в летнюю экскурсию для исследования истоков Желтой реки, Пржевальский разделил отряд на две части: в хырме Бурун-засак в Цайдаме был устроен складочный пункт, на котором оставлены 6 казаков под начальством Иринчинова. Другие участники экспедиции, во главе с Пржевальским, числом в 14 человек, в сопровождении вожака-монгола и одного из переводчиков-китайцев, знавшего тангутский язык, отправились к истокам Хуан-хэ, определив срок этой экскурсии от 3 до 4 месяцев.

Чтобы попасть на плато Тибета, надо прежде всего перевалить через хребет Бурхан-будда, Пржевальский прошел к перевалу ущельем Номохун-гола. От входа в ущелье Номохун-гола до высшей точки перевала через Бурхан-будда расстояние немного больше 30 км и подъем здесь пологий; точно также и спуск на плато. Как люди, так и животные взойшли благополучно, употребив на движение 2 дня.

Переночевав в день перехода недалеко от перевала, путешественники на следующее утро спустились по южному склону Бурхан-будды в долину р. Алак-нор-гол; несколько западнее пути каравана осталось оз. Алак-нор. Почва местности от южного склона хребта Бурхан-будда до истоков Желтой реки большею частью солончаковая. Несмотря на крайнее бесплодие местности, на высоком плато началось баснословное обилие тибетских зверей: диких яков, хуланов, антилоп и др.; звери были теперь, после долгой зимы, исхудалые и в плохой шкуре, некоторые начинали линять. Минував довольно высокую столовидную гору Урундуши, Прже-

---

¹ От Кяхты на истоки Желтой реки, стр. 90—91. Пржевальский почему-то не указал на причину этого замечательного явления, хотя несомненно знал ее. Речь идет о знаменитом извержении вулкана Кракатоа в августе 1883 г. Большое количество пыли, выброшенной вулканом, попало в высокие слои атмосферы и вызвало необычайные оптические явления.

вальский со спутниками вышел к восточному устью обширной болотистой котловины Одон-тала; на ней и лежат истоки знаменитой Желтой реки Китая. «Это был первый, — записал Николай Михайлович, — крупный успех нынешнего нашего путешествия, да и в общем прибавилось для нас решение еще одной важной географической задачи».

Вся эта площадь покрыта множеством кочковатых болот, ключей и небольших озерков. Котловина окружена невысокими горами, это, повидимому, отроги хребта Баян-хара-ула, составляющего водораздел к бассейну Ды-чю; с севера к Одон-тала близко подходит хребет Акта. Кроме озерков и мото-шириков (кочковатые болота), по Одон-тала выются небольшие речки, частью сбегаящие с окраинных гор, частью образующиеся из тех же ключей. От слияния всей воды Одон-тала и зарождается знаменитая Желтая река. У своей колыбели она носит монгольское название Салома. Географическая широта, определенная Пржевальским в 3 км ниже слияния истоков Желтой реки, равняется $34^{\circ}55'3''$, а долгота, полученная прокладкой маршрута, найдена равной $96^{\circ}52'$ к востоку от Гринича.

«Еще не поздним утром 17 мая, — описывает Николай Михайлович, — перешли мы вброд несколько мелких рукавов новорожденной Хуан-хэ и разбили свой бивуак на правом ее берегу, в трех верстах ниже выхода из Одонь-тала. Таким образом, давнишние наши стремления увенчались, наконец, успехом. Мы видели теперь воочию таинственную колыбель великой китайской реки и пили воду из ее истоков. Радости нашей не имелось конца».

С Одон-тала Пржевальский предпринял трудную экскурсию для обследования, хотя бы беглого, водораздельного массива между Желтой и Голубой реками. Только на седьмые сутки по выходе из Одон-тала перешли путешественники через водораздел области истоков Хуан-хэ к бассейну верхнего течения Ды-чю или Ян-цзы-цзяна. Таким водоразделом, как оказалось, служит восточное продолжение хребта Баян-хара-ула. Абсолютная высота этого перевала 4468 м.

Горная местность к югу от водораздела носит совершенно другой характер: там перед глазами путешественника является горная альпийская страна, с высокими, крутыми и труднодоступными горами. Хребты, сбегаящие с водораздела, принимают меридиональное направление и становятся богаче и флорой и фауной. Быстрые и многоводные речки текут в каждом ущелье и почти все впадают в Ды-чю.

При переходе через плато северо-восточного Тибета Пржевальский и его товарищи очень удачно охотились на тибетского медведя. Всего убито было около шестидесяти экземпляров; половина лучших из этих шкур поступила в коллекцию.

Климат местности отличается суровостью. Зимой здесь выпадает глубокий снег и стоят сильные морозы, весной также преобладают морозы и частые бури, летом каждый день идет либо дождь, либо снег, да и осенью также мало бывает хорошей погоды. Такую характеристику климата Пржевальский записал со слов туземцев, собственными наблюдениями проверить, конечно, было нельзя. Животный и растительный мир представляет смесь форм западно-китайских и тибетских.

За водоразделом двух великих китайских рек круто изменился характер местности и природы: перед путниками была настоящая альпийская область гор; на смену утомительно-однообразного плато встали горы с их разнообразием рельефа, по дну ущелий явились зеленеющие лужайки, показались цветы, насекомые, иные виды птиц. Гербарий экспедиции сразу обогатился более чем 30 видами цветущих растений, тогда как за два предыдущих месяца найдено было всего 45 видов.

После нескольких экскурсий Пржевальский вернулся к берегам Ды-чю и решил возвратиться прежним путем к истокам Желтой реки и заняться исследованием больших озер и верхнего течения.

Желтая река, образовавшись из речек и ключей Одон-тала, проходит затем через два больших озера. Китайцам давно известны эти озера; западное под именем Цзярин-нора.

восточное — Норин-нора.¹ «Но так как, — говорит Пржевальский, — положение озер на географических картах установлено не было и никем из европейцев они не посещались, то, по праву первого исследователя, я назвал на месте восточное оз. Русским, а западное — оз. Экспедиции. Пусть первое из этих названий свидетельствует, что к таинственным истокам Желтой реки первым проник русский человек, а второе — упрочит память нашей здесь экспедиции, которая оружием завоевала возможность научного описания тех же озер».²

Действительно, Пржевальскому и его товарищам пришлось пустить в ход оружие, чтобы закрепить возможность своих научных исследований. Дело происходило таким образом.

11 июля разбили бивуак на берегу р. Джагын-гол, неподалеку от оз. Экспедиции. Необходимо было разъездам осмотреть местность. В разъезд отправлен был Роборовский с двумя казаками, сам же Пржевальский отправился, тоже с двумя казаками, возможно дальше обследовать перешеек, разделяющий оба озера. Предполагалось, что Николай Михайлович пробудет в экскурсии двое суток, а Роборовский — один день. К счастью, экскурсия Пржевальского оказалась неудачной: невозможно было пробраться по топким болотам, и он скоро вернулся к стоянке; перед вечером вернулся и Роборовский; все были, таким образом, в сборе. Вместе с тем Роборовский сообщил, что видел большую партию тангутов, расположившихся на ночлег километрах в двенадцати от бивуака. Николай Михайлович не обратил особенного внимания на это известие, предполагая, что это был проходящий караван. К тому же казаки держали постоянный караул, спали всегда с оружием наготове, а обе собаки экспедиции отлично сторожили.

---

¹ Джарин-нор и Орин-нор. — *Ред.*

² От Кяхты на истоки Желтой реки, стр. 198.

«Наступившая теперь ночь, — рассказывает Пржевальский, — была облачная и очень темная; прошла она благополучно; только собаки сильно лаяли, но часовые наши этим не тревожились, предполагая, что кругом бивуака бродят дикие яки, которых днем очень много паслось по окрестным долинам. На рассвете дежурный казак разбудил Козлова посмотреть показание термометра и побудил также своих товарищей, чтобы встать; сам же пошел к огню и начал раздувать его ручным мехом. В эту минуту вдруг послышался лошадиный топот, и тотчас же часовой увидел большую толпу всадников, скакавших прямо на наш бивуак; другая куча неслась на нас сзади. „Нападение!“ — крикнул казак и выстрелил. Тангуты громко, но как-то пискливо загикали и пришпорили своих коней. В один миг выскочили мы из обеих палаток и открыли учащенную пальбу. Не ожидая подобной встречи и, вероятно, рассчитывая застать нас врасплох спящими, тангуты круто повернули в стороны и назад от нашего бивуака. Во время стрельбы и суматохи восемь наших верховых лошадей, именно те, которые были куплены в бассейне Ды-чю, услышав знакомое гиканье и испугавшись пальбы, сорвались с привязей и удрали к тангутам; еще одна лошадь оказалась раненой в живот, так что пришлось ее дострелить».¹

В караване теперь оставалось всего 7 лошадей и 24 верблюда. Для облегчения выюков принуждены были бросить половину всего запаса дзамбы, дорогою же шли поочередно пешком. В предупреждение нового нападения, прежние меры предосторожности были еще усилены: чтобы не разъединяться, разъезды более не посылались, лагерь располагался на открытой местности тылом к непроходимому болоту или озеру, по ночам дежурили парные часовые, все спали одетыми, с оружием наготове, на экскурсии далеко не уходили, а караванных животных кормили около бивуака. Несмотря

---

¹ От Кяхты на истоки Желтой реки, стр. 201—202.

на создавшуюся грозную обстановку, Пржевальский решил все же обследовать хоть отчасти оз. Русское.

Предосторожность путешественников оказалась не лишней; нападение на экскурсию повторилось уже на берегу оз. Русского.

На этот раз нападавшими были иголки — племя, обитавшее по Желтой реке, вниз от выхода ее из оз. Русского. Стычка продолжалась более двух часов. По мнению Пржевальского, из нападавших убито и ранено было до 30 человек.

Тяжелое настроение было у путешественников. С большим вероятием можно было ожидать нового нападения, дежурили поэтому ночь напролет, усевшись в две кучки на обоих флангах бивуака. Всю ночь не переставая лил дождь, бушевал сильный западный ветер, кругом стояла тьма кромешная. Было холодно, неудобно и тоскливо, ночь тянулась без конца.

Все утро следующего дня продолжался дождь, приходилось поневоле сидеть на месте. Досадная и небезопасная задержка послужила интересам экспедиции: от проезжего каравана тангутов Пржевальский узнал, что на верблюдах в большую воду невозможно переправиться через Желтую реку по выходе ее из оз. Русского. Пришлось отказаться от прежнего намерения пройти северным берегом обоих больших озер; завьочив после ухода тангутского каравана верблюдов, пошли обратно южным берегом оз. Русского. По пути не раз встречали свежие следы небольших конных партий, вероятно туземцы следили за экспедицией своими разъездами, но нападать более не решались.

Целую неделю шел караван до места прежней переправы через р. Салома; шли наполовину пешком, по ночам дежурили все вместе на 2 смены: одна половина отряда с вечера до полуночи, другая с полуночи до утра. 29 июля разыгралась совершенно зимняя метель, и снег сплошь покрыл землю; холод стоял такой, что даже средняя суточная температура была ниже 0 (— 0.5°).

По Номохун-голу караван спустился до выхода из гор; перекочевали в ущелье р. Хату-гол и здесь провели с великим удовольствием целых две недели. На складе, оставленном в Цайдаме под начальством Иринчинова, все оказалось благополучно. Благодушному отдыху путешественников никто не мешал, так как жителей вблизи не было, за исключением одного ламы, прикочевавшего к бивуаку, чтобы без опаски пасти своих баранов и пользоваться остатками кухни.

Исследованием истоков Хуан-хэ и северо-восточного угла Тибета закончился первый акт экспедиции Пржевальского. Предстояло исследовать южный, западный и северо-западный Цайдам, затем путь от Лоб-нора до Хотана — и тем кончалась задача нынешнего путешествия.

На стоянке Номохун-гол Николаю Михайловичу пришлось неожиданно-негаданно провести 18 суток. Заболели верблюды, приходилось покориться необходимости и терпеливо ждать. Утешением была охота на медведей, которые спускались с гор в это время года лакомиться ягодами хармыка. Большим наслаждением было чтение книг, бывших в складе, и получение писем с родины, доставленных через Пекин. Верблюды, наконец, выздоровели, и экспедиция направилась к оз. Гас.

От небольшого соленого озера Гашун-нор сделан был большой безводный переход почти в 70 км. С хорошим запасом воды караван прошел это расстояние в три приема: выйдя в полдень, сделали 25 км и заночевали; весь следующий день прошли еще 25 км и, отдохнув два часа, в поздние сумерки добрались до урочища Гансы. Здесь путешественники справили годовщину своего путешествия: подводя итоги, Пржевальский высчитал, что от Кяхты до Гансы пройдено около 4000 км.

Наконец, сделав еще один большой и безводный переход, подошли к знаменитому и таинственному оз. Гас, располо-

женному в северо-западном углу Цайдама. Котловина, в которой лежит это озеро, довольно значительна по своей площади и простирается километров на 70 с востока на запад и километров на 20 с севера на юг. Урочище Гас у цайдамских монголов пользуется особой славой.

На ключевом истоке речки Ногын-гол, в урочище Чон-яр, Пржевальский остановился лагерем на продолжительный срок. В план ближайших работ включена была крупная экскурсия разъездами в сторону Алтын-тага для поисков перевала к бассейну Тарима. Начальником партии для этого ответственного и трудного дела назначен был Иринчинов; предстояла еще более крупная задача: продолжительная экскурсия к Тибету. В эту экскурсию шел сам Николай Михайлович с обоними своими помощниками и казаками.

Поиски перехода через Алтын-таг увенчались блестящим успехом: партия Иринчинова вернулась через 12 суток с известием, что путь к Лоб-нору найден. «Таким образом, — говорит Пржевальский, — счастье вновь послужило нам как нельзя лучше. Случайно найденная тропа через Алтын-таг открывала теперь для нас двери в бассейн Тарима, да притом в ту его часть, где еще не бывали европейцы от времени знаменитого Марко Поло». «Счастье» и «случайность» куплены были, положим, ценою тяжелых трудов и самоотвержения рядовых членов экспедиции: на протяжении 50 км по гребню Алтын-тага казаки обшарили все ущелья, опускались по ним даже на другую сторону хребта; встретив непроходимую местность, возвращались обратно и, наконец, напали на истинный путь. По найденному проходу проехали еще километров 60 до выхода из Алтын-тага. На большой высоте, в жестокую стужу казаки иссечвали под открытым небом, так как палатки у них не было. При такой преданности делу «счастью» и случайности остается мало места.

Чрезвычайно важным в научном отношении была экскурсия в северо-западную часть Тибетского нагорья, в местность, до того совершенно неизвестную. В течение трех месяцев, в самое холодное время (ноябрь—январь) было пройдено

около 800 км в районе высоких и труднодоступных гор. В результате этого похода открыты были горные хребты, вечно-снеговые вершины, озера, реки, сделаны драгоценные наблюдения над климатом. «Позвоночный столб» Азии — Куэнь-лунь до этого путешествия Пржевальского оставался совершенно неизвестным на 12 градусов по долготе, считая от меридиана Найджин-гола почти до меридиана оазиса Керия в Восточном Туркестане; этот пробел и был восполнен блестящим походом Николая Михайловича с его товарищами.

От стоянки Чон-яра первый же переход предстоял по совершенно бесплодной и безводной равнине, названной Пржевальским Долиной ветров: здесь непрерывно дуют сильные западные ветры. По этой долине протекает р. Зайсан-сейту, в нескольких местах скрывающаяся под землей и вновь появляющаяся на поверхность. С северо-запада долина ограничивается хребтом Чамен-таг. Это очень узкий и вместе с тем очень высокий хребет, бесплодный, дикий и труднодоступный. С юга Долину ветров запирает хребет Цайдамский, далее к западу протянулся хребет Московский, с высокой вершиной Кремль; юго-восточный отрог этого хребта замыкает котловину большого соленого озера, названного Пржевальским Незамерзающим. Параллельно Цайдамскому, к югу от него, подымается выше снеговой линии хребет Колумба. У самого стыка этого хребта и гор Гарынга-ула высится громадная снеговая вершина Джин-ри. К югу от этой вершины тянется обширный снеговой хребет, названный Николаем Михайловичем Загадочным и переименованный потом по постановлению Совета Географического общества в хребет Пржевальского; возможно, что он составляет главную цепь этой части Куэнь-луня. К востоку от него идет хребет Марко Поло.

К западу от хребта Московского, южной оградой Восточного Туркестана, идут непрерывной цепью хребты: Тогуз-дабан, Русский и Кернийский — до 80 меридиана (к востоку от Гринича).

Вот, в самых кратких чертах, основные линии географического строения горного узла северо-западной части Тибета. Требовались героические усилия небольшой кучки отважных исследователей, чтобы распутать этот узел в короткий срок 2—3 месяцев и в самой суровой обстановке высокогорного путешествия.

Новый год (1885) встретили на возвратном пути из этой экскурсии, на берегу Зайсан-сейту. На второй день нового года Пржевальский послал двух казаков с несколькими вьючными верблюдами на складочный пункт, в урочище Чон-яр, а сам предпринял непродолжительную экскурсию к р. Хатын-зан, чтобы выяснить окончательно расположение и взаимное отношение окрестных хребтов и проследить течение и связь Хатын-зан с Зайсан-сейту. Экскурсией обследована долина, протянувшаяся между хребтами Цайдамским и Колумба; по этой долине и протекает р. Хатын-зан, не доходя (зимой) 10 км до Зайсан-сейту. По Хатын-зану пролегает заброшенный путь западно-монгольских богомольцев через Лоб-нор в Лхассу.

В долинах Хатын-зана Пржевальскому посчастливилось убить самца и самку аргали, которые оказались новым видом. Николай Михайлович дал ему имя аргали далай-ламы (*Ovis dalai-lamae*).

11 января 1885 г. Пржевальский со своими спутниками вернулся к стоянке урочища Чон-яр.

По приходе на базу и погода стала теплее, и обстановка уютнее: началась стрижка, умывание, ремонт обуви и одежды и т. д. На радостях угощались лучшими запасами продовольствия.

Но времени терять Николай Михайлович не любил, и через три дня экспедиция покинула свою прекрасную стоянку и направилась к северу, на Лоб-нор по пути, отысканному разъездами Ирнчинова. Через день караван переходил в самом узком месте тот хребет, который служит непосредственным продолжением Чамен-тага к северо-востоку и, повидимому, соединяется с Алтын-тагом. Хребет этот

не имеет туземного имени, Пржевальский назвал его Безымянным. По своему характеру он сходен с Алтын-тагом: так же бесплоден и безводен. К западу от перевала лежит оз. Гашун-нор чрезвычайно соленое и не замерзающее. Между хребтами Безымянным и Алтын-тагом протянулась долина на абсолютной высоте 3000—3400 м в пониженной середине, длиною с запада на восток около 150 км, шириною на север около 40 км; переход должны были сделать в два дня. Перевалив Кургансайским ущельем Алтын-тага, экспедиция вышла к Лоб-нору. Этим заканчивался второй этап путешествия.

На Лоб-норе Пржевальский провел 50 дней, занявшись главным образом зоологическими наблюдениями в этом интересном пункте Центральной Азии. В конце марта (1885) экспедиция двинулась к поселению Чархалык, знакомому еще с экспедиции 1876 г., а отсюда через урочище Ваш-шари и затем берегом Черчен-дарьи к оазису Черчен, где и разбили свой бивуак в тени ивовых деревьев.

В этом оазисе население занимается земледелием и скотоводством: засеивает пшеницу, ячмень и рис, а также кукурузу, бобы, клевер (люцерну) и табак; из овощей выращивают морковь, лук, сажают арбузы, дыни. В садах отлично растут, орошенные сетью арыков, абрикосы, персики, яблоки, шелковица, груши; виноград и гранаты чувствуют себя здесь плохо. Глиняные сакли туземцев расположены отдельными фермами, неподалеку одна от другой.

Пребывание в Черчене оказалось длительнее, чем хотел это Николай Михайлович: сильная буря задержала выступление каравана на целую неделю.

Следующим этапом путешествия были оазисы Ния и Керия. По дороге к последнему экспедиция имела чрезвычайно приятную остановку в деревне Ясулгун, где пробыли несколько суток. Жители Ясулгуна — мачинцы, весьма добродушные и приветливые, встретили хорошо наших путешественников.

«Стоянка выпала нам здесь отличная, — рассказывает Пржевальский, — под шелковичными деревьями на берегу пруда, в котором ежедневно по несколько раз можно было купаться. Деревенская жизнь шла при нас обычным чередом. Женщины хлопотали по хозяйству; мужчины осматривали поля, исправляли арыки, копались в садах или сидели без всякого дела; ребятишки бегали нагишом, валялись в песке, играли, иногда же и дрались между собою, притом словно обезьяны лазили по сучьям шелковицы, доставая ягоды. Возле сакель резвились ласточки, чирикали воробьи, ворковали голуби, пели петухи, клекотали насекомые с цыплятами... По вечерам казаки наши пели песни и играли на гармонии. Игра эта везде чрезвычайно нравилась жителям Восточного Туркестана; слух о столь удивительном инструменте шел далеко впереди нас, так что даже выезжавшие нам навстречу местные власти обыкновенно прежде всего просили „послушать музыку“».

В начале июня экспедиция раскинула свой лагерь в оазисе Керия.

Здесь путешественники пробыли шесть суток и отсюда же Пржевальским была сделана попытка найти путь на плато Тибета. Попытка успеха не имела: горы оказались непроходимыми.

Следующим важным пунктом был обширный и знаменитый еще в глубокой древности оазис Хотан. Этот густо населенный оазис, самый город Хотан уже связан торговыми отношениями с русскими — и дальнейший путь с каждым днем приводил все ближе и ближе к родной границе.

7 октября, направляясь в город Аксу, экспедиция вышла на берег Тарима и тотчас же переправилась в несколько приемов на другую его сторону на плашкоуте. На десятый день после этого караван уже вступал в Аксу, здесь закончилась маршрутная съемка Пржевальского, так как дальнейший путь имелся уже на карте, снятой топографом Сунаргуловым еще в 1877 г.

Утром 29 октября путешественники начали свое восхождение на перевал Бедель у русской границы.

Переходом через Бедель (в Тянь-шане) закончилось четвертое путешествие в Центральную Азию Пржевальского.

В тот же день Николай Михайлович отдал по своему маленькому отряду следующий прощальный приказ: «Сегодня для нас знаменательный день: мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю. Более 2 лет минуло с тех пор, как мы начали из Кяхты свое путешествие. Мы пускались тогда в глубь азиатских пустынь, имея с собою лишь одного союзника — отвагу; все остальное стояло против нас: и природа, и люди. Вспомните: мы ходили то по сыпучим пескам Ала-шаня и Тарима, то по болотам Цайдама и Тибета, то по громадным горным хребтам, перевалы через которые лежат на заоблачной высоте. Мы жили два года, как дикари, под открытым небом, в палатках или юртах и переносили то 40-градусные морозы, то большие жары, то ужасные бури пустыни. Ко всему этому по временам добавлялось недружелюбие, иногда даже открытая вражда туземцев: вспомните, как на нас дважды нападали тангуты в Тибете, как постоянно обманывали монголы Цайдама, как лицемерно-враждебно везде относились к нам китайцы. Но ни трудности дикой пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроенного населения, — ничто не могло остановить нас. Мы выполнили свою задачу до конца: прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную от имени науки, которой мы служили, и от имени родины, которую мы прославили»...¹

¹ От Кяхты на истоки Желтой реки, стр. 492.

Возвращение в Петербург, как и во все предыдущие экспедиции, сопровождалось торжественными встречами, приемами, наградами.

Пржевальскому был дан чин генерал-майора и увеличена пенсия, всем участникам экспедиции последовали те или иные награды в меру заслуг каждого. Николай Михайлович очень заботливо и ревниво относился к тому, чтобы никто из его товарищей не был обойден наградой. Ближайших своих помощников — Роборовского и Козлова — он энергично и очень умело поощрял к тому, чтобы они продолжали свое образование: Роборовский поступил в Академию генерального штаба, Козлов — в военное училище. Пржевальский не только помогал им советами, хлопотами об определении, но и следил за тем, как работают его молодые друзья, серьезно ли относятся к своим обязанностям. «Зубри с утра до вечера, иначе не успеешь приготовиться. Не уступай перед трудностями поступления в Академию, в этом вся твоя будущность» — писал он Роборовскому. Козлову он писал: «Воображаю, как тебе бывает грустно при хорошей погоде! Но нечего делать, нужно покориться необходимости. Твоя весна еще впереди, а для меня уже близится осень. Пожалуйста, нечасто пиши, лучше учись к экзамену, после же экзамена пиши каждую неделю». Казака Телешова он пригласил к себе в имение и дружески делил с ним удовольствия жизни в глухой деревне, среди лесов, озер и болот.

Из ученых наград большое удовлетворение доставило ему присуждение медали «Вега» Стокгольмского географического общества и большой золотой медали Итальянского географического общества. Но особенно рад был Николай Михайлович совершенно исключительной награде, присужденной ему Российской Академией Наук: в честь знаменитого путешественника была выбита золотая медаль, на лицевой стороне которой был его портрет с надписью вокруг: «Николаю Михайловичу Пржевальскому Академия Наук», на другой стороне слова: «Первому исследователю природы Центральной Азии 1886», окруженные лавровым венком. В годичном торжествен-

ном собрании членов Академии Наук 29 октября Пржевальскому была вручена эта медаль. В речи неперменного секретаря Академии К. С. Веселовского было, между прочим, сказано: «... есть счастливые имена, которые довольно произнести, чтобы возбудить в слушателях представление о чем-то великом и общезвестном. Таково имя Пржевальского. Я не думаю, чтобы на всем необъятном пространстве земли русской нашелся хоть один сколько-нибудь образованный человек, который бы не знал что это за имя. Имя Пржевальского будет отныне синонимом бесстрашия и энергии в борьбе с природою и беззаветной преданности науке».

Суежливая и нервная жизнь Петербурга чрезвычайно тяготила Николай Михайловича.

Пржевальский спасался от всей этой суеты в глуши своей Слободы. Здесь он упорно занимался обработкой собранных материалов и писанием отчета. В глубине сада у него была небольшая хатка, состоявшая из трех маленьких комнат, здесь он и работал над своими книгами. Отвлекаемый поездками в Петербург, своими обязанностями члена Ученого комитета, разнообразной и большой перепиской, Николай Михайлович не мог сосредоточиться, и работа шла черепашьим шагом. Вместе с тем он уже наводил справки об условиях новой экспедиции и исподволь готовился к ней. Беспокоила его болезнь: какая-то опухоль ног, но он был твердо убежден, что эту болезнь вылечит только пустыня, новое путешествие: «как вольной птице трудно жить в клетке, так и мне не ужитья среди „цивилизации“, где каждый человек, прежде всего, раб условий общественной жизни. Но простор в пустыне — вот о чем я день и ночь мечтаю. Дайте мне горы золота, я за них не продам своей дикой свободы»... (письмо к С. А. Пржевальской от 3 августа 1886 г.).

Еще до окончания своего отчета Пржевальский официально оформил новую грандиозную экспедицию в составе 27 человек, главной целью которой было изучение Тибета и проникновение в Лхассу. При организации экспедиции очень не легко было одолеть дипломатические и политические

трудности: не только Китай, но и Англия очень неприязненно и подозрительно относились к новому путешественнику.

Отчет — книга о четвертом путешествии — был окончен, напечатан, состав экспедиции определен: помощниками Пржевальского ехали те же Роборовский и Козлов. 18 марта 1888 г. Николай Михайлович выехал в свою последнюю экспедицию. Исходным пунктом экспедиции был намечен Каракол.

Но это была уже смертная дорога Пржевальского.

В Пишпек (ныне Фрунзе) Николай Михайлович на охоте неосторожно напился сырой и зараженной воды. Богатырский организм долго боролся с внедрившейся заразой (он заразился брюшным тифом), Пржевальский первое время даже не замечал болезни. По приезде в Каракол он все же вынужден был обратиться к медицинской помощи. Но было уже поздно. 20 октября (1 ноября н. с.) великий путешественник умер после короткой агонии.

Глава 15

НАУЧНЫЕ ИТОГИ ПУТЕШЕСТВИЙ ПРЖЕВАЛЬСКОГО. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ И ОБЩЕСТВО ЕГО ВРЕМЕНИ. ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Николай Михайлович Пржевальский прежде всего был географом-путешественником. Что же он дал географической науке?

Поприщем его исследовательской деятельности было центрально-азиатское нагорье, его наименее известные части. Здесь Пржевальский провел 9 лет, 2 месяца и 27 дней и прошел своими экспедициями более 30 000 км. Вся эта застенная часть Китая до середины XIX века оставалась почти совершенно недоступною для путешественников, да и вообще для географической науки того времени. Внутренность азиатского материка была, с географической точки зрения,

совершенно terra incognita; некоторым светом осветили ее европейские и русские китаеведы, более или менее исчерпавшие скудные показания старых и новых китайских географов о Застенном Китае. Пржевальский был первым отважным путешественником, которому удалось пересечь своими смелыми маршрутами всю внутренность азиатского материка. В истории географии именем Пржевальского отмечено начало новой эпохи. Каким-то титаном прошел он по азиатскому континенту; то, что он поведал миру, и в наше время имеет громадную практическую ценность. Несомненно, природа и жизнь Азии требует пристального внимания исследователя. Азию необходимо изучать, и великая заслуга Пржевальского состояла, между прочим, в том, что перед его отвагой и горячим патриотизмом открылись запретные двери таинственного Тибета и суровых пустынь Монголии и Кашгарии, грандиозных хребтов Куэнь-луня.

Резюмируем в кратком перечне крупнейшие из его географических открытий.

Колоссальная система горных хребтов Куэнь-луня вдоль северной окраины Тибета, «становой хребет» Азии, до путешествий Пржевальского была известна только по имени и изображалась на картах в виде почти прямой черты; после Пржевальского прямолинейный Куэнь-лунь точно ожил, расчленился на отдельные хребты, связанные горными узлами и разъединенные глубокими долинами. Общее очертание тибетской ограды сразу стало ясным после открытия Алтынтага. В третью экспедицию исследована была восточная часть Нань-шаня; открыты хребты Гумбольдта и Риттера. В первой, третьей и четвертой экспедициях вновь открыты и исследованы хребты Северно- и Южно-Тэтунгский, Южно-Кукунорский, колоссальное сплетение хребтов Центрального и Западного Куэнь-луня: Бурхан-будда, Го-шили, Толай, Шуга и Хоросай, Марко Поло, Торай, Гарынга, Колумба, Цайдамский, Пржевальского (Загадочный), Московский, Тогуз-дабан, Русский, Керийский, Текелик-таг.

Заполнилось, таким образом, огромное пространство от Памира до истоков Желтой реки. Стоит сравнить не только старую карту Гумбольдта, но и современную первому путешественнику Пржевальского карту крупного ученого географа и путешественника Северцова, чтобы убедиться в громадной заслуге Николая Михайловича.

Исследование северной части Тибета составляет также одно из важнейших географических открытий нашего времени. Здесь Пржевальский открыл и исследовал ряд хребтов: Куку-шили, Баян-хара-ула, Думбуре, Таи-ла; открытием вечноснеговой группы Самтын-кансыр он сомкнул свои исследования с английскими, указав на связь северно-тибетских гор с Трансгималайскими.

Великим подвигом Пржевальского было исследование Лоб-нора и бассейна Тарима; точно также оз. Куку-нор перестало быть легендарным, известным лишь по преданиям. Открытие истоков Желтой реки, оз. Русского и оз. Экспедиции завершает его исследовательскую работу в Тибете.

Пржевальскому всецело принадлежит исследование Цай-дама, — обширного плоскогорья, замкнутого со всех сторон хребтами Куэнь-луня. Его оазисы, урочища, озера, главная артерия — р. Баян-гол нанесены на карту впервые нашим путешественником и им же сделаны некоторые астрономические определения.

Наконец, крупной заслугой Пржевальского надо считать исследование им наименее доступных участков Гоби — великой пустыни Азии. Ни один европеец не проходил до него пустынями Ала-шаня, Ордоса, Восточного Туркестана. Четырьмя маршрутами пересек великий путешественник бесконечную центрально-азиатскую пустыню, и его описания Гоби принадлежат к лучшим образцам мировой географической литературы.

Все эти открытия по справедливости дают право поставить Пржевальского на одно из первых мест среди величайших путешественников-географов всех времен и народов.

Что такая оценка является не преувеличенной, свидетельствуют также и отзывы многих иностранных ученых. Мы сошлемся хотя бы на двух таких ученых путешественников, как Джозеф Гукер и Рихтгофен.

Джозеф Д. Гукер¹ выразился о Пржевальском, как едва ли не о первом ученом путешественнике нашего времени, соединяющим военную отвагу с многолетней научной подготовкою и замечательным трудолюбием. Ливингстон и Стэнли, по его мнению, были отважными пионерами, но только сумели проложить на карте пройденные ими пути, для изучения же природы не сделали ничего. После заслуженного Барта нужно даже было послать другого путешественника, чтобы проложить маршруты его.

Рихтгофен, геолог и путешественник по Китаю, председатель Берлинского географического общества, по рецензии которого состоялось присуждение в пользу Пржевальского большой Гумбольдтовской медали, говорит, что ни один отдельный путешественник не расширил наших познаний о Центральной Азии в такой мере, как Пржевальский, и называет его гениальным путешественником, обладающим необыкновенною наблюдательностью. Говоря об Алтын-таге, Рихтгофен признает это открытие Пржевальского поразительнейшим географическим открытием, имеющим одинаковое важное значение как для географии, так и для уразумения средне-азиатских сношений.

Деятельностью Пржевальского как географа далеко не исчерпываются его заслуги, как это мы усматриваем уже и из приводимых отзывов Гукера и Рихтгофена. Пржевальский был прекрасным натуралистом-зоологом, несравненным наблюдателем, тонким знатоком и любителем природы.

---

¹ Английский ботаник, директор ботанического сада в Кью, путешественник по антарктическим морям, по Индии, Гималаям, издавший ряд трудов и в том числе *Genera plantarum* — полный и точный свод описаний всех семейств и родов цветковых растений всего земного шара с кратким перечислением видов и указанием географического распространения.

В большинстве случаев путешественник является только пионером, пролагающим пути для исследователей-натуралистов. Для Стэнли, например, исследование фауны и флоры кажутся детской забавой: «постоянные серьезные заботы мешали нам заниматься пустяками», — говорит он по поводу собирания коллекций. «Ташить за собой огромный караван с грузом, достигающим, как у Пржевальского, нескольких сот пудов, по неведомой области, — говорит один из биографов, — среди всевозможных опасностей, путешествуя иной раз наудачу, без проводников, с риском застрять в какой-нибудь непроходимой глуши, слишком трудно. Только впоследствии, когда местность исследована в географическом отношении, указаны и нанесены на карту наиболее удобные и безопасные пути, выработана организация экспедиции — только тогда, по проторенной дорожке, могут пуститься зоологи, ботаники и пр., и изучать прежнюю terra incognita во всевозможных отношениях. В Пржевальском соединились оба типа: пионер и ученый. Любовь к дикой, привольной жизни, жажда сильных ощущений, опасностей, новизны — создали из него путешественника-пионера; страстная любовь к природе и в особенности к тому, что живет, дышит, движется, к растениям, зверям и птицам — сделали его ученым путешественником».

Зоологические исследования Николая Михайловича и его сборы имеют одинаково важное значение для географии животных, систематики и биологии. Своими коллекциями он дал возможность выяснить состав центрально-азиатской фауны, разбить ее на частные зоологические области, определить их границы и отношение к соседним областям. Огромное количество новых видов и интереснейших местных форм имели важное значение для систематики. Достаточно упомянуть о диком верблюде, дикой лошади, вызвавшей в свое время сенсацию среди дарвинистов, о яке, тибетском медведе, о нескольких новых видах антилоп и диких баранов, — чтобы судить, насколько ценны зоологические находки Пржевальского. Так же важны его биологические наблюдения над животными. «Как превосходный наблюдатель, он с педагогич-

ной обстоятельностью заносил в свои образцовые дневники все наблюдавшиеся им биологические явления и другие сведения. Так, по раз заведенному плану, из года в год дополнялись вместе с коллекциями и данные, часто неопределимой важности, касающиеся жизни центрально-азиатских животных; никакое одолжимое человеческими силами препятствие не было в состоянии удержать Николая Михайловича от пополнения пробелов, замеченных им в своих материалах. Мертвые числа, показывающие количество привезенных предметов, величайшая редкость и большая денежная ценность многих из них — все это бледнеет перед той научной ценностью, которую покойный сумел придать своим коллекциям, все это бледнеет перед тем обстоятельством, что Николай Михайлович поставил свой материал на высоту, соответствующую тем важным задачам, которые связаны с изучением животного населения Центральной Азии».¹

Не менее важны заслуги Пржевальского перед ботаникой. Им собрано 1700 видов растений в 15 000—16 000 экземпляров. Исследования его открыли нам флору Тибета и Монголии, а в связи со сборами Потанина, Певцова, Козлова, Грумм-Гржимайло и других, дали замечательно полную картину растительности всего Центрально-Азиатского плоскогорья. «В Тибетской коллекции особенно хороши набранные в Гань-су растения: рослые, хорошо развитые, полно собранные и хорошо сохранные. Собственно же формы высокого Тибетского плоскогорья — карлики в дюйм или в два, чаще в виде густого кустика или коврика, с мелкими цветочками, запрятанными в листья, почти всегда без плодов, довольно часто неудовлетворительны и неполны. Но мелкие и невзрач-

¹ Памяти Николая Михайловича Пржевальского. СПб., 1889, стр. 29. О числе собранных Пржевальским зоологических коллекций он сам дает в отчете о четвертом путешествии следующую табличку: млекопитающих крупных и средних 115 видов (303 экземпляра), мелких 400 экземпляров, птиц 425 видов (5000 экземпляров), яиц птичьих около 400, пресмыкающихся и земноводных 50—1200, рыб 75—800, моллюсков 20—400, насекомых 10 000.

ные растеньица, окрашенные, особенно под осень, в бурый или серый цвет, легко ускользают от внимания или даже вовсе скрываются, заносимые то снегом, то пылью, то затопленные водою; и, застигнутые непогодой, в иные годы, вероятно, вовсе не приносят семян. Как бы то ни было, но северо-тибетский гербарий Пржевальского — драгоценность, имеющаяся только у нас и нигде, как у нас»...

Академик К. И. Максимович, обработавший ботанические сборы Пржевальского, делает одно в высшей степени интересное замечание: «Характерные для Тибета виды в общем многолетни и отличаются удивительно медленным ростом. Приведу два примера. Семилетние сеянцы прелестнейшей *Incarvillea compta* так малы, что пройдут, может быть, еще семь лет до первого цветка, а крупному экземпляру с букетом в дюжину цветов и корнем толщиной в дюйм нужно дать лет пятьдесят, хотя он весь ростом в четыре дюйма. Другой пример еще поразительнее: Николай Михайлович в последнем своем сочинении неоднократно упоминает о мелком растении *Androsace tapete*, образующем густые коврики до аршина в поперечнике, похожие на ситец с мелкими цветочками. Такой коврик составляет, повидимому, одно целое, следовательно, произрос из одного семени. Состоит он из тысяч тесно скученных стебельков в дюйм вышины. Каждый стебелек обсажен, как чешуей, мелкими листочками и иногда заканчивается цветочками. Рассмотрев его внимательно, замечашь, что ежегодно образуются всего по четыре листочка, на стебельке же их до тридцати и более. Следовательно, каждому стебельку по крайней мере восемь лет. Положим, что каждый год стебелек дает по одному боковому отпрыску; спрашивается, сколько столетий потребуется для получения коврика в аршин в диаметре? Так и безлесное Тибетское нагорье имеет своих многовековых, но не исполинов, а карликов».¹

Так же значительны заслуги Николая Михайловича в деле познания климата Центральной Азии. Мы уже знаем, какое

---

¹ Памяти Пржевальского, стр. 43—44.

внимание уделял Пржевальский метеорологическим наблюдениям во время своих экспедиций. В некоторых случаях, благодаря экспедиции Пржевальского, даже помимо его метеорологических наблюдений, знания наши о климате обширных частей Азии радикально изменились.

«Достаточно следующего примера. Во второе путешествие Пржевальский нашел, что высокое нагорье Тибета простирается верст на триста далее на север, чем думали ранее. Если принять ширину этого пространства лишь на 500 верст, то, следовательно, 150 000 квадратных верст оказались принадлежащими к нагорью более 14 000 футов над уровнем моря, вместо менее 3000 футов, как думали ранее. Принимая круглым счетом увеличение высоты в 3500 метров, а уменьшение температуры при поднятии на 200 метров в 1° Цельсия, оказывается, что средняя годовая температура пространства, равного слишком 5 губерниям, вроде Московской или Тульской, на 17.5°Ц ниже, чем предполагали. Это равняется разности годовой температуры южного берега Малой Азии под 35° северной широты и Колы в Архангельской губернии под 68° северной широты или Березова в северной части Тобольской губ. и Баку на Каспийском море».¹

Пржевальскому выпало редкое в капиталистическом обществе счастье быть признанным своевременно. Оценка его трудов в подавляющем большинстве была самая высокая. Но были и голоса, не вполне разделяющие общее мнение; слышались иногда и некоторые критические, в неблагоприятном смысле, замечания о его деятельности. Это относилось частью к научной стороне его работ, частью к приемам его путешествий вообще и отношений к местному населению и местным властям, в частности.

Ставилось в упрек путешественнику прежде всего, что во всех его четырех (вернее пяти, с уссурийским) путеше-

¹ Памяти Пржевальского, стр. 46—47.

ствиях не было сколько-нибудь удовлетворительных геологических исследований. Совершенно справедливое замечание, но неужели можно поставить в вину кому-либо то, что он не обладает универсальными знаниями!

Пржевальский обладал обширными и основательными знаниями в цикле наук географических и биологических, всю жизнь учился и совершенствовался, и не его вина, что не успел запастись знанием науки геологической, — в сущности целого широкого и сложного комплекса наук. Сам путешественник отлично знал указываемый недостаток своих исследований и, быть может, глубоко сожалел об этом, но приглашать в состав экспедиции специалиста-геолога он не хотел и не мог по самой структуре и характеру своих экспедиций; это были быстролетные научные рекогносцировки.

Другим недостатком считали сравнительно малую роль этнографии в его исследованиях. «Но это не только не входило, но и не могло входить в программу его исследований, — говорит П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Пржевальский по меткому выражению Академии Наук, был первым исследователем природы¹ Центральной Азии, но отнюдь не оседлых обитателей ее городов и культурных оазисов. Этнографии он оказал несомненные услуги своими наблюдениями над бытом кочевых и горных племен Средней Азии (с которыми он охотно имел общение) и зависимостью этого быта от природных условий,² но культурные центры... он старался обходить и во всяком случае держался от них

---

¹ Разрядка наша (Н. К.).

² Мы уже имели случай заметить (в главе об уссурийском путешествии), что этнографический материал, собиравшийся Пржевальским, сильно устарел и не имеет уже актуального значения; следует добавить к этому, что и его методологический подход к проблемам этнографии не соответствует постоянно современной материалистической марксистской науке. Ценный материал, собранный Пржевальским, Потаниным и др., следовало бы использовать и обработать в свете современной нашей советской науки. Это дело будущего.

в стороне» (не обладая, к тому же, знанием туземных языков).¹

Общим ответом на эти нападки и упреки Пржевальскому может быть самое простое соображение. Если бы он ограничился только ролью географа и пионера, мы назвали бы его одним из величайших путешественников прошлого века, но он сделал больше, много больше — он раскрыл перед нами климат, флору и фауну громадных неведомых областей, и мы не считаем уместным спрашивать придирчиво: почему же им не сделано еще того-то и того-то?

Другого рода претензии предъявлялись Пржевальскому, на которые ответить уже гораздо труднее: упреки в крутом отношении к местному населению. Тут, если хотите, имеются и вина и беда его. Доля вины несомненно есть, так как в тех же местах, где путешествовал Пржевальский, были (и в его время, и позже) и другие исследователи, которым никак нельзя сделать подобные упреки: Потанин и его жена, Грумм-Гржимайло, В. А. Обручев, даже его же собственные ученики и сподвижники — Роборовский и Козлов. Их отношение к населению было иное; стало быть, можно было обходиться без тех крутых мер, которые применял иногда Николай Михайлович. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, однако, считает, что «и в этом отношении нельзя не признать, что приемы Пржевальского, в тех обстоятельствах и местных условиях,² в которых он находился, были единственным залогом успеха его экспедиций и безопасности вверенных ему людей, о которых он, держа их в строгой дисциплине, заботился с трогательным участием. Счастливое соединение строгой дисциплины с истинно братской заботливостью о людях, входящих в состав его экспедиций, имело последствием то, что при всех трудностях и опасностях его путеше-

¹ История полувековой деятельности Русского географического общества. 1845—1895. СПб., 1896, ч. II, стр. 544.

² Разрядка наша (Н. К.).

ствий, ни один из его спутников не погиб, и все сохранили к нему такое чувство любви, уважения и преданности, какие достаются в удел только немногим». Говоря об отношениях к горным племенам тангутов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский думает, что и по отношению к ним «Пржевальский действовал, можно сказать, с рыцарской безукоризненностью. Он не заходил в их гнезда, не вступал с ними ни в какие сношения, не предъявлял к ним никаких требований, но когда они первые нападали на него, действовал против них с тем мужеством и энергией, которые присущи всякому честному бою, и когда они, действуя вооруженною силою, ставили перед ним враждебные засады и преграды, то сокрушал эти преграды отважным приступом. Совершенно иначе отнесся Пржевальский к тибетцам, когда они, встретив его мирною толпою, преградили ему путь и от имени правительства страны не пропускали в нее русских путешественников. Со своею беспредельною отвагою Пржевальский мог бы пробиться через массы, оказывавшие ему не агрессивное, а пассивное сопротивление, и рассеять всю эту толпу теми же залпами, какими он так успешно рассеивал несравненно более мужественных и закаленных в боях еграев, но здесь человеколюбие — и только одно человеколюбие — не позволило ему прибегнуть к насилию и заставило его отказаться от заветной любимой, взлелеянной им мечты добраться до Лхассы».¹

«Беда» Пржевальского и состояла в том, что самый тип его путешествий — стремительное движение, «линейный» характер его маршрутов, делал неизбежным нетерпеливое, бурное сокрушение всех препятствий, которые становились на его пути. И по личному своему характеру Николай Михайлович не способен был терпеливо выжидать, приспособляться к обстановке, он предпочитал приспособлять обстановку к себе.

---

¹ История полувековой деятельности Русского Географического общества. 1845—1895. СПб., 1896, ч. II, стр. 547—548.

Остановимся, кстати, несколько на некоторых особенностях личного характера Пржевальского.

Главнейшая черта нашего путешественника — фанатическая страсть к путешествиям. Заканчивая свою книгу о третьем путешествии в Азию, Пржевальский пишет:

«Грустное, тоскливое чувство овладевает мной всякий раз, как пройдут первые порывы радости по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-нибудь незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе. Да, в тех пустынях действительно имеется исключительное благо — свобода, правда, дикая, но зато ничем не стесняемая, почти абсолютная. Путешественник становится там цивилизованным дикарем и пользуется лучшими сторонами крайних стадий человеческого развития; простотой и широким привольем жизни дикой, наукой и знанием жизни цивилизованной. При том самое дело путешествия для человека, искренно ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильнее оттеняют в воспоминании радостные минуты удач и счастья.

«Вот почему истинному путешественнику невозможно забыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и манить: променять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но за то свободную и славную странническую жизнь».

Никакие труды, лишения не могли ослабить в Пржевальском любви к путешествиям; она с годами росла, развивалась и превращалась в почти болезненную страсть. «Прекрасная мать-пустыня» влекла его к себе с неотразимой силой.

«Не один раз, — говорит Николай Михайлович, — сидя в застегнутом мундире в салоне какого-нибудь вель-

можн, я вспоминал с сожалением о своей свободной жизни в пустыне с товарищами офицерами и казаками. Там кирпичный чай и баранина пились и елись с большим аппетитом, нежели здешние заморские вина и французские блюда; там была свобода, здесь позолоченная неволя; здесь все по форме, все по мерке; нет ни простоты, ни свободы, ни воздуха. Могу сказать только одно, что в обществе, подобном нашему, очень худо жить человеку с душою и сердцем. Нет, видно не привыкнуть вольной птице к тесной клетке; никогда и мне не сродниться с искусственными условиями цивилизованной, правильнее — изуродованной жизни».

Надо сказать, что Пржевальский плохо разбирался в социальных отношениях и «цивилизация» казалась ему таким же неизменным и неизбежным явлением, как любая стихия природы. Он не понимал противоречивости и сложности социального механизма, но чувствовал глубокую вражду к несправедливостям, бездушию, насилиям и фальши в той общественной среде, которая окружала его. Не расчлняя этой сложной обстановки, он целиком, огулом отрицал ее, и потому «цивилизация» всегда заключалась у него в кавычки.

Замечательны его отношения к товарищам по экспедиции. Казалось бы, суровому, фанатично настроенному путешественнику не свойственно внимание и привязанность к личности отдельного человека. «Если принимать за чистую монету его отзывы о людях, то можно счесть его за отчаянного мизантропа».¹

Но эти резкие отзывы о людях и не всегда воздержанный язык не мешали ему быть истинно добрым, гуманным, приветливым и постоянным в привязанностях к человеку. Это прежде всего относилось к его товарищам по путешествиям. Всегда и неизменно он был к ним товарищески внимателен, доброжелателен и справедлив. Несмотря на его неумолимую

---

¹ М. А. Энгельгардт. Н. Пржевальский, его жизнь и путешествия. СПб., 1891, стр. 68.

требовательность и суровую дисциплину, солдаты и казаки сердечно привязывались к нему. Многие из них не один раз отправлялись с ним в экспедиции, а один — Дондок Ирнчинов — участвовал во всех четырех. Интереснейший факт: в те времена строгого деления людей на «белую» и «черную кость», строжайшей военной дисциплины, Пржевальский неоднократно в приказах обращался к рядовым участникам экспедиции («нижним чинам» по тогдашнему) с титулом «товарищи», вместо традиционного и обязательного «ребята» или «молодцы».

Что касается пессимистических взглядов и резких отзывов Николая Михайловича, то объяснение этому надо искать еще и в особенностях темперамента путешественника. «Они являлись, — по мнению биографа, — результатом его сангвинического, пылкого характера: замечая дурные стороны той или другой среды, он, не долго думая, разносил ее вдребезги. Размышлять же и разбираться в сложных явлениях жизни, взвешивать pro и contra, отвечать зерно от мякины не считал нужным, частью вследствие самоуверенности, свойственной сильным людям, частью по непривычке к чисто логическому, отвлеченному мышлению; а главное потому, что и не нужно было ему разбираться в той жизни, от которой он бежал. Бродяге всегда противен оседлый быт. Пустыня, безграничный простор, охота, жизнь, полная приключений и опасностей — вот та стихия, в которой Пржевальскому дышалось легко и привычно; попадая в другую обстановку, он задыхался и не спрашивал себя, она ли, эта обстановка, так дурна, как ему кажется, или он сам не подходит к ней».¹

Остается сказать несколько слов об отношении к Пржевальскому тех широких слоев общества, которые следили за политической, общественной и культурной жизнью страны и сами принимали в ней участие, как это ни было трудно

¹ М. А. Энгельгардт. Н. Пржевальский, его жизнь и путешествия. СПб., 1891, стр. 69.

в уродливых рамках самодержавно-бюрократического режима. Интереснейшим фактом мы считаем оценку знаменитого путешественника, данную одним из крупных представителей литературы, — мы имеем в виду А. П. Чехова.

В годы, когда Пржевальский совершал свои третью и четвертую экспедиции, Чехов был студентом, потом врачом и в то же время начинающим писателем. К моменту пятой экспедиции Николая Михайловича и его смерти — 1888 г. — Антон Павлович уже не был «начинающим» писателем, им было написано несколько крупных и высокохудожественных произведений, имя его стало очень популярным в широчайших кругах.

Знал ли он Пржевальского? Встречался ли когда с ним?

В обширной переписке Чехова, в воспоминаниях о нем никто не говорил об этом. Встречал ли когда молодой литератор знаменитого путешественника — трудно сказать за отсутствием материалов на этот счет; но что Чехов знал о Пржевальском и глубоко уважал его, можно сказать — преклонялся перед ним, тому есть самое несомненное свидетельство. Это — коротенький некролог, написанный Чеховым и напечатанный под заглавием «Люди подвига». «Один Пржевальский или один Стэнли, — писал Антон Павлович в этой статье, — стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг. Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое, стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, холоду, тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в науку — делает их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А где эта сила, перестав быть отвлеченным понятием, олицетворяется одним или десятком живых людей, там и могучая сила. Недаром Пржевальского, Миклухо-Маклая и Ливингстона знает каждый школьник, и недаром по тем путям, где проходили они, народы составляют о них легенды... Если положительные

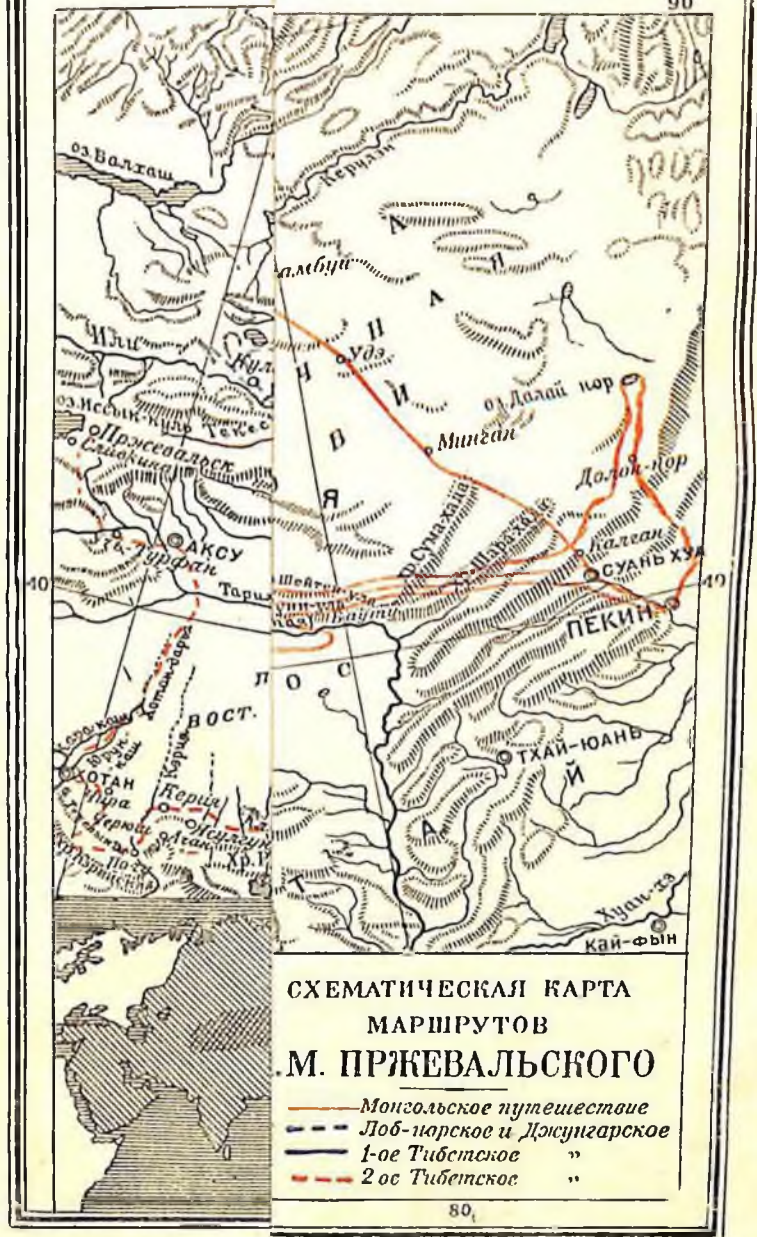
типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самой жизнью, стоят выше всякой цены. В этом отношении такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги, дела и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка. Всегда так было, что чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее. Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятен весь ужас его смерти вдали от родины и его предсмертное желание продолжать свое дело после смерти: оживлять своей могилой пустыню. Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? но всякий скажет: он прав».¹

---

¹ А. П. Чехов. Полное собрание сочинений. Т. XXIII, Петроград, 1918, стр. 124—125. Нам кажется, обаятельное влияние могучей личности Пржевальского на Чехова было гораздо глубже, чем оно представлялось самому писателю. Случайно ли постоянное стремление к путешествиям Чехова, которое вылилось даже в очень крупный биографический факт — поездку его на остров Сахалин? В письме к Литваревой (Письма, т. II, стр. 201) Антон Павлович говорит: «Таких людей, как Пржевальский, я любил бесконечно». У Чехова есть замечательный во многих отношениях рассказ «Дуэль». Видным персонажем там фигурирует зоолог фон-Корен, который «постоянно все говорит об экспедиции, и это не пустые слова. Ему нужна пустыня, лунная ночь: кругом в палатках и под открытым небом спят его голодные и больные, замученные тяжелыми переходами казаки, проводники... не спит только один он и, как Стэнли, сидит на складном стуле и чувствует себя царем пустыни и хозяином этих людей... На таких, как он, этот мир держится». Не сказались ли в наброске интересной фигуры зоолога следы того обаяния личности Пржевальского, которое чувствовал на себе художник?

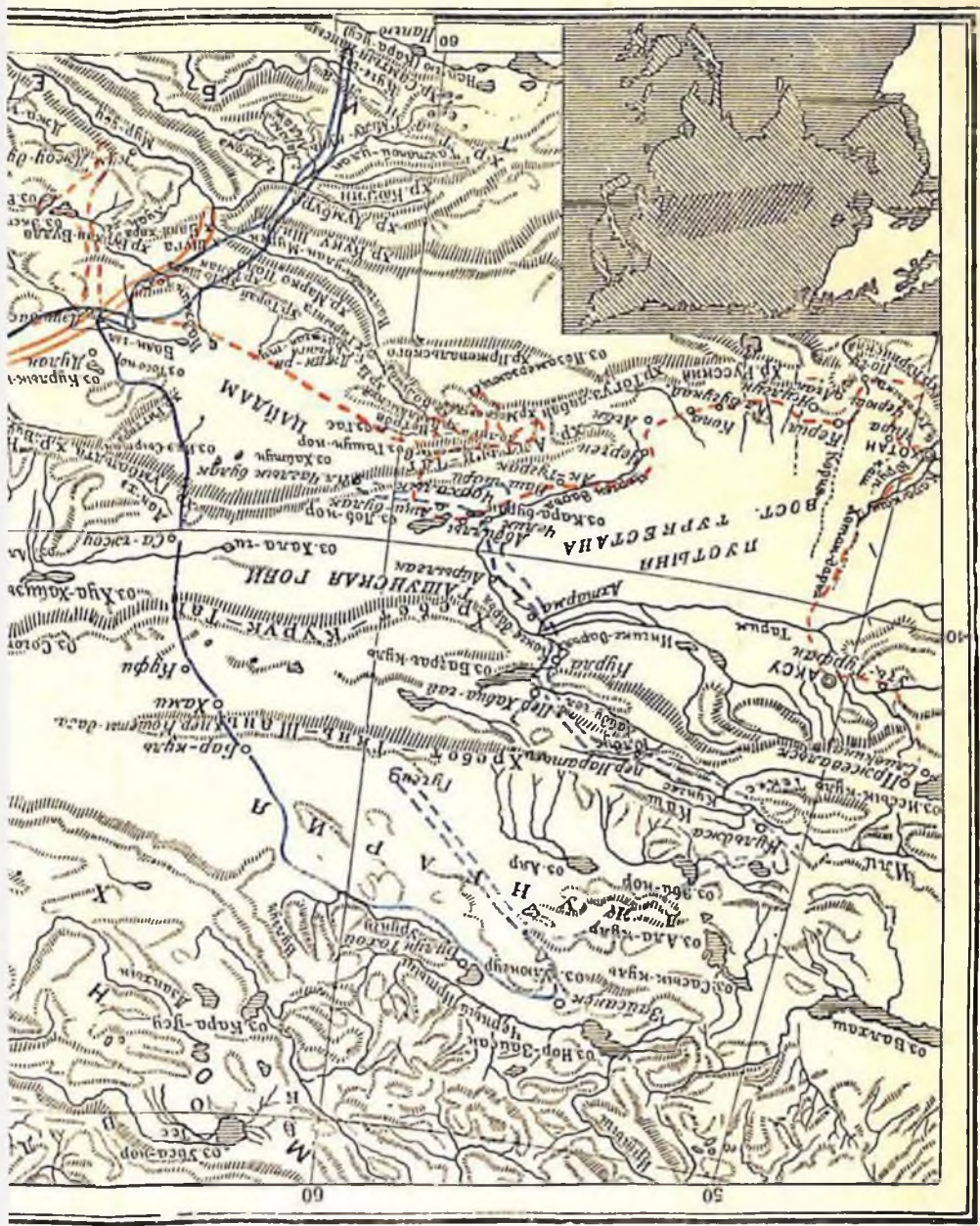

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
МАРШРУТОВ
М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

- Монгольское путешествие
- - - Лоб-нарское и Джунгарское
- 1-ое Тибетское "
- - - 2-ое Тибетское "

**СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
МАРШРУТОВ
Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО**

- I — Монгольское путешествие
- II — Лоб-норское и Джунгарское
- III — 1-ое Тибетское
- IV — 2-ое Тибетское

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ¹ БИОГРАФИИ Н. Ш. ПРЖЕВАЛЬСКОГО И МАРШРУТЫ ЕГО ПЯТИ ПУТЕШЕСТВИЙ

1839. 31 марта рождение Пржевальского.
1855. Пржевальский оканчивает гимназию и поступает на военную службу.
1855. Пржевальский 11 сентября зачисляется в сводно-запасный Рязанский пехотный полк (унтер-офицером).
1856. 24 ноября производится в прапорщики и назначается в Полоцкий пехотный полк (г. Белый, Смоленской губ.).
1860. В начале года Полоцкий полк переводится в г. Кременец, Волынской губ.
1861. Поступает в Академию генерального штаба (Петербург).
1863. Оканчивает Академию по 2-му разряду, на льготных условиях. Назначается адъютантом в Полоцкий полк.
1864. В декабре назначается в Варшавское юнкерское училище преподавателем истории и географии.
1866. Читает (в Варшаве) публичные лекции по истории географических открытий, привлекающие многочисленных слушателей.
1866. 17 ноября приказ о причислении Пржевальского к генеральному штабу и командирование в Восточную Сибирь.
1867. В январе выезжает из Варшавы в Петербург.
1867. В конце марта (в начале апреля) — в Иркутске.
1867. 26 мая выезжает из Иркутска в уссурийское путешествие.
1867. 5 июня — в селе Сретенском.
1867. 14 июня — в устье Шилки.
1867. 20 июня — в Благовещенске.
1867. 26 июня — в Хабаровске.
1867. Июль — плавание на лодке по Усури до ст. Буссе, устье Сунгачи. Два с половиной дня по Сунгаче на пароходе.

---

¹ Все даты — по старому стилю. Для перевода на новый стиль надо прибавлять 12 дней.

1867. В конце июля на оз. Ханка.
1867. 26 октября—4 ноября во Владивостоке.
1867. 25 ноября выступает из Сучанской долины.
1867. 7—14 декабря — гавань Ольги.
1867. 31 декабря. Новый год по ст. стилю встречает в лесу, в фанзе в 25 км от ст. Бельцовой.
1868. Весна и начало лета — на оз. Ханка.
1868. Производится в чин капитана и зачисляется в генеральный штаб.
- 1868—1869. Зима — в Николаевске.
1869. В начале года заканчивает общую часть описания Уссурийского путешествия.
1869. С февраля и все лето — на оз. Ханка.
1869. 29 октября делал в Иркутске доклад о своем путешествии.
1870. В январе — в Петербурге. «В зиму 1870 г. Пржевальский сделался своим человеком в Географическом обществе» (Семенов-Т.-Ш.).
1870. В начале августа напечатана книга: «Путешествие в Уссурийском крае 1867—1869 гг.».
1870. 20 июля — откомандирование Пржевальского и Пыльцова на 3 года в северный Китай и Монголию.
1870. 4 сентября — выезд из Москвы.
1870. 17 ноября — выступление из Кяхты.
1870. 28 ноября — выступление из Урги (ныне Улан-батор).
1870. 24 декабря — в Калгане.
1871. 2 января — в Пекине (ныне Бейпинг).
- U 1871. Март до 17 числа — горная окраина до г. Долон-нора.
1871. Конец марта и апрель — юго-восточная окраина Монголии от оз. Далай-нора до Калганско-Кяхтинской дороги и г. Калган.
1871. Май, июнь, июль — юго-восточная окраина Монголии от Калганско-Кяхтинской дороги до северного изгиба Хуан-хэ.
1871. Июль и август — Ордос (долина северного изгиба Желтой реки).
1871. Сентябрь и октябрь — Ала-шань.
1871. Ноябрь — плато земли уротов и долина северного изгиба Хуан-хэ.
1871. Декабрь — юго-восточная окраина Монголии от северного изгиба Хуан-хэ до г. Калгана.
1872. Январь, февраль, март — г. Калган.
1872. Март и апрель — юго-восточная окраина Монгольского нагорья от Калганско-Кяхтинской дороги до северного изгиба Желтой реки.
1872. Апрель и май — долина северного изгиба Хуан-хэ.
1872. Май и июнь — Ала-шань.
1872. Июнь до октября — гористая область Гань-су.
1872. Октябрь — Куку-нор.
1872. Ноябрь — Цайдам.
1872. Ноябрь и декабрь — северный Тибет.

1873. Январь и февраль — северный Тибет.
1873. Февраль — Цайдам.
1873. Март — Куку-нор.
1873. Апрель и май — Гань-су.
1873. Июнь и июль — Ала-шань.
1873. Август и сентябрь — путь от Ала-шаня до Урги серединою Гоби.
1873. Сентябрь — от Урги до Кяхты.
1873. 9 октября в Иркутске.
1874. Январь в Петербурге.
1874. 4 февраля торжественное собрание в Географическом обществе и доклад Пржевальского об экспедиции.
1875. 8 января присуждение Константиновской медали Пржевальскому.
1876. 31 января Советом Географического общества принят проект Пржевальского второй его экспедиции в Центральную Азию.
1876. 12 августа выступление из Кульджи.
1876. Сентябрь—октябрь — на Юлдусе.
1876. В ноябре — движение к Лоб-нору.
1876. В декабре — экскурсии в горы Алтын-тага.
1877. 5 февраля — возвращение из Алтын-тага на Лоб-нор.
1877. Февраль, март и начало апреля — на Лоб-норе, наблюдения за пролетом птиц.
1877. 18 июня смерть матери Пржевальского.
1877. 3 июля возвращение в Кульджу.
1877. 18 августа — дата написания отчета «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор» с пометкой: «г. Кульджа».
1877. В сентябре — в Гучене.
1877. В конце ноября — в Зайсане.
1878. 20 марта получает извещение о смерти матери.
1878. 31 марта выезжает из Зайсана в Петербург.
1878. 23 мая в Петербурге.
1878. 14 декабря командирован в Тибет на 2 года, с помощниками — Роборовским и Эклоном.
1879. 20 января — выезд в 3 экспедицию.
1879. 27 февраля — в Зайсане.
1879. 21 марта — выступление из Зайсана.
1879. 2 мая — на оз. Гашун-нор (Джунгария).
1879. 21 июня — выступление из оазиса Са-чжеу.
1879. В июле — экскурсия во вновь открытый хребет Гумбольдта.
1879. Август — в Цайдаме.
1879. 18 сентября — на перевале Бурхан-будда.
1879. 7—8 ноября — нападение еграев.
1879. 14 ноября — стоянка у подошвы горы Бумза.
1879. 2 декабря — встреча с делегацией далай-ламы.

- 1879. 3 декабря «в год земли и зайца, в 11-й луне, 3 числа» — письменное объявление о запрещении Пржевальскому дальнейшего движения в Тибет.
- 1879. Новый год (1880) встречают на перевале Думбуре.
- 1880. Январь—февраль — в Цайдаме и на Куку-норе.
- 1880. С марта по июнь — на верховьях Желтой реки.
- 1880. Июль и август — в горах Гань-су и в пустыне Ала-шань.
- 1880. Сентябрь — в Ала-шане.
- 1880. 19 октября — в Урге.
- 1880. 29 октября — в Кяхте.
- 1881. 7 января — приезд в Петербург.
- 1881. 14 января — торжественное собрание Географического общества.
- 1881. 14 января — торжественное собрание Географического общества.
- 1882. В декабре закончено описание 3-го путешествия.
- 1883. 9 февраля докладная записка в Географическое общество с проектом новой (4-й) экспедиции в Центральную Азию.
- 1883. В августе выезжает из Петербурга в 4-е путешествие.
- 1883. 21 октября выступление из Кяхты.
- 1883. 8 ноября выступает из Урги.
- 1884. 10 января выступление из Дынь-юань-ина в Гань-су.
- 1884. Февраль — стоянка в Чертынтоне (2 недели).
- 1884. 1—10 мая — в Цайдаме.
- 1884. 17 мая — первая стоянка в истоках Желтой реки, по выходе из Одон-тала.
- 1884. В конце мая и первой половине июня — на водоразделе Желтой и Голубой рек и на реке Ды-чю.
- 1884. В ночь с 12 на 13 июля нападение тангутов.
- 1884. Август — возвращение в Цайдам.
- 1884. Сентябрь и октябрь — движение в южном и западном Цайдаме, 13 октября — в урочище Гас.
- 1884. Ноябрь — поиски Ирнчиновым прохода через Алтын-таг.
- 1884. В конце ноября Пржевальский двинулся в «Долину ветров». Ноябрь, декабрь — исследование хребтов Куэнь-луия и котловины оз. Незамерзающего.
- 1885. 11 января — возвращение на стоянку Чон-яр.
- 1885. Конец января, февраль, март (50 дней) — на Лоб-норе.
- 1885. В апреле — в оазисе Черчен.
- 1885. Май и июнь — оазисы Ния и Кэрия.
- 1885. Июнь—июль в Кэрийских горах и поиски прохода на Тибетское нагорье.
- 1885. Август — в оазисе Хотан.
- 1885. 7 сентября — Тарим и Ак-су.
- 1885. 29 октября — перевал Бедель (Тянь-шань) и возвращение на родину.

- 1886—1887. Обработка материалов 4-го путешествия в Центральную Азию и писание отчета.
1888. В марте — докладная записка в Географическое общество о новой экспедиции. Закончена рукопись по описанию 4-го путешествия.
1888. В конце августа вышла из печати книга «От Кяхты на истоки Желтой реки».
1888. 18 августа — выезд в экспедицию (из Петербурга).
1888. 3—4 октября — охота на фазанов в окрестностях Пишпека (Фрунзе) и начало болезни.
1888. 10 октября — приезд в Каракол. Болезнь Пржевальского развивается, врачи ставят диагноз: брюшной тиф.
1888. 20 октября смерть Пржевальского.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

Замечательные путешествия Пржевальского создали ему такое имя, что не только специальные научные издания, но и журналы и газеты счень часто давали сведения о ходе его исследований. В настоящей заметке мы ставим себе самую скромную задачу: дать перечень его ученых трудов и важнейшую печатную продукцию по обработке его коллекций, ограничиваясь только отечественной (русской) литературой.

Н. М. Пржевальский, как, впрочем, и многие другие путешественники той эпохи, во время хода экспедиций нередко сообщал Географическому обществу о различных моментах ее в форме писем к секретарю Общества; эти письма обычно печатались в «Известиях» и отражались в годовых «Отчетах». В нашей краткой библиографической заметке мы их не регистрируем, так же, как и докладные записки с проектами экспедиций, протоколы докладов путешественника в Обществе, не делаем этого по той причине, что весь этот материал включался Пржевальским значительно подробнее в его полные отчеты — книги.

В заключение мы перечисляем несколько книг и статей, посвященных биографии Пржевальского и характеристике его личности, а также изложение хода его путешествий. Важнейшими из этих источников надо признать, конечно, труды П. П. Семенова-Тян-Шанского, П. К. Козлова и книгу Дубровина (наиболее полную из имеющихся биографий), составленные по первоисточникам и по личному знакомству с Николаем Михайловичем.

1. Путешествие в Уссурийском крае, 1867—1869 гг. Сочинение Н. Пржевальского. С картою Уссурийского края. Издание автора, СПб., 1870.¹

Предисловие автора, стр. I—III. Главы I—X, стр. 1—297. Приложения: 1) Таблица метеорологических наблюдений с 2 июля 1867 г. по 12 мая 1868 г. и с 1 марта по 10 июля 1869 г. Наблюдения начались в станции Козакевичевой на нижней Уссурн и велись по всем маршрутам путешественника; наиболее продолжительные из них: на посту № 4 при истоке р. Сунгачи из оз. Ханка. 2) Статистическая таблица казачьего насе-

¹ Книга переиздана в 1937 г. в Москве Гос. Соц.-эконом. издательством. -- *Ред.*

ления на берегах Уссури к 1 января 1868 г. 3) Статистическая таблица крестьянского населения в Южно-Уссурийском крае и на побережье Японского моря. 4) Статистическая таблица корейских поселений в Южно-Уссурийском крае. Во всех 3 таблицах указано: количество населения, число скота и количество обработанной земли. 5) Список видов птиц Уссурийского края. Перечислены 224 вида. 6) Таблица весеннего пролета птиц на оз. Ханка за 2 весны 1868 и 1869 гг.

К книге приложена «Карта Уссурийского края» в масштабе 40 верст в дюйме, с нанесением маршрутов пугешествия.

2. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии. Н. Пржевальского. Издание Географ. общества. СПб., 1875, 1876.¹

Том I. Предисловие, стр. V—IX. Главы I—XIV, стр. 1—381. Приложения: 1) «Маршрутно-глазомерная съемка путешествия Н. Пржевальского в восточной нагорной Азии в 1871, 1872 и 1873 годах», в масштабе 40 верст в дюйме. 2) 2-й лист этой съемки, и на этом же листе — «Отчетная карта к путешествию Н. Пржевальского», с нанесением маршрута (без указания масштаба).

Том II. Включает, кроме предисловия (стр. 1—2), отделы: I — О климате, II — Птицы (289 видов), с таблицами: географического распределения птиц в местностях, исследованных во время экспедиции, весеннего пролета и осеннего отлета птиц. III — Пресмыкающиеся и земноводные (обработаны акад. А. Штраухом). IV. — Рыбы (обработаны проф. Кесслером). Таблица метеорологических наблюдений, производившихся с 7 ноября 1870 г. по 19 сентября 1873 г. в Монголии, Гань-су, Кукурноре, Цайдаме и северном Тибете.

Кроме того, в книге имеются еще два списка: 1) пунктов, абсолютная высота которых определена точкой кипения, и 2) пунктов, широта которых определена посредством маленького универсального инструмента.

К этому тому приложены прекрасно выполненные цветной литографией рисунки млекопитающих (табл. I—VIII), птиц (табл. IX—XX), пресмыкающихся и земноводных и рыб.

3. От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор. Путешествие Н. М. Пржевальского в 1876 и 1877 гг. Издание Географ. общества. СПб., 1878.² Напечатано в XIII т. «Известий ГО» и было выпущено также отдельным оттиском. К отчету приложена превосходно исполненная «Карта Лоб-нора по съемке полковника Пржевальского в 1877 году». Масштаб — 40 верст в дюйме.

¹ Том I переиздан в Москве в 1946 г. Госуд. Издат. географ. литературы, под редакцией и со вступительной статьей Э. М. Мурзаева. — *Ред.*

² Переиздано в 1947 г. Географич. Гос. издательством. — *Ред.*

4. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки — Н. М. Пржевальского. С 2 картами, 108 рисунками и 10 полнотипажам в тексте. Издание Географ. общества, СПб., 1883.

В предисловии Пржевальский говорит, что «третья экспедиция в глубь Азиатского материка представляет собою, как и два первые здесь путешествия, научную рекогносцировку Центральной Азии». Главы I—XVIII, стр. 1—470. Рисунки, приложенные к книге, исполнены с оригиналов спутника Николая Михайловича — В. И. Роборовского и имеют, следовательно, ценность документа.

На двух листах приложена «Карта маршрутно-глазомерной съемки второго (1876, 1877) и третьего (1879, 1880) путешествий Н. М. Пржевальского в Центральной Азии», в масштабе 100 в. в дюйме. Карта эта пополняет приложенную к описанию Лобнорского путешествия съемку нанесением маршрута этой экспедиции от Кульджи на Гучен.

5. Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима Н. М. Пржевальского. С 3 картами, 29 фототипиями и 3 полнотипажам. Издание Географ. общества, СПб., 1888.

Обширный этот труд состоит из глав I—XIII, стр. 1—536, и включает, кроме описания путешествия, две крайне интересные и важные главы (I и XIII): как путешествовать по Центральной Азии и очерк современного положения Центральной Азии.

К книге приложена на 2 листах «Карта маршрутно-глазомерной съемки четвертого (1884, 1885 гг.) путешествия Н. М. Пржевальского в Центральной Азии» в масштабе 50 в. в дюйме, и «Отчетная карта четырех путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии», в масштабе 100 в. в дюйме, с указанием пройденных в каждой экспедиции расстояний.

6. Природа и животные северного Тибета (из путешествия Пржевальского). Сб. «Природа», 1875, кн. 2, стр. 1—30.

Статья не подписана, но составлена несомненно самим Пржевальским, и рассказ ведется лично от него («я», «мы»). Написана, повидимому, раньше, чем сдана в печать первая книга «Монголия и страна тангутов», и содержит некоторые, хотя и мелкие, но интересные подробности, не вошедшие в большое его описание.

7. Инородческое население южной части Приморской области. Д. чл. Н. М. Пржевальского. Отчет о действиях Сибирского отдела (Геогр. общества) за 1868 г., СПб., 1869. Приложение к отчету.

За этот труд Пржевальскому была присуждена первая награда — серебряная медаль Географического общества.

8. Записки всеобщей географии по программе юнкерских училищ. Составил Н. М. Пржевальский. Варшава.

Второе издание (которым мы располагали), состоявшее из 2 выпусков, датировано 1-й выпуск 1870 г., 2-й (политическая география) — 1871, составленный Н. Л. Фатеевым.

9. Уссурийский край. Новая территория России. Н. Пржевальский. Вестник Европы, 1870, май. I — русское население, стр. 236—267; июнь, II — инородческое население, стр. 543—583. Карта Уссурийского края, масштаб 100 в. в дюйме.

Материал статьи, с небольшими изменениями, тот же, что и в книге «Путешествие в Уссурийском крае».

10. Несколько слов по поводу замечаний барона Рихтгофена на статью «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор». Н. Пржевальский. Известия Географического общества, 1879, XV, отд. второй, Географические известия, стр. 1—6.

Вопрос о Лоб-норе, «старом», по китайским источникам, и «новом», открыт Пржевальским, поднимался неоднократно и после смерти путешественника. Кратко и убедительно Пржевальский доказывает несостоятельность сомнений Рихтгофена.

11. Автобиография Н. М. Пржевальского. Русская Старина, 1888, XIX, ноябрь, стр. 528—540.

Автобиографический рассказ путешественника записан с его слов стенографически в редакции «Русской Старины» вечером 2 февраля 1881 г. Рассказ заканчивается упоминанием о 3-й экспедиции и прерывается почти на полуслове. Редактор-издатель журнала М. И. Семевский имел альбом — «Знакомые», в котором Пржевальским в тот же день собственноручно записано было начало его автобиографии. 13 марта 1888 г. Николай Михайлович перед отправлением в последнюю свою экспедицию пришел проститься в редакцию и отметил это посещение в упомянутом альбоме на стр. 396.

12. Н. П. . . . кий. Воспоминания охотника. Журнал коннозаводства и охоты, СПб., 1862, № 6—8.

«Воспоминания» напечатаны в трех книжках журнала и представляют немалый интерес для биографии Пржевальского. В этом первом слухе уже совершенно явственно проступают основные черты характера знаменитого впоследствии путешественника: беспредельная любовь к природе, тонкая наблюдательность, железная выносливость к физическим лишениям. Из статьи видно, что Пржевальский вел дневник своим охотам, записывая наблюдения над птицами, тщательно регистрируя явления погоды. По языку и манере описания заметно влияние лучших художников-писателей его времени — Аксакова (С. Т.) и Тургенева; на первого из них в статье имеются и прямые ссылки. В августовской книжке (стр. 110—118) в охотничий рассказ вкраплен автобиографический «скурс — «Воспо-

минания давно минувшего детства», относящийся к моменту поступления Пржевальского на военную службу. Весь рассказ занимает 46 страниц малого формата журнала (№ 6, стр. 129—146; № 7, 100—119; № 8, 110—133) и подписан сокращенно: Н. П. . . . кий.

13. Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Издание Академии Наук, СПб., 1888—1912 гг. (на русском и немецком языках).

Отдел зоологический

Том I, часть 1. Млекопитающие. Обработал Евг. Бихнер. Вып. 1, 1888, стр. 48, табл. V; в. 2, 1889, стр. 49—88, табл. VI—VIII, X, XI; в. 3, 1889, стр. 89—136, табл. IX, XII, XV; в. 4, 1890, стр. 137—184, табл. XVI—XX; в. 5, 1894, стр. 185—232, табл. XXI—XXV. Том I, часть 2. Копытные. Вып. 1. Обработал акад. В. Заленский. 1902, стр. 4 + 76 стр. 1 л. цифр. табл. + 4 табл.

Том II. Птицы. Обработал Ф. Д. Плеске. Вып. 1, 1889, стр. 80, табл. I; в. 2, 1890, стр. 81—144, табл. II, IV—VI; в. 3, 1894, стр. 145—192, табл. VIII—IX; в. 4, обработал В. Бианки, 1905, стр. II + 193—360, 2 табл.

Том III, часть 1. Земноводные и пресмыкающиеся. Обработал д-р Я. В. Бедряга. Вып. 1, 1898, стр. 68, табл. I; в. 2, 1907, стр. 75—278, табл. II—IV; в. 3, 1909, стр. 279—502, табл. V—VII; в. 4, 1912, стр. 503—769, табл. VIII—X. Том III, часть 2. Рыбы. Обработал С. Герценштейн. Вып. 1, 1888, стр. VI + 91, табл. VIII; в. 2, 1889, стр. 91—180, табл. IX—XIII; в. 3, 1891, стр. 181—262, табл. XIV—XXV.

14. Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии, изданные Географ. обществом, СПб., 1889.

Отдел ботанический

Том I. *Flora tangutica*. Обработал К. Максимович. Вып. 1. *Thalamiflorae et Disciflorae*, I—XVIII, 1—110, табл. 1—31.

Том II. Перечень растений Монголии и прилегающей части Китайского Туркестана. Обработал К. Максимович. Вып. 1, 1889. *Thalamiflorae et Disciflorae*, I—IV, 1—139, табл. I—XIV.

На русском и латинском языках в общей, вводной части (географическое описание и общая характеристика растительности) текст идет параллельно, на обоих языках, повторяя один и тот же материал, в специальной же части (описание по отдельным видам) основной текст — на латинском языке, на русском же только указывается местонахождение описываемого растения; название растения часто дается и русское, наряду с обязательным латинским,

В первом томе (тангутской флоре) описаны 203 вида, во втором (Монголия и Китайский Туркестан) — 330. Много из них — новых видов. В материал второго тома вошли сборы не только Пржевальского, но и Потанина, Певцова и других путешественников; в меньшей степени это относится и к первому тому.

Литографски исполненные рисунки превосходно воспроизводят и общий вид растения, и ряд деталей.

15. Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии, изданные Географическим обществом. СПб., 1895. Отдел метеорологический. Маршруты и метеорологические наблюдения. Обработал А. И. Воейков.

Предисловие I—III; маршруты и метеорологические наблюдения 1—4 путешествий Н. М. Пржевальского, стр. 1—187; заметки Н. М. Пржевальского о климате Центральной Азии, стр. 189—230; метеорологические наблюдения, произведенные М. В. Певцовым в южной Кашгарии с 1/13 января по 1/13 мая 1890 г., стр. 231—238; о климате Центральной Азии на основании наблюдений четырех экспедиций Н. М. Пржевальского, стр. 239—281.

16. Климат области муссонов Восточной Азии: Амурского края, Забайкалья, Манчжурии, Восточной Монголии, Китая, Японии и т. д. Д. чл. А. И. Воейкова, Известия Географ. общества, т. XV, 1879, СПб., 1890. Отдел второй: географические известия, стр. 321—410; с двумя картами: изотермы января и июля.

Этот труд Воейков в значительной степени положил позднее в основу при разработке материалов путешествий Пржевальского в Центральной Азии (см. выше, № 15).

17. «Лошадь Пржевальского». Зоологический очерк члена-сотрудника И. С. Полякова. Известия Географ. общества, т. XVII, 1881, СПб., 1886.

К статье приложен рисунок (цветной литографией) общего вида лошади (с натуры, с чучела, сделанного в Музее из экземпляра, привезенного Пржевальским), а также черепа.

18. *Insecta in itinere cl. N. Przewalskii in Asiae Centrali novissime lecta*. Ряд статей, заключающих обработку энтомологических материалов, собранных экспедициями Пржевальского и Потанина, — в Трудах Русского энтомологического общества, тт. XX—XXIII. Статьи написаны были А. П. Семеновым (Тянь-Шанским), В. Е. Яковлевым, Дохтуровым, Моравицем, Чичериним и др. Принимал участие в обработке энтомологических сборов и Алфераки, поместивший 2 статьи в *Mémoires sur les lépidoptères*.

19. В. Л. Комаров. Ботанические маршруты важнейших русских экспедиций в Центральную Азию; часть 1, маршруты Н. М. Пржевальского, стр. 1—192. Труды Главного ботанического сада, т. XXXIV, вып. 1, Петроград, 1920.

Книга содержит огромный и драгоценный материал и по содержанию несравненно шире своего заглавия. Этот труд дает не только подробнейшие маршруты, но и географическое, сжатое и ясное описание пройденных Пржевальским пунктов, общую ботаническую характеристику и перечисление собранных путешественником растений в каждом данном описываемом месте.

К книге приложены: предметный указатель, указатель географических имен и указатель русских, монгольских, китайских и тибетских наименований растений, встречающихся в маршрутах Н. М. Пржевальского.

20. Л. С. Берг. Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.). Л., 1929, изд. АН СССР.

Труды Комиссии по истории знаний, 4, стр. 150, со множеством иллюстраций, карт, библиографией и указателем личных имен.

Крайне важное и единственное в литературе по полноте пособие по изучению истории русских исследований. Пржевальскому посвящены стр. 116—117 труда.¹

21. История полувековой деятельности Русского Географического общества, 1845—1895. Составил П. П. Семенов, при содействии А. А. Достоевского. СПб., 1896, I—III, XXX + 1377 + 66. 4 приложения, алфавитный указатель личных имен, состав Общества.

Подробное изложение хода всех экспедиций Пржевальского. Целый обширный отдел (IV, «Период экспедиций Н. М. Пржевальского, с января 1871 до конца 1885 г.») посвящен нашему путешественнику и его школе. Труд первостепенной важности, основанный на подлинных документах и на личном знакомстве почти со всеми деятелями географической науки.

22. Памяти Николая Михайловича Пржевальского. Издание Русского Географ. общества. С портретом. СПб., 1889, 62 стр.

Содержит в себе речи, произнесенные в чрезвычайном собрании Географ. общества 9 ноября 1888 г., посвященном памяти Пржевальского. П. П. Семенова, Штрауха, Максимовича и Воейкова. Кроме того, некролог, написанный И. П. Минаевым, и «Последние часы жизни Н. М. Пржевальского» — перепечатка статьи В. И. Роборовского из «Русского Инвалида». Основной материал (речи) был напечатан в Известиях Географич. общества, т. XXIV, 1888, стр. 233—288.

23. Н. Ф. Дубровин. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб., 1890, IX + II + 602 + VIII стр., с отчетною картою 4 путешествий и факсимиле письма Пржевальского и страницы его дневника.

¹ См. также Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1946. Характеристике Пржевальского посвящены стр. 242—248. —Р.д.

Самая подробная из вышедших дотепе биографий, имеющая то достоинство, что Дубровин лично и близко знал путешественника.

24. Всемирный путешественник. Путешествия Н. М. Пржевальского. Составил по подлинным сочинениям А. В. Зеленин. С рисунками и картами. СПб., 1899, 1901. I — 464 стр., II — 495 стр. Изд. Сойкина, ред. журн. «Природа и люди».

Чрезвычайно обстоятельное и добросовестное изложение путешествий и биографии Пржевальского, со множеством рисунков и двумя картами (Уссурийского края и маршрутов).

25. П. К. Козлов. Великий русский путешественник Н. М. Пржевальский. Л., 1929. Изд. Сойкина, 79 стр., с рисунками и картой путешествий.

26. В сердце Азии (памяти Н. М. Пржевальского). Очерк П. К. Козлова. С 29 рисунками и портретами в тексте, 2 картами в красках и картой путешествий Н. М. Пржевальского. Изд. Сойкина, СПб., 1914.

27. Николай Михайлович Пржевальский — первый исследователь природы Центральной Азии. Соч. П. К. Козлова, с 2 портретами, 3 табл., 5 рисунками и картой путешествий Пржевальского.

Все 3 книжки написаны для широкой публики сподвижником великого путешественника и его близким другом — П. К. Козловым.

28. Н. Пржевальский, его жизнь и путешествия. Биографический очерк М. А. Энгельгардта. С портретом Пржевальского и картой. СПб., 1891, 79 стр. — Из биографической библиотеки Ф. Павленкова — «Жизнь замечательных людей».

29. «Известия Всесоюзного Географического общества», специальный выпуск (№ 4—5 за 1940 г.), посвященный памяти Н. М. Пржевальского.

4/3

Фр. ф. ь н. о. в. з.
Р С С Р

Заводской комитет
завода

1942 г.
№ 2656/1172

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Глава 1. Детство и юность Пржевальского. Социальная среда. Общие политические и культурные условия двух последних десятилетий крепостного права. Гимназия. Военная служба.	5
Глава 2. Академия генерального штаба. Первые печатные работы. Военная служба после окончания Академии. Преподавательская работа в Варшаве. Работа над повышением своих знаний. Перевод в Восточную Сибирь.	14
Глава 3. Экспедиция в Уссурийский край. Географические знания того времени об этом крае. Путешествие к месту работы. Первый этап экспедиции.	27
Глава 4. Экспедиция в Уссурийский край. Зимняя экскурсия по побережью Японского моря и поперек Сихотэ-алиня. Весна и лето на озере Ханка.	42
Глава 5. Возвращение из уссурийского путешествия. Проект новой экспедиции. Выезд из Петербурга. Путь из Кяхты в Пекин.	53
Глава 6. Первое путешествие в Центральную Азию. Монгольское нагорье, Ордос, Ала-шань. Возвращение в Калган и снаряжение в дальнейшее путешествие.	73
Глава 7. Первое путешествие в Центральную Азию. Снова Ала-шань, Гань-су, Куку-нор.	91
Глава 8. Первое путешествие в Центральную Азию. Куку-нор, Цайдам и северный Тибет	104
Глава 9. Первое путешествие в Центральную Азию. Вновь Цайдам, Куку-нор, Гань-су и Ала-шань. Срединною Гоби в Ургу и Кяхту. Возвращение на родину	122
Глава 10. Второе путешествие в Центральную Азию: Восточный Тянь-шань, Лоб-нор, Алтын-таг. Возвращение.	136
Глава 11. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки — третье путешествие в Центральную Азию.	158

Глава 12. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки — третье путешествие в Центральную Азию (продолжение).	175
Глава 13. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки — третье путешествие в Центральную Азию (окончание).	197
Глава 14. Четвертое путешествие в Центральную Азию — от Кяхты на истоки Желтой реки. Отправление в пятую экспедицию и смерть Пржевальского.	234
Глава 15. Научные итоги путешествий Пржевальского. Пржевальский и общество его времени. Характеристика личности Пржевальского	252
Важнейшие даты биографии Н. М. Пржевальского и маршруты его пяти путешествий.	269
Библиографическая заметка	274

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета
Академии Наук СССР*

Редактор *А. И. Соболева*

Рисо АН СССР № 2932. Подп. к печ. 22 IV 1948 г.
М-07515. Печ. л. 17 $\frac{3}{4}$ +2 вкл. Уч.-изд. л. 15,5
тираж 8000 экз. Заказ № 864

1-я типография издательства Акад. Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия 12

0

1000 10/10

1000

1000

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

14 / VII 436	~~5/11/55~~
23 / IV 642	
16 / I - 700 .	
10 / II 49	
20 / V 578 ^a	
6 / VI 311	
23 / V 304 ^a	
2 / IX - 494	

Итого пред. выдан. 296
